

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 1 (48) 2024

МОСКОВСКИЙ **BAZAR**

МОСКВА, 2024

О ЛЮБВИ

Когда я писала вступительное слово к этому номеру, в окно заглядывала весна. Пока еще робкая, неспешная и такая желанная. Солнце уже пробивало морозный воздух теплыми лучами, нежные жемчужины капли зарождались внутри сосулек, повисших на карнизах, проступали на острие и, срываясь, летели на асфальт. И все дышало светом, радостью и надеждами...

Но потом наступило 22 марта, краски стали черными, и только пламя поминальной свечи пробивало тьму в наших душах. Все, что я написала, стало неактуальным. Пришлось виртуально порвать и выбросить в корзину. Потому что все стало другим. И мы, и мир. Он разделился на «до» и «после». Все слова по этому поводу уже сказаны, а выплакивать слезы мы будем еще долго. Жемчуг весенней капли застыл в наших глазах. Мы вдруг вспомнили и в очередной раз осознали, как все в этом мире мимолетно и уязвимо, – всего лишь мгновение на стреле времени. Но из этой мимолетности складывается жизнь, такая несправедливо короткая иногда.

Все пройдет, и эта боль тоже. Мы оплачем мертвых, в церквях отпоют заупокойные молитвы, задуют свечи, на могилах поставят памятники. Но мы никогда не забудем. Как не забыли Беслан, «Норд-Ост», теракты в метро. Память – это то, чего у нас не отобрать. Как и мужество. Мы станем только сплоченнее и крепче. Из бед и трагедий рождается наше новое общество, уже ничто не может этому помешать, а рождение всегда сопряжено с болью и кровью. Наш разум требует мести, а сердца кровоточат от боли.

И все же... Только любовь спасет нас. И я призываю вас любить – нет, не врагов, враги получают по заслугам. Любить своих: родных, друзей, родителей, детей, дальних родственников, коллег, соседей по лестничной площадке, соседских ребятишек, с которыми ваши дети ходят в школу. Любить и помнить, что все так кратко и так внезапно, ведь завтра кого-то из этих людей уже может с нами не быть. Любить эту весну, пусть и такую страшную. Любить жизнь, такую хрупкую.

Все в этом мире так мимолетно...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

BAZART

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- КУЛЬТУРА ОБМАНА

6

ПРОЗА

АЛЕКСЕЙ КОТОВ (Архангельск)

- ПЕСНЯ ПРО СТРОИТЕЛЕЙ
- ЦВЕТОЧЕК НА КАПОТЕ
- ПИРОЖКИ
- МЕХАНИК и ЛИДИЯ

ВЛАДИМИР МОРОЗОВ (Москва)

- 93-й
- КОТЫ
- УБИЛИ ПАПУ

13

17

18

19

22

26

31

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ОПАСАТЬСЯ (,) НЕЛЬЗЯ (,) НАСЛАЖДАТЬСЯ

35

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА СЕВРИКОВА (Москва)

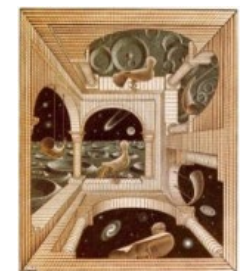
ИГОРЬ БЕЛЯКОВ (МОССАЛИТ, Москва)

ЕЛЕНА КРЫЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, г. Королев)

САГИДАШ ЗУЛКАРНАЕВА (Самарская обл.)

ЮРИЙ БЕРГ (Ингольштадт, Германия)

37

40

44

46

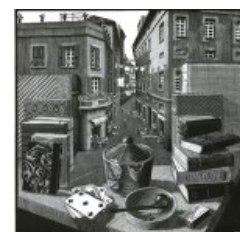
49

52

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Москва)

- О БЕДНОМ ЭТЬЕНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

57

ПЕРЕВОДЫ

СУН ДЭЛИ (Нью-Джерси, США)

- *ИЗЯЩНОЕ ОЧАРОВАНИЕ, ШЁЛКОВЫЕ СЛОВА. Авторское предисловие*

СУН ДЭЛИ (Нью-Джерси, США)

- *《语丝心韵》«ЯЗЫК ШЕЛКОВОЙ СЕРДЕЧНОЙ РИФМЫ» 致伊戈尔·波东诺夫先生 (г-ну Игорю Бурдонову)*
HEARTMELODY. МЕЛОДИИ СЕРДЦА To Mr. Igor Burdonov
Продолжение

63

67

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ДЖОН МАВЕРИК (Саарбрюккен, Германия)

- *СТРАННАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА. Рассказ*

ЮЛИЯ ПУЧКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ВИННИ-ПУХ И НАХОДЧИВЫЙ 5-й «Б». Рассказ*

ЕЛЕНА ВОРОБЬЕВА (Аксаково, Республика Башкортостан)

- *СТИХИ для ДЕТЕЙ*

СЕРГЕЙ ЕРЕМЕЕВ (Москва)

- *ТРИ СКАЗКИ*

79

81

84

87

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ОЛЬГА ДРАГУНОВА (Москва)

- *ВСЯ ТАКАЯ ЦВЕТУЩАЯ! И КУДА-ТО ЗОВУЩАЯ...*

ВЯЧЕСЛАВ ЧАЧИН (Москва)

- *ЧЕРНАЯ ДАМА НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА*

91

101

СМЕХОТЕКА

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ПЕРДИМОНОКЛЬ, или БАЙКИ У ПОДЪЕЗДА*

113

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

- *ВДОЛЬ БЕРЕГА БАЛТИКИ. Краткий путеводитель по Калининградской области*

ВЯЧЕСЛАВ ЧАЧИН (Москва)

- *МУЗЕИ И УСАДЬБЫ РОССИИ. Часть 2*

123

125

В оформлении журнала использованы

репродукции картин и иллюстрации М. Эшера, С. Жуковского, Б. Бакшеева, И. Левитана, И. Остроухова, Н. Позднеева, А. Тимофеева, Ю. Сочнева, С. Виноградова, Б. Кустодиева, Н. Антипина, Суна Дэли, фотографии авторов, фотографии из фотоархивов МОССАЛИТа и открытых интернет-источников.

На обложке:

А. Куинджи. Ранняя весна. 1895 г.

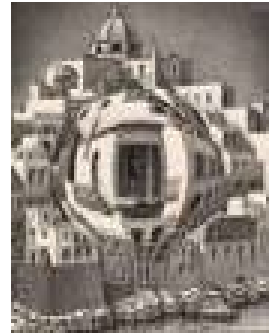
Руководитель проекта Ольга Грушевская
Главный редактор Светлана Сударикова
Редактор-корректор Ирина Чижова
Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Юлия Сорокина
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Городской альбом» - Ольга Драгунова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» – Анастасия Милютина

BazART

*Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)*

КУЛЬТУРА ОБМАНА

Помните фильм «Как украсть миллион» с прекрасной Одри Хэпберн? В фильме талантливый художник Шарль Боннэ выдает себя за коллекционера, а сам пишет высококачественные подделки в стиле импрессионистов и даже продает свои работы на аукционах. Или фильм «Следствие ведут ЗнаТоКи. Подпасок с огурцом», где талантливый ювелир Ким Фалеев с горечью говорит следователю: «Понимаете, она, Муза Анатольевна, ставит рядом двух моих Фаберже, одного с клеймом, другого – без клейма, и начинает наглядно объяснять, чем клейменный лучше неклеяменого!» А ведь эта Муза Анатольевна не простой любитель, она авторитетный в мире искусства эксперт-искусствовед. Думаете, эти сюжеты – фантазия сценаристов и режиссеров? Отнюдь нет. История знает немало мошенников и фальсификаторов произведений искусства, умудрявшихся обмануть самых авторитетных специалистов в этой области. И даже XX век, когда наука подарила экспертам современные методы исследования, такие как рентген и спектроскопия, не стал исключением.

Причины, которые толкают талантливых людей на подобные действия, различны. Для одних, таких как папаша Боннэ, это прекрасный способ заработать; для других, таких как Ким, это возможность показать себя, доказать окружающим, что ты не менее, а может быть, и более талантлив, чем большинство знаменитостей.

Странная штука удача, не каждому она распаивает объятия. Кто-то, не обладая должным талантом, тем не менее встраивается в систему и даже становится знаменитым. А кто-то всю жизнь пишет прекрасные стихи в стол, или его картиной прикрывают дырку в курятнике, и он умирает, не дождавшись славы. Правда, рукописи, как известно, не горят, а картина «Портрет доктора Феликса Рея» Винсента Ван Гога заняла свое достойное место в одном из лучших музеев мира – Музее имени Пушкина в Москве. К сожалению, Ван Гог этого так никогда и не узнал.

Арт-мошенников во все времена существовало огромное множество. В данной статье поговорим о тех, кто работал (если можно это так назвать) в тяжелых условиях XX века и сумел достичь впечатляющих результатов.

Прада, начать хочется все же с прошлых столетий. Но только в порядке исключения. Так, одним из самых знаменитых фальсификатов в истории искусства был не кто иной, как Микеланджело Буонарроти. Однажды Лоренцо ди Пьерфранческо де Медичи, на которого работал Микеланджело, предложил тогда еще никому не известному скульптору состарить одну из скульптур, «Спящий Купидон», сделать так, будто она пролежала в земле долгое время. Лоренцо и в голову не могло прийти, что подлинные работы Микеланджело однажды будут стоить гораздо дороже. Молодой Микеланджело согласился. Статую Лоренцо ди Пьерфранческо продал кардиналу Раффаэлю Риарио. Однако кардинал быстро распознал фальшивку, но был так

Портрет
Микеланджело Буонарроти

Христос и грешница (Христос и судьи)

впечатлен работой, что не просто оставил Микеланджело гонорар, но и пригласил его работать в Ватикан. Впоследствии «Купидон» был куплен королем Карлом I и, к сожалению, был уничтожен огнем во время пожара во дворце в 1698 году.

А теперь вернемся в век XX и остановимся на самых интересных фальсификациях, оставивших свой след в истории искусства.

В 1945 году в Амстердаме был взят под стражу искусствовед Хенрикус Антониус (Хан) ван Мегерен. Его обвиняли в коллаборационизме и распродаже национального культурного достояния. Выяснилось, что ван Мегерен продал рейхсмаршалу Герману Герингу картину Вермеера «Христос и судьи». Картину в коллекции Геринга обнаружил американский капитан Гарри Андерсон. Ван Мегерену грозил серьезный тюремный срок.

И тогда неожиданно для судей ван Мегерен сознался, что картину на самом деле написал вовсе не Вермеер, а он, ван Мегерен. Естественно, никто ему не поверил. Однако художник продолжал настаивать. Художника поместили в специальный дом, где он в качестве доказательства должен был написать картину в стиле Вермеера. Так появилась картина «Молодой Христос, проповедующий в храме» (или «Иисус среди книжников»). К тому же экспертиза показала, что кракелюр на картине «Христос и судьи», сделан искусственным путем. Кстати, метод состаривания картин ван Мегенер также изобрел сам.

Так был раскрыт один из самых известных арт-мошенников XX века, писавший свои работы в стиле голландских мастеров: Вермеера, Питера Хоха, Герерда Тербоха, Франса Хальса. Причем подлинность работ подтверждал выдающийся мастер атрибуции произведений живописи – директор картинной галереи Маурицхейс в Гааге Абрахам Бредиус. Вероятно, гениальный художник Хенрикус Антониус (Хан) ван Мегерен так и остался бы никому не известным и не признанным, если бы не его гениальная афера. Причем ван Мегерен не писал копий, он создавал свои работы со своими сюжетами, копируя именно манеру мастера. Кстати, мне всегда было интересно, что подумал Герман Геринг, когда узнал, что купленная им за 1 600 000 гульденов картина всего лишь подделка никому не известного художника. К тому моменту он уже находился под стражей.

Подделка под Питера Хоха

Корнелиус Кригофф. Охотники на границе

Юрий Деточкин воровал машины вовсе не для того, чтобы разбогатеть, – он восстанавливал справедливость, отбирал у тех, кто живет на нетрудовые доходы, и отдавал нуждающимся, то есть в детские дома. В мире арт-аферистов тоже был такой «Юрий Деточкин», только объявивший крестовый поход арт-дельцам, для которых искусство стало предметом торга, а художник – разменной монетой. Звали его Том Китинг. По его собственному утверждению, он подделал около 2000 картин более ста пятидесяти художников, общая прибыль от его подделок составляет более десяти миллионов долларов. Однако заработок не был его целью. Свои прекрасные подделки он раздавал друзьям, обменивал на еду, использовал в качестве арендной платы. Он был щедр. Целью Китинга была вендетта по-английски против коррумпированных перекупщиков и прогнившей системы аукционов и музеев. Китинг буквально издевался над этой публикой: намеренно допускал ошибки, анахронизмы, использовал краски, не соответствующие данному историческому периоду, выставляя коллекционеров неучами и дураками.

Иногда на холсте белым свинцом писал ругательства, а поверх этого уже писал картину, так что это можно было увидеть только в рентгеновском излучении. Таким образом оставлял метки своим коллегам-реставраторам, зная, что они обнаружат подделку. Кстати, это один из методов в среде художников-мошенников, способ избежать впоследствии обвинений в подделке.

Речной пейзаж в галерее Порчинского в Варшаве за подписью: «Альфред Сислей», как утверждается, является подделкой Китинга

К 1960-му году Китинг наполнил рынок «вновь обретенными» произведениями искусства, чем снизил стоимость полотен известных художников на аукционах, поскольку стало понятно, что далеко не все картины подлинные, и требовались дорогие экспертизы. Особенно много появилось работ Корнелиуса Кригоффа, канадско-американского художника XIX века. «Вновь открытых» «кригоффов» оказалось так много, что цены резко упали из-за опасений фальшивок, а аукционный дом Sotheby's еще много лет жаловался на невозможность точной идентификации всех работ Кригоффа. А в 70-х вместе со своей любовницей Джейн Келли он продал несколько подделок малоизвестного тогда романтика Сэмюэля Палмера. Именно на этом они и попались.

В 1977 году вышла книга Джеральдин и Фрэнка Норманов «Афера Тома Китинга. Невыдуманная история художника-фальсификатора». В основу легло интервью великого фальсификатора, которое он дал журналистам Times.

В 1984 году мир отмечал 100-летие Модильяни. Естественно, основные торжества намечались в Ливорно, где художник родился. Город вовсю готовился к празднованию юбилея. И тут кто-то вспомнил старую историю от том, что Модильяни однажды, будучи в городе проездом, показал друзьям статую. Однако друзья не одобрили работу и высмеяли художника. И тогда в порыве гнева он выбросил ее в канал. Эта история настолько понравилась горожанам, что они немедленно приступили к поискам статуи при помощи экскаваторов, предназначенных

Рельеф, сделанный студентами

Те самые студенты

для чистки каналов. И конечно же, статую нашли. Да не одну, а целых три. Правда две разоблачили немедленно – они принадлежали руке местного скульптора Анджело Фрольи, а вот третья ну точно сделана самим Модильяни. Однако радость горожан длилась недолго. В подлоге сознались трое студентов, которые решили таким образом разыграть ливорнцев. Они рассказали, что при помощи электродрели создали рельеф, напоминающий по стилистике Модильяни, и бросили его в канал. Как говорится, не кóрысти ради, а токмо для всеобщего веселья. Но горожане не сдавались и не верили студентам. Тем более сам директор художественного музея Ливорно признал руку Модильяни. Студентам даже пришлось выступить на телевидении и в качестве доказательства создать еще одну работу «Модильяни». Так три студента посрамили известных искусствоведов и даже директора музея.

В 1968 году на звукозаписывающей фирме «Мелодия» вышла пластинка советского гитариста и лютниста Владимира Вавилова с записями произведений для лютни «Лютневая музыка XVI–XVII». Пластинка сразу стала невероятно популярной и неоднократно переиздавалась, впоследствии даже на CD. На пластинке были произведения средневековых авторов Франческо да Милано, Джулио Каччини, Ганса Нойзидлера, Дени Готье и других

композиторов, а также «неизвестных авторов» и народная музыка. Исполнял произведения известный гитарист и лютнист Владимир Вавилов. В общем, ничего особенного. Если бы не один интересный факт, открывшийся уже после смерти Вавилова: ни среди произведений известного ватиканского лютниста Франческо да Милано, а они все внесены в ватиканские протоколы и обнародованы, ни среди произведений других композиторов ничего подобного из того, что исполнял Вавилов, обнаружено не было. Более того, Знаменитая «Ave Maria» Джулио Каччини никак не могла принадлежать Каччини, как показал стилистический анализ? «септаккорды по “золотой секвенции”, синкопы в басу, седьмая повышенная ступень в миноре, двойная доминанта... Такого в принципе не могло быть написано 400 лет назад».

Музыковеды подтвердили невозможность создания этих композиций ни в XVI, ни в XVII веке. Ноты лютневых композиций, которые исполнял Вавилов на пластинке, отсутствуют в архивах и музыкальных библиотеках. Кроме английской народной песни «Зеленые рукава». Автором всех этих прекрасных произведений был сам Вавилов. Конечно же на этот подлог он пошел не славы ради. Он прекрасно понимал, что, не будучи композитором, рассчитывать на издание пластинки не приходится. Кроме того, советский композитор не мог написать «Аве Марию». Вот Вавилов и выдал собственные сочинения за музыку малоизвестных в Советском Союзе авторов, искренне полагая, что проверять никто не будет. Собственно, так и вышло. Музыка действительно очень понравилась советским слушателям. Открывала альбом канцона «Рай», якобы написанная Винченцо Галилеем, кстати, отцом великого астронома. Поэт Анри Волхонский написал слова к мелодии, и впоследствии она стала необыкновенно популярна в исполнении Бориса Гребенщикова под названием «Город золотой». А «Аве Мария» Каччини входит в репертуар практически всех мировых оперных звезд.

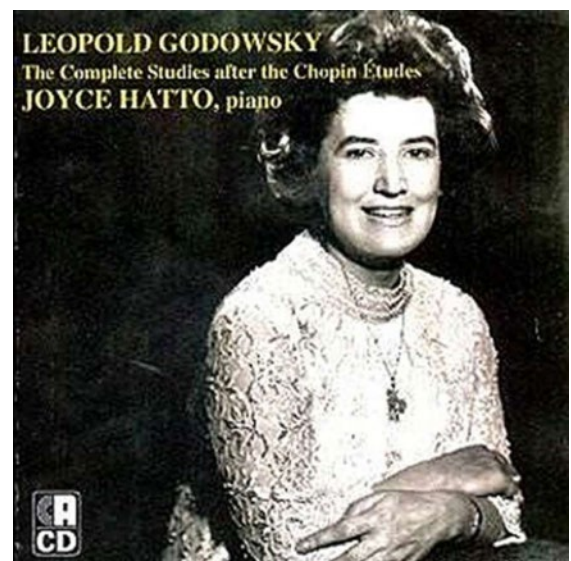
Одним из самых известных и популярных произведений классической музыки, безусловно, является «Адажио Альбинони». Венецианец Томазо Джованни Альбинони был композитором и скрипачом эпохи барокко, писал оперы, сонаты, концерты для струнных инструментов. И никогда не писал знаменитого адажио. Вероятно, он был бы чрезвычайно удивлен, если бы однажды, сидя в концертном зале, услышал прекрасную музыку, автором которой называли его. Возможно, возмущился бы и воскликнул: «Господа, это вовсе не моя музыка, я не писал этого адажио!» Однако он точно не обиделся бы на итальянского композитора Ремо Джадзотто, который, собственно, и сочинил это произведение, приписав авторство Альбинони и увековечив его имя.

Кто бы из наших современников сейчас знал, кто такой Альбиниони?! Сам Ремо Джадзотто уверял, что в 1945 году на развалинах Дрезденской Саксонской земельной библиотеки, разрушенной при бомбардировке Дрездена Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13–15 февраля, обнаружил фрагменты нот, содержащие басовую партию и два фрагмента партии первой скрипки общей продолжительностью шесть тактов. Джадзотто якобы сделал реконструкцию на основе этих фрагментов. Однако впоследствии музыковедами было установлено, что Альбиниони никакого отношения к данному адажио не имеет, а в Саксонской земельной библиотеке никогда не было ни этих нот, ни даже их фрагментов. Это произведение было полностью написано Ремо Джадзотто. На сегодняшний день «Адажио Альбиниони» – одно из самых исполняемых произведений в мире.

Томазо Джованни Альбиниони

Британская пианистка Джойс Хатто не обладала особым талантом и встать в один ряд с таким знаменитыми пианистами как Рихтер, Рубинштейн, Горовец, Гилельс или Софроницкий вряд ли бы ей удалось. Однако ее называли «величайшей из ныне живущих пианисток, о которой прежде никто не слышал», а в среде ее поклонников были такие известные музыкальные критики как Джереми Николас, автор журнала Gramophone, и работавший в The Boston Globe Ричард Дайер. Как такое возможно? Очень просто. Эту незаслуженную славу Джойс обеспечил ее муж, Уильям Баррингтон-Куп, работавший в компании звукозаписи. Благодаря ему свет увидели альбомы Джойс с ее якобы домашним исполнением. Там были не только сольные исполнения, но и произведения с оркестром под управлением некоего Рене Келера. Джойс Хатто блестяще исполняла Баха, Скарлатти, Листа, Моцарта, Прокофьева, Рахманинова и других композиторов.

На самом деле исполнителями были совершенно другие пианисты, такие как Лейф Уве Андснес, Владимир Ашкенази, Ефим Бронфман, Марк-Андре Гамлен, Евгений Кисин и Ингрид Хэблер. А знаете, что в этой истории особенно интересно? Музыковеды, с восторгом отзывавшиеся об игре Джойс, весьма прохладно писали об оригинальных записях, которые, собственно, и использовал Уильям. Под именем Джойс Хатто они звучали гораздо интереснее.

Однако все испортил вездесущий компьютер. После анализа звукозаписей с диска Джойс, он беспристрастно выявил плагиат. Поначалу Уильям отвергал обвинения, но довольно быстро сдался и признался в фальсификации. Он уверял, что Джойс ничего не знала, а осуществил он эту грандиозную аферу исключительно для того, чтобы порадовать смертельно больную раком жену. Чего не сделаешь во имя любви!

Это далеко не все мошенники, фальсификаторы и шутники, которыми славен век двадцатый. Не первые и не последние. Возможно, имен самых талантливых, умных и осторожных история пока не знает. И сколько поддельных картин на самом деле представлено в самых знаменитых музеях мира, определить невозможно.

С. Жуковский. Подснежники. 1911 г.

ПРОЗА

Алексей Котов
(Архангельск)

ПЕСНЯ ПРО СТРОИТЕЛЕЙ

«Они шли по ночному Питеру. Он держал ее за руку и рассказывал о городе. Об удивительной архитектуре великолепных зданий, о красоте мостиков и каналов. О романтической энергетике, наполняющей площади, проспекты и скверики. Она смотрела на него взглядом, полным восхищения. Неизвестное до сих пор нежное чувство просыпалось в ее душе...» Сон, плавно переходящий в нежные картины мечты, все чаще и чаще закрадывался в самые потаенные уголки души Марины.

Марина грустно перебирала струны гитары. Музыканты небольшого ресторанчика взяли паузу. Постоянный контингент заведения под неторопливый говор отдыхал от дел насущных. Администратор Сеня, нагло разглядывая Марину, уже зачислил ее в список своих «кисок». К музыкантам здесь относились пренебрежительно. Шуточки и приколы братвы в их адрес носили порой очень обидный характер. Однако и чаевые отстегивались немалые.

Марина что-то тихо урчала себе под нос. Неустроенность в личной жизни и отсутствие работы по специальности определяли характер урчания. Вместо сытых звуков теплой кошечки наружу выходил рык затравленного зверя.

По залу в поисках неизвестно чего бродил одинокий посетитель. Здоровенный и нескладный верзила с выражением наивной непосредственности на лице. Наконец он случайно встретился взглядом с Мариной и подошел к ней.

- Песню можно?
- Можно. – Марина с отстраненным любопытством посмотрела на верзилу. – Какую?
- Про строителей. – Строитель просительно подмигнул обоими глазами сразу.
- Хорошо. А о чем песня?
- Мы поможем вам всегда.
- А еще о чем?
- Не унываем никогда.
- И все?

Строитель старательно пытался наморщить лоб, но ничего не получилось. Марина с интересом наблюдала за процессом творчества.

- Для первого парня на деревне маловато будет.
- Так это...
- Какая интересная с точки зрения филологии фраза. Пожалуй, надо записать, чтоб не забыть.
- Ну, вот это вот...
- Да в вашем лексиконе сплошь и рядом глубокие философские сентенции! – Марина весело засмеялась. Издали за разговором парочки наблюдал Сеня. – Продолжаем разговор. –

Марина наклонила голову набок и улыбнулась. – Так вы говорите, вас интересует дифференциальная оркестровая фактура в произведениях Шнитке?

– Как это... – Строитель широко улыбнулся. – Да!

Сеня почувствовал укол ревности и решительно направился к Строителю. Строитель с восхищением рассматривал Марину. Сене это очень не понравилось.

– Что он здесь делает? – Вопрос прозвучал для Марины, но ответил Строитель.

– Песню.

– Какую?

– Мы поможем вам всегда! – Строитель добродушно посмотрел на администратора.

– Он знает, сколько стоит заказ песни? – Вопрос опять прозвучал для Марины.

– Не унываем никогда! – радостно ответил Строитель. Марина с явной симпатией смотрела на любителя строительных песен.

Сеня от жгучей ревности заметно разволновался, но, хорошо понимая, что скандал на виду никому не нужен, решительно уцепился за рукав Строителя и процедил сквозь зубы:

– Пройдемте, пожалуйста, в сторонку и обсудим сложившуюся ситуацию.

Строитель вопросительно посмотрел на Марину, Марина согласно кивнула, и противоборствующие стороны направились к стойке администратора.

Марине внезапно стало жаль непутевого Строителя. Парню просто хочется песню, а Сеня начнет прессовать. Но перерыв закончился, отдохнувшие музыканты заняли свои места и продолжили музыкальную программу. Марина привычно завела балладу об истоптанной жизнью на зоне душе.

Музыканты привычно подхватили мотив. Когда Марина допела последнюю песню, Строитель и администратор направились к лестнице, ведущей в туалетные комнаты. Музыканты закончили песню на тягостном миноре. Наступила тишина. И вдруг со стороны туалета послышался грохот.

Огромный охранник Гога-Шкаф и его верные подручные Кабан и Грач поспешили вниз. Грохот повторился, послышался звук разбитого зеркала и истерически писклявый мужской визг. Что-то тяжело, но мягко рухнуло. Среди мужественных хранителей наследия девяностых пробежал заинтересованный гул, и желающие разобраться в ситуации потянулись за охранниками.

Шум усилился. Мало-помалу все внимание посетителей ресторана переключилось на события в туалетных комнатах. До оставшихся в зале отчетливо доносились обрывки непечатных выражений и звуки падения грузных тел на кафельный пол.

Сердце Марины бешено застучало. Ей стало страшно за Строителя. Между тем зал лишился почти всей мужской составляющей и немалого количества дам. Музыканты недоуменно переглядывались. И вдруг наступила полная тишина. Марина страшно побледнела и опустила голову. У нее задрожали руки. Тяжелое предчувствие стальными тисками сжало сердце.

В наступившей тишине послышался зловещий звук шагов, и она медленно направила взгляд в сторону лестницы. Из подземелья показалась голова Строителя. Он волок под руку нечто, напоминающее администратора Сеню. Левый глаз Сени заплыл, а правый еще что-то видел. Пиджак с рубашкой были разорваны, а на почти целых брюках, в районе причинного места, темнело огромное пятно, издававшее стойкий физиологический аромат. Парочка направились к Марине. Не доходя до Марины, Строитель, с улыбкой во все широкое добродушное лицо, дружелюбно уронил Сеню в первое попавшееся кресло и заказал песню про строителей.

Марина задохнулась от радости. Выпускница престижного музыкального учреждения по классу вокала моментально взяла нужную тональность и, подыгрывая себе на гитаре, с ходу запела бойкий мотив:

Строители! Не унываем никогда!
 Строители! И мы поможем вам всегда!
 Строители! Строители! Строители!!!

Искреннее до самозабвения исполнение песни проникало даже в самые огрубевшие души. Марина встала во весь рост и, вскинув голову, чисто выводила пришедшую в голову мелодию. Музыканты начали осторожно подыгрывать ей. Из недр подвала четверо одноглазых мужчин с трудом вынесли грузное тело Гоги-Шкафа. Тело издало звук лопающейся автомобильной шины.

Эта картина вызвала массу эмоций у лидер-гитариста Коли. Дело в том, что Гога-Шкаф постоянно преследовал Николая обидными шутками и при каждом удобном случае сопровождал свои приколы болезненными физическими приколами. Музыкант уже давно порывался уйти, но финансовая составляющая работы в ресторане не позволяла пойти на столь решительный шаг. Приходилось терпеть унижения.

Николай стремительно вскочил с табурета, выкрутил ручки своего усилителя на полную мощность и, выждав концовку Марининога запева, взорвался супермощным гитарным риффом. Этот рифф популярной английской рок-группы всегда тяжело давался Николаю и звучал вымученно. Но тут, на волне сильного душевного потрясения, голос гитары ярко запел, проникая в души слушателей!

По неписанным законам рок-музыки спустя положенное количество тактов к звуку лидер-гитары должен был подключиться напористый, с оттяжкой, бас. И бас подключился! Басист Дима увидел охранника Кабана. Вернее, то, что было когда-то самоуверенным и наглым качком. Сейчас Кабан напоминал сильно побитую собаку. От бывшего кабаньего величия осталась лишь чудом уцелевшая надпись «Охрана» на тряпочке, когда-то служившей курткой. Зло было наказано. Ведь именно Кабан разбил мечты Димы о романтических свиданиях с барменшей Валерией.

Дмитрий подкинул плечами бас-гитару и дополнил рифф сильной и отточенной партией баса. На волне вдохновения басист запрыгал на одной ноге, как это делает музыкант группы AC/DC. Эти прыжки явились следствием внутреннего противоречия. Дело в том, что Дмитрий только в их группе был басистом. На самом деле, глубоко в душе, он родился с лидер-гитарой в руках, и сейчас нереализованный талант вырвался наружу. Дмитрий, не переставая играть партию баса, одновременно выводил на басовых струнах гитары мощное соло. И это ему с блеском удавалось!

Барабанщик Саша, с детства приставленный к рок-музыке, не разглядел происходящего в зале, но энергетику своих коллег очень хорошо почувствовал. Александр совсем недавно купил вторую «бочку» к своей установке и никак не мог опробовать ее по-настоящему. А тут такой шанс! Услышав виртуозные риффы своих товарищей, Саша не стал раздумывать. Его барабаны были подзвучены фирменным усилителем и две «бочки» заработали, как академической хор отбойных молотков.

От такой вакханалии ритма и звука Марину чуть не сдуло с эстрады. Она наконец поняла смысл профессионального выражения музыкантов: «Как я могу плохо петь, когда за мной звучит такая машина!»

Строитель пришел от песни в восторг. Он начал притоптывать на одном месте и размахивать руками, повторяя движения ветряной мельницы.

Веселье разгоралось, и Марина готовилась спеть второй куплет. Все было хорошо, но нужный текст никак не нарождался. Марина уже совсем отчаялась и решила повторить вступление, как вдруг пришла помощь с неожиданной стороны. Вечный бэк-вокал – Варвара, давно перевалившая через бальзаковский возраст, увидела свою безответную и безнадежную любовь. Своего Жиголо. Жиголо вынесли из подвала. Но если у всей братвы был подбит левый глаз, то у Жиголо оказался украшен правый.

Варвара вспомнила, что она когда-то пела в опере и выдала настоящую рок-арию. Сильно и запредельно эмоционально. Пела Варвара на смеси итальянского и английского языков, не забывая, однако, и строительную тематику. «Бетон» и «гипсокартон» рефреном прошли сквозь мелодичный набор не связанных между собой слов. Со стороны казалось, что поет истинная прима «Ковент Гардена». Вкрапления «фени», из соображений политкорректности, тоже нашли место в ее песне.

Песня Варвары вызвала ностальгический отклик в душе одного из авторитетов почтенного возраста. Музыка молодости в сочетании с созданным Варварой образом всколыхнули нежные струны в душе поклонника рок-музыки прошлого, что в недалеком будущем приведет к счастливому слиянию двух одиноких сердец.

К удивлению Марины, побитая братва никоим образом не опечалилась и не помышляла о благородном отщени. Наоборот! Почти все присутствующие мужчины испытывали безмерное уважение к Строителю. Они выражали свой респект и уважуху кто чем мог.

Когда Варвара закончила свою партию и наступил момент инструментального проигрыша между куплетами, в зал торжественно внесли Грача в двери. Дверь в туалетную кабинку и Грач составляли единое целое.

Настал миг триумфа Васи-клавишника. Грач почти каждый вечер запирал Васину машину своим джипом, и Василию приходилось унижаться, простить и ждать, когда Грач соизволит отъехать. При этом Грач требовал компенсацию за свой труд и заставлял Василия играть «настоящую» музыку. «Мурку».

Василий блаженствовал. Марине показалось, что он воспарил над своим инструментом. Только дорогой импортный синтезатор смог выдержать его бешеный натиск.

Когда-то Василий услышал притчу о Великом Органисте.

Однажды после концерта к Великом Органисту подошел очень аккуратный человек и сказал:

– Вы знаете, у меня абсолютный слух, и то, что я сегодня услышал, просто физически не может сыграть человек с десятью пальцами!

Великий Органист с достоинством ответил:

– Вы правы, мой друг! В некоторых местах я подыгрывал себе носом!

И вот теперь Василий превзошел Великого Органиста. Это было нечто Великое!

Ресторан закрыли «для внутреннего пользования», столы сдвинули, и братва всю ночь радостно чествовала Строителя. Он стал «своим» на веки вечные. Каждый старался рассказать собственную историю получения от него тумачков и при этом самозабвенно гордился произведенным впечатлением.

Марина какое-то время пребывала в нерешительности. Но потом, поняв, что второго шанса не будет, решительно подошла к Строителю:

– Послушай, это все ерунда. Просто песенка. У меня есть целая оратория о строителях! Только я ноты дома забыла. Может, сходим? И там я тебе действительно спою. По-настоящему!

Провожать парочку вышел весь ресторан. Белые ночи наполняли воздух города фантастической аурой. Марина и Строитель пошли пешком.

Они шли по ночному Питеру. Она держала его за руку и рассказывала о городе. Об удивительной архитектуре великолепных зданий, о красоте мостиков и каналов. О романтической энергетике, наполняющей площади, проспекты и скверики. Строитель смотрел на нее взглядом, полным восхищения. Неизвестное до сих пор нежное чувство просыпалось в его душе...

Тоненькие пальчики Марины тонули в огромной ладони Строителя. Поэтому она держала его за палец.

ЦВЕТОЧЕК НА КАПОТЕ

Валерий Павлович Шлепанцев не торопясь спустился во двор, подошел к своей новой машине и ужаснулся.

На блестящем капоте красовался нацарапанный чем-то острым аккуратный цветочек. Холодок ужаса пробежал по спине Валерия Павловича:

– Может, это китайская наклейка-розыгрыш?

«Наклейка» не отдиралась.

Валерий Павлович в негодовании вернулся домой:

– Малыш, ты представляешь! У меня на капоте нарисовали цветочек!

– Красивый? – не переставая поглаживать котика, поинтересовалась Лариса.

– Ка-к-кое там! – Шлепанцев заметался по квартире. – Малыш, это новая машина! Новая!

Это... это...

– Тебе не нравится? – Котик ласково урчал.

– Да что ты говоришь-то! Да как... да как...

– А я думала, тебе понравится... – В голосе жены проснулись нотки обиды.

Дикое подозрение охватило Валерия Павловича.

– Нет... не говори мне... – Шлепанцев схватился за живот, заменяющий ему сердце, и в изнеможении рухнул на диван.

– Да, это сделала я! – Лариса нежно смотрела на Валерия огромными серыми глазами. – Я хотела сделать тебе приятное. Такой маленький, красивый цветочек. Ты будешь смотреть на него, и твое сердце потеплеет от любви ко мне.

Шлепанцев действительно «потеплел».

– Хы-ы-ы-ы!..

Весь вечер прошел в бурных дебатах. Валерий Павлович бегал по квартире, выл в окошко, усердно рвал на себе волосы, ползал на коленках и пытался объяснить жене что-то невнятное.

Лариса с любопытством смотрела на мужа.

– Хорошо. Если ты не любишь мои цветочки, значит, ты не любишь меня. – Лариса встала, поправила чудесные белые волосы, взяла клатч, надела плащ и двинулась к двери. – Я уйду к маме.

Дверь в прихожей обиженно хлопнула.

Валерий Павлович остался один на один с котиком и своим горем. Котик отправился на кухню в поисках рыбки, а Шлепанцев проследовал туда же в поисках водки.

Оставшийся вечер друзья провели вместе. Покинутый муж пил водку и страдальчески смотрел на кота. Кот, набив живот рыбой, разлегся на табуретке и, казалось, вопрошал у Валерия Павловича: «А поговорить?»

И Шлепанцев говорил!

Разговор вращался вокруг женщин с их непонятной простому смертному логикой.

Конечно, были затронуты и автомобильные темы.

И темы наскальных рисунков доисторического человека.

Уснули далеко за полночь.

– Ты, разводишься! Да-да! Разводишься! – Игорь Сергеевич утешал друга. – Да если бы моя Серафима такое бы вытворила! Да ты что! Да у Ларисы совсем ума нет!

Валерий Павлович живо представил, как упитанная и хозяйственная Серафима рисует фикус с кадкой на капоте их семейного джипа.

– Ха-х-х-х!..

– Что с тобой? – Игорь удивленно поднял брови.

– Да так... Померещилось.

– Разводишься, я тебе говорю. И думать тут нечего! Разводишься! – Игорь Сергеевич размахивал руками, пытаясь показать Валерию, как хорошо живется в холостяках.

Глядя на блеск в глазах друга, Шлепанцев вдруг вспомнил, как Игорь постоянно напрашивается к ним в гости и как смотрит на Ларису.

И отчетливо представил Серафиму у себя на кухне с огромным тучным котом.

Валерию Павловичу наскучил этот пустой разговор. Он попрощался с товарищем и... И отправился в салон аэрографии.

– Слушай, а он у тебя супер! Сам рисовал? – Мастер аэрографии восхищенно рассматривал рисунок Ларисы. – Чувак, это она тебя проверяет, кого ты больше любишь. Ее или машину. А нарисовано в кайф! Давай, я чутка подправлю, здесь вот оттеню, цвет слегка наложим, заполируем, лачком покроем...

Шлепанцев улыбался.

Мастер продолжал:

– У тебя крутяк тачка будет! А ты ей скажи, пусть зайдет. Мы с ней такого нарисуем, у нас клиентура в очередь выстроится!

Валерий Павлович Шлепанцев ехал к теще за женой. На заднем сидении лежал огромный букет цветов.

ПИРОЖКИ

С обычной вазой, наполненной пирожками, происходило чудо.

– Каждый взятый из вазы пирожок уже несет в себе первопричины для взятия другого! – размышлял Дмитрий Панасевич, отправляя в рот восхитительную мучную радость.

– И, что интересно, еще не взятый, но уже приготовленный к взятию пирожок, является стимулом перехода в иной мир предыдущего! – продолжал философствовать он.

Количество пирожков между тем стремительно уменьшалось.

– А вот если я, потянувшись к одному пирожку, вдруг возьму соседний! – От таких интересных мыслей Панасевич не успевал жевать и глотал пирожки большими кусками.

– Воистину, неисповедимы пути Господни для пирожков, задумывающихся о своих судьбах! – Дмитрий радостно возвел глаза к потолку. – Какая глубокая игра предопределений в мироздании!

Когда остался последний пирожок, философ подвел черту:

– И вот, наконец, финал! Именно ему, этому пирожку с маленькой подпалинкой на боку, уготована честь стать завершающим звеном в длинной цепи случайностей и совпадений!

Завершающее звено исчезло в пухлом брюшке Панасевича.

И в этот момент в комнату вошла Владислава, жена Дмитрия.

Бегая вокруг стола и периодически получая тряпкой по затылку, довольный собой философ успевал делать причинно-следственный анализ количественной сущности пирожков, исчезнувших из вазы, и качественной сущности череды ударов по собственной лысине.

– А ведь каждая брошенная жена уже несет в себе возможность появления новой. – На поворотах Панасевича немного заносило, и он старательно придерживал брюшко от непредсказуемых пируэтов. – Но далеко не каждая умеет печь такие вкусные пирожки!

МЕХАНИК и ЛИДИЯ

Механизмы – вещь сложная. Механик видел механизмы насквозь. И не только то, как они работают. Механик видел причины и следствия внутренних напряжений, усталостей и деформаций. Наверное, это был дар свыше. Механизмы слушались Механика. В руках Механика самый заржавленный и запущенный механизм вспоминал свою молодость и весело урчал шестеренками. А вот людей Механик сторонился. По этой причине вместо женщины у Механика был разноцветный Кот. Кот, в отличие от своего хозяина, к вопросу о кошках подходил проще и под настроение устраивал ночные вылазки. Механик с Котом вели неспешные беседы о физике, законах механики и женщинах. Кот смотрел на хозяина большими глубокими глазами и молча слушал. Понять отношение Кота к женщинам было невозможно. Как истинный аристократ, Кот держал свои эмоции глубоко внутри. Даже когда появлялась рыбка на обед, Кот подходил к ней так, как будто делал огромное одолжение хозяину, и аккуратно пробовал только после долгих и тщательных обнюхиваний.

После разговоров о женщинах глаза Механика становились грустными. Люди рассказывали, что в прошлом у Механика была трагическая любовь. Хотя, может, это досужие выдумки белокурых дамочек. Белокурые дамочки очень любили Механика. Нет, не за пронзительный, полный скрытой страсти взгляд или мистическую таинственность. Просто Механик умел хорошо и быстро ремонтировать автомобили дамочек. Конечно, дамочки проявляли определенный интерес к романтическим тайнам Механика, но запахи механизмов полностью разрушали розовую чувственность, и светловолосые автоледи держались на расстоянии.

Однажды в мастерской Механика появилась Лидия. Маленькую красную машинку Лидии привезли на эвакуаторе. Белокурые волосы Лидии недвусмысленно намекали на определенные черты характера. Механик молча открыл капот и обнаружил двигатель, абсолютно не похожий на обычные автомобильные двигатели. Это было нечто новое и, по-видимому, недавно с завода. Предчувствие встречи с неизведанным и еще не изученным наполнило сердце Механика щемящей радостью, однако к светлым чувствам естествоиспытателя добавились незнакомые

прежде нотки беспокойства. Механик посмотрел на Лидию и постарался подавить нахлынувшие эмоции. Это ему удалось. Долгие разговоры с Котом принесли пользу. Аристократическая невозмутимость взяла верх над радостью от интересной находки.

В мастерской повисла трогательная театральная пауза. Наконец Механик обуздал волны эмоций и великолепно разыграл из себя наиопытнейшего специалиста по ремонту самых загадочных двигателей. Поломка несложная, машина ездить сможет. Но есть определенные нюансы, для благополучного разрешения которых необходимо время. Лидия понимающе кивнула, подошла к Механику вплотную и положила свою маленькую теплую ладошку ему на руку. Трогательно-доверчиво посмотрев в глаза Самоделкину, Лидия пообещала ждать столько, сколько нужно. Механик слегка смутился и, заподозрив ироническую усмешку, посмотрел на Кота. Мерзкое животное невозмутимо сидело, уставившись в бесконечность. Отобрав у Лидии свою руку, властелин шестеренок суетливо стал перебирать инструменты. Лидия, грациозно вынув из сумочки визитную карточку, положила ее Механику в кармашек комбинезона и удалилась из мастерской, маняще покачивая бедрами.

Механик погладил место прикосновения руки Лидии, зачем-то обнюхал свою руку и высказал Коту все соображения по поводу внутреннего устройства блондинок и их красных машин. Кот даже усом не пошевелил. Раз взялся за гуж, не говори, что не дюж. Машину надо было ремонтировать.

Хозяин закрыл мастерскую, отключил телефон и углубился в интимное пространство красивой красненькой машинки Лидии. Механик вынул двигатель из машины и установил на специальный стенд – гордость Механика. Такого мотора Механик еще не видел. Оригинальное устройство не могло работать в принципе. Но оно должно завестись. Потрясающе красивая блондинка ведь ездила на нем. Механик впервые в жизни не мог почувствовать и увидеть душу загадочного двигателя. Вызов был брошен – и принят Механиком!

Шло время. Кота перестали кормить. Практически ничего не ел и сам Механик. Все свободное время занимал двигатель машины Лидии. Кот хозяина не осуждал. В свое время мечты о некоей нежной кошечке тоже лишили Кота аппетита, но это было в далеком прошлом. С аристократической грацией Кот таскал котлеты из мясного магазина неподалеку. Городские грызуны и птицы на обед не годились. Сплошная отвратительная на вкус химия.

Наконец спустя неделю случилось то, что и должно было случиться. Механик запустил двигатель. Результат превзошел все ожидания. Двигатель запускался моментально, работал тихо и выдавал удивительную мощность при весьма скромном расходе топлива. Чрезвычайно гордый собой, Механик открыл банку консервов и на пару с Котом наслаждался минутой славы.

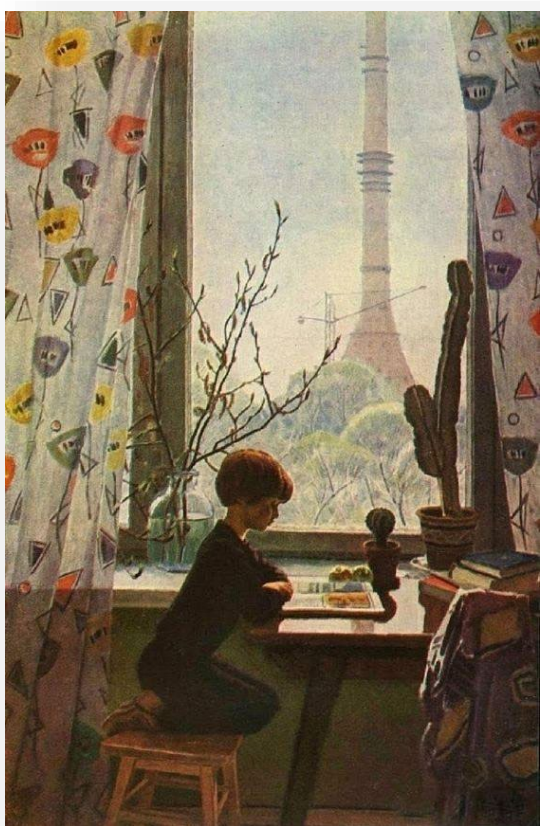
Затем Механик позвонил Лидии. А после, размахивая ложкой, произнес небольшой доклад. Доклад состоял из трех частей. В первой части Механик весьма нелестно отозвался о конструкторах двигателя и устройстве его механических узлов и агрегатов. Во второй части была затронута тема о недалекости некоторых хозяек автомобилей, покупающих неизвестно что. А в третьей части Механик конкретизировал свои мысли о внутреннем устройстве блондинок и их роли в философском устройстве мироздания. Как истинный аристократ, Кот молча слушал и держал свои эмоции глубоко внутри.

Церемония передачи объекта ремонта происходила торжественно. Кот каменным столбиком сидел на верстаке. Механик делал вид, что не суетится. А Лидия, царственно улыбаясь, ахала, широко раскрывала глаза и постоянно всплескивала руками. Венцом представления явилось трогательное пожатие руки и нежный поцелуй в щеку Механика. Кот подумал, что если руку можно понюхать, то как это сделать с собственной щекой?

Вместо эпилога

– Но как ваш умелец сумел завести экспериментальный двигатель? Ведь это в принципе невозможно! – Генеральный конструктор автоконцерна посмотрел на Лидию Васильевну, начальника отдела разработки двигателей.

– Сергей Петрович, вы, помнится, обещали премию... – Потрясающе красивая блондинка сложила бровки домиком...

А. Тимофеев. Весна. 1960 г.

Н. Позднеев. Весенний день. 1959 г.

ПРОЗА

Владимир Морозов
(Москва)

93-й

Все выходные мы с братом строили сарай на родительском участке, помогали отцу. Накопившаяся за десятилетия рухлядь не помещалась в старой постройке, и, вместо того чтобы расстаться с ней по-хорошему, на свалке, он решил переместить ее во вновь отстроенные хоромы. Что делать, старые люди с трудом расстаются с прошлым.

– Пап, давай прибьем сюда новую доску, – просил я. – У тебя же их вон сколько – хороших.

Но отец всякий раз извлекал из старья нечто уже бывшее в употреблении со следами старой покраски, почерневшее и покоробившееся. Мы вытаскивали из ископаемого гвозди, которые Лешка, мой младший брат, правил потом на наковальне молотком, а я прикладывал, отмерял и отпиливал лишнее ножовкой. Готовую заготовку прибивали выпрямленными старыми проржавевшими гвоздями.

– Ну не дворец же строим, – как бы оправдывался отец, – а дрянныхранилище. – А дворец – это уж вы без меня, из новых досок... Если случится, конечно.

К концу дня, когда стало смеркаться и мы начали убирать инструмент на место, переодеваться и мыть руки, калитку отворил сосед.

– У вас приемник работает? – спросил он почему-то шепотом. – А то у меня батарейки сели.

– Нет у нас приемников, Андрей Ильич, не держим, – энергично намыливая плечи и руки, весело ответил Алексей.

– Так вы еще ничего не знаете?! – Сосед растерянно обвел глазами участок, как будто впервые увидел его, и остановил взгляд на «новоделе». И было в его голосе нечто такое, что заставило всех нас выпрямиться и обратиться в слух.

– Случилось что? – спросил отец, делая ударение на первом слове. Даже мама перестала собирать букет и отложила цветы на стол.

– Революция в Москве! – выпалил сосед. – «Останкино» штурмуют. Сначала телевизор работал, а потом отключился. Перебили, наверное, всех...

– Господи, – выдохнула мама, – кого перебили?

– Да этих, кто в «Останкино». Я же говорю: телевизор отключился. По радио передавали, а у меня батарейки сели. – Он досадливо покрутил в руках транзистор.

– Когда же это все началось? Мы уже здесь два дня безвылазно... – начал было отец.

– Днем. Я включил телевизор, а там бой идет за «Останкино», пули трассирующие, крики. Война, одним словом. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Сейчас уже, наверное, всю Москву охватил. А потом и всю Россию. Эх!

Мы с Лешкой как по команде уставились друг на друга. В Москве у нас оставались семьи.

– Кто?! Кто в кого стреляет? – прорвалась мама, до этого пребывавшая в легком шоке.

– Ну откуда же я знаю, Зоя Владимировна? По телевизору говорили, что вроде бы сторонники парламента, красно-коричневые эти...

Я сразу же вспомнил толпу пожилых в основном людей у метро «Баррикадная», скандирующих: «Банду Ельцина под суд! Банду Ельцина под суд!» Я вклинился в эту толпу на выходе из метро – спешил на встречу с приятелем к кинотеатру «Баррикады». Но путь на ту сторону Краснопресненской улицы оказался закрыт выстроившимися в несколько шеренг омоновцами. Они окружили всю площадь и, тесня народ щитами, ударами милицейских дубинок гнали всех обратно в метро. Молодые ребята в касках и брниках выполняли приказ очистить площадь. В толпе кричали: «Позор! Прихвостни!» А оттуда, ближе к рядам ОМОН, где уже получили свое дубинкой, слышались проклятия, стоны и брань. Я невольно оказался заложником обстоятельств, и мне ничего не оставалось, как только пробираться за угол ко входу.

Спрессованная масса из перепуганных людей образовала пробку у входа в метро, мешая самой себе оказаться за спасительным стеклом. За спиной все ближе и ближе слышались лязг железа и вскрики пораженных дубинкой. Но вот наконец, как пробка от шампанского, влетаю в вестибюль. Парень, влетевший одновременно со мной, отчаянно матерится, прикрывая рукой ухо. «Что у тебя?» – спрашиваю, запыхавшись. Отнимает руку от головы. Ладонь в крови. И ухо в крови. «Твари... Твари...» – цедит шепотом. В вестибюле возвышается громадный мент и ошалело смотрит на влетающих в метро перепуганных людей. Кричу ему, указывая на изуродованного парня: «Смотри, что творите! На что народ толкаете!» Мент молча отворачивается, а я бегу вниз по эскалатору к электричкам.

Вечером, захлебываясь от негодования, я рассказал о своем приключении на «Баррикадной» Алексею. Тот не поверил. Вернее, посчитал, что я сильно преувеличиваю.

– И что, просто так избивали дубинками, и все? Ни за что?

– Я тебе говорю! Загоняли в метро! – горячился я.

– И никто с ментами не дрался? Не кидал в них булники?

– Какие булники?! Они за щитами, в касках. Псы-рыцари... А там бабульки с иконками! Лешка недоверчиво крутил головой. Так до конца мне не поверил.

Суть да дело – надо ехать в Москву.

– Па, мы возьмем машину, – крикнул Лешка, по-скорому натягивая джинсы.

– Куда?! С ума сошли! – испугалась мама.

– У нас там семьи остались, мам.

– По телефону же можно позвонить. – Мама растерянно смотрела на нас.

– Телефон-автомат на станции, а это два километра, не меньше, – возразил отец. Фронтоник, он как-то сразу подобрался и озаботился. – Давайте, ребята, на станцию.

– Не работает он, – сказал сосед. – Я сегодня утром проезжал мимо, а трубки нет, оторвали. А в Москву даже не думайте, не пустят. Наверняка все оцеплено. – Он продемонстрировал нам свой транзистор и совершенно нехотя похвалился: – Отличная машина. Все голоса брал. С тринадцати метров работал. Вот батарейки бы достать... – И он огляделся по сторонам, словно выискивая, куда бы сходить за батарейками.

Мы не поверили. Не захотели поверить. Как это так – не пустят, мы живем там. Но под ложечкой тревожно заныло.

– Может, еще не успели закрыть? А? – предположил я. – Поехали, Леха.

Телефон-автомат действительно оказался неисправен. Мы вырулили на Рижское шоссе и помчались в Москву, в неизвестность. С каждым километром пустынной в сторону Москвы полосы первоначальная моя решимость все более уступала место растерянности и, что греха таить, отчаянию. В обратном направлении изредка проносились легковушки, ослепляя на мгновение фарами.

– Стемнело как рано, – посетовал Алексей. Он был за рулем.

– А ты как думал? Октябрь, пора... Смотри, жигуль груженный еле тащится. Может, драпают?

– Может...

Обычно болтливый за рулем, сейчас Алексей замкнулся, ушел в себя.

Он родился незадолго до моего совершеннолетия. Уж так получилось. Мама лежала в общей палате на третьем этаже. Я по водосточной трубе взобрался на карниз, а когда подбирался к ее окну, кто-то из медсестер заметил меня и поднял шум. Пожилой доктор прибежал на крик и строгим голосом стал выяснять, мол, чей это папаша, сопляк, понимаешь, посмел взбудоражить все родильное отделение. И вот в невозможной тишине, что была ему ответом, раздался робкий мамин голос:

– Это не папаша, это сын мой... Первый...

Доктор закашлялся, как-то странно засуетился, засеменял ногами, а потом молча развел руками. Мол, слов нет. И вышел из палаты.

Когда я гулял с ним, грудным, у нас во дворе, и позже, когда водил кроху за ручку, прохожие умиленно шептались: «Ах, какой папаша молоденький!»

Выдающимися талантами и дарованиями мы с братом не обладали. Поэтому скромно окончили технические вузы. Я – МЭИ, он – МАИ. В налаженной организации, где я закрепился после окончания института, был на хорошем счету и при деньгах, выезжал за границу. Но рухнувшая страна завалила своими обломками мою и еще сотни подобных контор. Я устроился охранником «сутки – трое», а в свободное время чинил электроприборы знакомым. Тем и жил.

После окончания вуза Алексей помыкался-помыкался с работой по специальности, плюнул и с группой пассивных приятелей ушел с головой в палаточный бизнес. И, надо заметить, удачно. Водка, жвачка и сникерсы давали приличный доход.

Порой, возвратясь с рынка, куда мы с женой регулярно ездили в переполненном автобусе с разбитыми стеклами и изрезанными вандалами сиденьями за дешевыми овощами, усталый и злой, я звонил ему и спрашивал с издевкой:

– Вы рекетирам как дань платите, стоя на коленях или просто кланяясь? Какой ритуал у вас, торгашей?

– Ты все неправильно понимаешь, – с усмешкой добродушно объяснял мне Лешка. – Это просто крыша. Нормальные пацаны. Мы с ними водку пьем.

Завидую достатку Алексея, я утешал себя, что, несмотря на нищету, я не утратил свободы, и водку могу пить с кем захочу, а не по нужде со всякой сволочью.

Вскоре мне повезло. Я устроился на завод мастером. На один из немногих уцелевших от разора заводов, хоть как-то, в четверть силы работающих. Стало полегче материально, а главное, вернулось утраченное чувство самоуважения. Не вымышленное, не внушенное себе же от безысходности, а реальное. Что я чему-то обучен, что-то знаю и умею, чего не знают и не умеют другие. И использую это знание и умение во благо себе и своим близким.

Но вот сейчас, на пустынном шоссе, освещенном лишь на несколько метров впереди фарами отцовской двадцать первой «Волги», на пути в пугающую неизвестность, я вдруг осознал, что моя прошлая, более чем сорокалетняя жизнь оказалась никчемна, как у крыловской стрекозы. Обученный разным хитрым наукам, я не освоил одну – умение убивать себе подобных, чтобы тебе подобные не убили меня. Кому сейчас, сегодня, в эту минуту будут нужны эти хитрые науки? Моим дочерям, школьнице и студентке, жене-мегере, когда их придут убивать? Кто? Да кто угодно. Русский бунт – он бессмыслен и беспощаден. Впрочем, почему русский? Любой, наверное...

Я представил себе пистолет, из которого стрелял один единственный раз в своей жизни на сборах после института. Три патрона пристрелочных и пять в цель. Мысленно положил его на ладонь. Где-то там должен быть предохранитель. Где? Слева? А затвор надо оттягивать? Или как

он там называется... Я не помнил. В салоне трещал радиоприемник. Я ползал по эфиру, но кроме музыки, местами пробивавшейся сквозь треск, ничего толкового не находил.

– Ты стрелять умеешь? – спросил я.

Алексей долго молчал.

– Думаешь, придется? – спросил спокойно.

– Сегодня вряд ли, не из чего, – как бы пошутил я.

Надолго замолчали – каждый о своем.

– Слушай, а может, Ильич того, слегка преувеличил? А? – с надеждой спросил я.

– Может, и преувеличил... Доехать надо.

Алексей добавил газу. По обеим сторонам шоссе потянулись какие-то замороженные стройки. Зловещие, неосвещенные, как развалины после бомбежки. Потом трубы ТЭЦ – лады гигантской шахматной партии. Но вот пошли пятиэтажки пригорода, а потом и девятиэтажки спальных районов. Мы дома.

– И где же кордоны? – задал я риторический вопрос. – Даже не думайте, не пустят, – передразнил я Ильича. – Ну не козел, а?

Лешка подрулил к обойме телефонов-автоматов, одиноко скучающих на углу ближайшего квартала. Нашлись и двушки. Жена ответила сразу, как будто так и сидела в обнимку с телефоном.

– Ты где?

– В Москве я уже, в Москве... Леха везет меня, скоро буду. Что здесь у вас происходит, а то мы...

– Ой, здесь такая бойня была у «Останкино»! Погибших много. Сейчас, слава богу, телевизор включили... А я испугалась, подумала, что ты там.

– С какой стати?

– А с такой! Ты же все рвался защищать Белый дом! И что вам всем нейдет...

– Ты путаешь. Белый дом я защищал в девяносто первом. Впрочем, и сейчас бы стал, если бы не огородили его колючей проволокой. Ладно, еду. Поесть приготовить что-нибудь.

Лешка отзвонился, озабоченно крутил головой.

– Ленке подруга звонила. Ее муж там случайно оказался. Говорит, такая мясорубка, такая мясорубка... Еле ноги унес. Мэрию разгромили, оказывается. А потом пошли телевидение брать, но не получилось. – Он вдруг врезал мне ладонью по плечу. – Не вышло! Не вышло у вас на сей раз! Облом-с... – И шуточно развел руками. – Ладно, не расстраивайся. Поедем сейчас к пацанам, водочки тяпнем. А?

К подобным его шуточкам, таким изысканным фортелям, я привык. И старался отвечать в том же духе.

– К пацанам, говоришь? Так вы же меня начнете на куски кромсать. Я же для вас красно-коричневый.

На сей раз он не понял. Отупел с устатку, наверное. Уставился серьезно.

– Чё, рехнулся? Нормальные пацаны...

– Ваши, может быть, и нормальные. А те, с которыми вы водку пьете, крыша ваша? Не поеду. Отвези домой, но через твою палатку. Надеюсь, поллитровка у тебя найдется? В долг.

Р. С. На следующий день с утра Белый дом окружили танками. Безоружных людей, что дежурили вокруг него, готовили завтрак, спали в палатках, расстреляли из пулеметов. По официальным данным погибло 157 человек.

КОТЫ

Почему люди так привязаны к своим пушистым братишкам и сестренкам? И особый кайф – покормить с рук. Нет, я спрашиваю: почему многие люди относятся к своим собачкам и кошечкам, как к малым детям или внучатам? А какая нескончаемая тема для бесед с таким же собственником или собственницей пушистого сокровища! И тревога, когда болеют, и горе, когда проживают свой короткий век.

Одиннадцать лет назад жена принесла с работы мосластого долговязого подростка – белого ангорского котика с голубыми глазами. Купила по дороге домой вместе с родословной у интеллигентной супружеской пары. Незадолго до этого события у нас погиб маленький котенок. Его успели назвать Пиратом и увезли на лето в деревню, на природу. Полагая, что мир вокруг бесконечно ласков и щедр, он вышел за ограду палисадника и тут же был походя растерзан мраморным догом, на беду оказавшимся рядом. Котенок был маленький, и я не успел с ним сродниться, но все равно переживал, вспоминая, как он лакал на кухне молочко, вытягивая тоненькую шейку. Мне все время казалось, что вот он промелькнул и скрылся в спальне, вот юркнул под кровать, вот громыхнул на кухне блюдцем. Поэтому в общении с вновь прибывшим красавцем я усмотрел измену памяти погибшего котенка и держал его, красавца, на расстоянии. Недолго, однако. Когда я, придя с работы, ложился на диван и щелкал телевизионной «лентяйкой», котенок впрыгивал мне на грудь и, потоптав ее немного, укладывался с гордым видом, разбросав лапы по моим ключицам.

– Ну ты посмотри, – жаловался я жене, – загородил весь обзор.

– Дай ты ему по заднице, – смеялась жена. – Ишь цаца какая!

Но я погружал пальцы в ангорскую шерстку его бакенбард, а сам выгибал шею и смотрел телевизор одним глазом.

Вскоре для нашей не самой дружной и сплоченной семьи он стал неким объединяющим фактором, некой точкой соприкосновения интересов. Появился лишний повод позвонить жене на работу и попросить купить коту рыбы или мяса, а дочери отправить эсэмэску, чтобы забежала по дороге за сухим кормом. Ну а женщины всегда могли выдернуть меня из Интернета для мытья котовьего горшка. У тебя, мол, получается лучше всех.

Ни на кис-кис, ни на кличку Шарлей, указанную в паспорте, кот не откликался. Я думал – не понимает: порода-то – турецкая. Оказалось – не слышит. Белые ангорские кошки с голубыми глазами генетически глухи. Впрочем, во всем остальном он не отличался от нашей доморощенной мурки. Разве что не боялся пылесоса и как-то по-простецки, по-домашнему вспрыгнул на спину рабочему, который сверлил дрелью паркет в нашей квартире.

Форточки, где он любил сидеть, считая ворон и наблюдая за людьми и машинами, которые с высоты тринадцатого этажа казались ему, наверное, не больше мышек, я загородил прочной сеткой. Думаю, они ему сильно мешали, заслоняя обзор. Поэтому ранним субботним утром, когда еще все двуногие спали, кот отковырнул одну из сеток от деревяшки, просунул в дыру передние лапы и голову, и заскользил по стеклу когтями, пытаясь выбраться назад. Но передняя его половина перевесила, и он устремился с ускорением 9,8 метра за секунду в квадрате навстречу асфальтовой площадке, расположенной как раз под этим окном.

Проснулись мы поздно. Стали искать котенка и вскоре обнаружили дыру в нижнем правом углу форточки, которая не оставляла никаких иллюзий и не давала никаких надежд. Я выглянул из окна. Внизу ничто не белело. Дворники убрали – подумалось. Дети еще спали. Мы с женой оделись и спустились на улицу. Метрах в двадцати от места предполагаемого падения, на

крыльце, располагалась какая-то контора. Я поднялся на несколько ступенек и увидел на крыльце котенка. Он лежал на животе с закрытыми глазами. Под его мордой застыла на бетоне небольшая лужица крови. Я резко отвернулся, махнул жене, что вот, мол, он здесь, и, закуривая, пошел прочь, куда глаза глядят.

– Он шевелится, кажется, – услышал за спиной. И вдруг крик: – Сергей, Сергей, он жив!

Через секунду я был на площадке. Котенок приоткрыл глаза, увидел нас, склонившихся к нему, что-то вякнул и задрожал всем телом. Я мухой взлетел домой, схватил большую сумку, забросал ее дно чем-то мягким, попавшимся под руку, и вернулся обратно. В сумку аккуратно переложили котенка. Он мелко дрожал и почти не открывал глаз. Здесь же у подъезда поймали частника, который довез нас до ближайшей ветеринарной лечебницы. По дороге я держал руку в сумке, на его плече, чувствовал, как он дрожит, и молился, чтобы Господь сотворил чудо и котенок остался жив. Чудо свершилось. Через час мы стали его свидетелями: рентген показал, что после падения с тринадцатого этажа на твердый асфальт все кости оказались целы. Ну а в остальном? Ветеринар развел волосатые руки в сторону и возвел глаза к небу: «Будем надеяться. Постелите ему помягче, пусть отлеживается».

Когда в понедельник вечером жена пришла с работы, то застала такую картину. На полу спальни, по обе стороны натюрморта из нетронутого блюдечка с молоком и опорожненной наполовину бутылки водки лежали в одинаковых позах два тела: котенок и я, грешный, весь в соплях и слезах. Когда у котенка по спине пробежала дрожь и он при этом издавал жалобное «мяу» – мое тело тоже сотрясалось от рыданий.

Через неделю кот уже ползал по всей квартире на согнутых лапах. Через три – взлетал, как раньше, с пола на холодильник, потом на открытую болтающуюся дверь, а с нее – на шкаф. И там затаивался, ловя лапами проплывающие мимо головы.

С перепугу мы стали кормить его свежайшей говяжьей вырезкой. К хорошему привыкается быстро. Теперь, если в мясе оказывался какой-либо изъян, порой видимый только лишь самому коту, оное мясо «закапывалось» безжалостно.

– Ты где взял это мясо? Он его опять закопал, – выговаривала мне жена.

– На рынке в Теплом стане, парная говядина, свежайшая...

– Опять на рынке! Я же тебе сказала: только в нашей кулинарии!

– Ага! В прошлый раз он из твоей кулинарии закопал только так! – злорадствовал я.

– Это потому, что я брала вечером, а надо с утра... Что теперь с твоим мясом делать?

– Съедем, впервой, что ли?

Он мог ни с того, ни с сего написать на пол. Версия жены по этому поводу была такова:

– Это он мстит тебе за твое мерзкое мясо из Теплого стана. Да, да, не смейся. После моего из кулинарии он никогда не позволит себе такого.

Но все это были досадные эпизоды, которые выветривались из памяти вместе с неприятным запахом. Кот продолжал радовать своим персональным вниманием каждого члена моей семьи. С каждым из нас он держал себя по-разному. Младшую дочь Ксюшу определил своей ровней, что ли, сестренкой, и всячески с ней фамиллярничал.

– Ой, папа! Он опять за ноги хватает! Ой-ой!

Прыгала на кровать, срывала покрывало и загораживала им ноги. Кот молча ходил вокруг, выбирая момент атаки.

– Ну что ты смеешься! Что здесь смешного! – чуть не плача выговаривала мне дочь.

Я брал кота подмышку и выносил на кухню, чтобы остыл.

Жена была предметом его кошачьих нежностей. Стоило ей присесть – он тут как тут. И уже на коленях, и уже обнимает за шею, и уже прижимается своей мохнатой щекой к ее напудренной. А какой кайф он ловил в те давние теперь уже вечера, когда мы с женой ложились

в одну кровать. Вскочит на ложе, потопчет в ритуальном танце оба тела и, под собственную музыку, втиснется между нами, но обязательно мордой к ней – и лапами за шею, за шею. Я шутиливо трепал его попку и обзывал предателем.

Сначала, особенно сразу после «полета», я прогуливал его на поводке возле дома, но сильно расплодившееся поголовье собачников заставило меня вскоре прекратить это рискованное занятие.

За одиннадцать лет мне всего лишь однажды удалось привести к нему подружку. После четырех суток необузданного кошачьего разврата жена, сгребая в совок осколки любимой вазы и цветочных горшков, почем зря крыла нашего «глухаря» с его «проституткой», а заодно и весь кошачий род. Я что-то сказал про «дело молодое» и вспомнил вслух, какими мы с ней были лет двадцать пять тому назад. Она не дала договорить, обозвав меня котом. Сказала, что я им и остался и что, пока она жива, ни одна кошка здесь не появится.

Два года назад старшая дочь привезла к нам на некоторое время пакет со слезами – двухмесячную внучку. Кот постоянно принимался к ее вещам, игрушкам и коляске, как бы размышляя, что сие событие могло означать. Когда жена брала внучку на руки, он устраивался на руках с другой стороны. Мол, и меня тоже. Ревновал. И писал, скотина такая, в игрушки, в коляску, на одежду.

Мне кажется, начиная с этого первого посещения внучкой нашей квартиры, кот стал самостоятельно, по одному ему ведомой логике, определять: сходить сейчас в горшочек или туда, где он посчитает нужным. Чтобы оправдать кота в собственных глазах, я убеждал себя, что это его законный протест против бетонного карцера, отделившего его от дарованного ему богом мира, познавать который теперь можно было лишь издалека, через пыльное стекло или натянутую сетку. Против лишения его радости общения с самкой и себе подобными и вообще против издевательства над его кошачьей природой. Хотя, возможно, это совсем не так, а просто у него элементарно поехала крыша после удара об асфальт с высоты тринадцатого этажа.

...Первый раз жена произнесла эту жуткую фразу год тому назад. Перед отходом ко сну она сказала: «Я увезу его в деревню. Так дальше жить нельзя».

Кто-то у нее работе обмолвился, что у Ленки в квартире нехороший запах.

– Стыд-то какой! Мы принялись и не замечаем. А сколько подушек и одеял я выбросила!

Я молчал. Я знал: любое мое несогласие, возражение – и она его точно увезет. Я только спросил:

– Глухого??!

– А мне плевать! – заорала вдруг она.

– Проще и гуманнее отдать на усыпление. По-моему, триста рублей это стоит. Я узнаю завтра. И пошел в свою комнату посидеть полчаса перед сном за компьютером. Когда зажигался экран, кот вспрыгивал на столик и разваливался между мной и монитором. Я забирался рукой в его шерсть и выговаривал:

– И не стыдно? Папа поработать хотел, а ты мешаешь, бездельник.

Кот смотрел на меня и возражал телепатически:

– Ну, ты же знаешь, я только пять минут тут понежусь, а потом уйду на кровать.

И действительно, вскоре он уходил, не обманывал.

После моей фразы про усыпление жена больше этот вопрос до поры до времени не поднимала, а все другие обитатели нашей квартиры удвоили бдительность. Но осечки случались. Я купил антигадин, но он оказался малоэффективен: всю квартиру не обработаешь, а изобретательность кота, в смысле, где напакостить, была безгранична. Переговоры с ветеринаром тоже ни к чему не привели: анализ его мочи оказался нормальным. Понятное дело, что при таком раскладе доживать свой кошачий век ему надо бы в деревне, где кошки заходят в

избу только поспать и перекусить, а все удобства, как говорится, во дворе. Если бы он не был абсолютно глух. Глухую кошку в деревне если не переедет пьяный водитель или мотоциклист, то растерзает стая дворняг или случайно подвернувшийся мраморный дог.

Летом младшая дочь познакомилась с молодым человеком. Возвращаясь домой после свидания, она проходила на кухню и с мечтательной улыбкой на растрескавшихся губах обустраивала принесенные цветы. А после они запирались с матерью и шушукались допоздна.

Как-то за ужином жена сказала, и было видно, что сказать это она давно хотела, но оттягивала разговор, и получилось это у нее без привычных начальствующих ноток, без вызова, но с сожалением. Она сказала:

– Ксюша хочет пригласить Данилу в гости, но не может. Стесняется этого ужаса. – Она обвела рукой квартиру. – Надо отправить кота маме в деревню, а здесь сделать генеральную уборку, все вычистить, что-то выбросить и освободиться от этой вони раз и навсегда.

– Вы приговорили кота? – спросил я.

Дочь оторвалась от тарелки:

– Пап, почему у тебя всегда такие крайности? Если он не может жить в городе? Сам мучается и всех замучил. Пусть поживет в деревне.

Я не хотел более сотрясать воздух. Всем и так все было понятно. Я встал из-за стола, лег на кровать и нажал кнопку «лентяйки». Кот вякнул, привычно вспрыгнул на кровать, но не стал заходить на тело, как он обычно делал, со стороны ног, а подошел сзади, со стороны головы, положил свой подбородок мне на больное плечо и прямо захлебнулся в соловьиных трелях. Я обхватил его голову руками: «Что же ты творишь, обормот? Может, побрызгать тебя святой водой? А?» А сам подумал: «Все чувствует, собака».

Я лежал и вспоминал: когда мы с котом оставались одни, хотя бы на ночь, я высказывал ему сокровенное, о чем мучился годами и что поведать более никому не мог. Конечно, раскрывал душу я ему не сразу, а махнув пару рюмок. Начинал обычно так: «Любишь мамку-то?» Кот приподнимал голову, коротко мяукал и опять опускал ее на лапы. И я ошарашивал его: «Ну и дурак». Подумав, продолжал: «Нет, ты не дурак. Это я дурак, что я ее полюбил. Она меня никогда не любила... никогда. Ты понимаешь, что такое никогда? Ни фига ты не понимаешь... Ей было семнадцать лет! Понимаешь? Семнадцать! – Я почти кричал. Глухой кот не реагировал. – А я был в два раза старше. Ей семнадцать, и она беременна.... А сейчас она меня презирует. Ненавидит... А на фиг я ей нужен, старый жирный пьяница? А она каждый вечер в своем фитнес-клубе. А потом все перед зеркалом вертится, сантиметром себя измеряет».

Потом я вспоминал, как лежал в больнице с этой, как ее... Я все время забывал научное название сердечной болезни. Обиходное помнил – предынфарктное состояние, научное забывал. Жаловался коту, что за двадцать один день она ни разу меня не навестила. Девчонки приходили, приносили что-то.

– Пап, ты не обижайся, она очень устает, работы много.

Тогда я уже знал эту работу: фитнес-клуб и молодые качки на закуску. В последнем я перестал сомневаться, когда после очередной моей неудачи она зло рассмеялась и посоветовала сначала вылечить простатит, а заодно и голову у психиатра, а потом уж подходить к ней. Я запил, чуть не потерял работу и в результате угодил в больницу с таким вот хитроумным диагнозом.

Ах, как я ждал ее с шестнадцати до девятнадцати, когда палата наполнялась людьми, шуршащими по линолеуму обувью, обернутой целлофановыми пакетами. Как представлял ее в дверях, запыхавшуюся, яркую, с пакетами в руках, а потом не спеша несущую ко мне по диагонали через всю палату эти пакеты и свою фигуру заодно, совершенно потрясающую фигуру, в которой к сорока годам накопилось всего в достатке и всего в меру одновременно. Я

представлял, как выпучит глаза от удивления сосед напротив, которому постоянно звонят по мобиле любовницы, желая навестить, но он с трудом сдерживает их порывы, боится, что столкнутся друг с другом или нарвутся на жену. Или тридцатипятилетний менеджер слева, большой любитель послушать мои байки о делах минувших. Как мне хотелось показать им всем, что этот секс-символ с пакетами – моя законная жена, вот уже двадцать пять лет любимая и проклинаемая мной женщина...

Впрочем, первые десять лет супружеской жизни были хоть и хлопотны, но, в общем-то, безоблачны. Облом случился позже, когда порядок вещей, казавшийся незыблемым, вдруг рухнул, уступив место непривычному беспорядку и хаосу. Я потерял работу и в поиске более или менее достойного места, терпя неудачу за неудачей, обратил пристальное внимание на ровесников моей жены, успешных и востребованных. Стал ревновать к ним ее, работавшую к тому времени в какой-то солидной конторе. Но обретшая силу жена-кормилица сразу же поставила меня на место. Мол, знай свое место и не выступай. Я пробовал качать мнимые права, но в ответ получал лишь насмешки и презрение.

Рано или поздно все когда-то заканчивается. Закончилась и черная полоса в моей жизни. Подфартило с работой. Только теперь в нашей трехкомнатной квартире проживали не чтобы уж совсем чужие, но достаточно удалившиеся друг от друга две семьи: жена с дочками и я, как-то быстро располневший и облысевший. Единственным объединяющим фактором этих двух семей стал в конце концов белый пушистый голубоглазый глухой кот. Если не считать не слишком частых обращений ко мне дочерей: «Па! Дай денег».

Вот так я жаловался коту, когда мы оставались одни. Я хватал его за морду, пробовал поцеловать в нос, но он фыркал от запаха перегара и выскользывал из рук.

Вскоре приехала теща из деревни. Тещу я уважал. Баба толковая, да и по возрасту ближе ко мне, чем жена.

– Поживу у вас недельку, если не возражаешь, – отдуваясь и ставя сумки с гостинцами на пол, сказала теща. – Ну и запах тут у вас!

Теща давно поняла, что разбитую на множество осколков вазу не склеишь, и не приставала ко мне с мирными инициативами. А последние годы даже наоборот.

– Что не разведешься? – говорила как бы в шутку. – Давно бы разменял квартиру да взял молодуху. Какие твои годы!

– Кто ж мне позволит? – в тон ей отвечал я. – Трехкомнатными квартирами бросаться! Ленусяка твои деньги копит. Чаю, на киллера. Нет человека – нет проблемы.

Теща махала на меня рукой. Мол, что с тебя, с балаболки, взять.

В первый же день я спросил ее в лоб:

– За котом приехала?

– А и за котом! – Теща встала в позу. – У меня своих два, будет еще третий.

– Кота не дам.

– А что делать будешь? Перед соседями не стыдно? Запах аж на лестнице слышно!

– Куплю десять лотков, расставлю по всей квартире... Клетку куплю... Не знаю. Но кота на погибель не дам, – сказал твердо.

– Эх, зятек... Ну как ты не поймешь: это всего лишь кот, не человек. Животина бестолковая. Я понимаю, привязались. Ленка вон тоже слезы льет. А что делать?

– Не животина бестолковая, а душа живая, которая ближе мне в двадцать раз, чем все домашние вместе взятые.

– С ума сошел. И дети?!

Все тещи, я думаю, мастера бить ниже пояса. Я повернулся и пошел к себе в комнату. Потом остановился.

– Так получилось, – сказал зло. – Все сдал в этой жизни. И детей тоже. Постепенно. Метр за метром. Кот – последний рубеж. Как Москва. Ну что ты на меня так смотришь?! Кота не сдам. Все.

– Ненормальный, – только и нашлась теща.

Через несколько дней на работе меня как стрельнуло в голову. Я собрался и на два часа раньше приехал домой. В прихожей стояли одетые жена с тещей. В руках у тещи была большая матерчатая сумка, не до конца застегнутая. Из дыры торчала довольная голова кота.

– Куда руки тянешь?! – заорала на меня жена, когда я попытался взять сумку у тещи.

Я отдернул руку и вдруг почувствовал, как все внутри у меня задрожало-затряслось. Обеими руками я схватил жену за воротник пальто и грохнул о вешалку в прихожей. Сверху посыпались шарфы, шапки.

– Да я посажу тебя! – успела крикнуть жена.

Не отпуская, я выволок ее на середину коридора и грохнул о противоположную стенку. Она обмякла и осела на пол.

– Сережа! Кот! – закричала теща.

Я обернулся. Кот отчаянно рвался из сумки. Пока я трясущимися руками расстегивал молнию, освобождая кота, теща помогла жене подняться с пола и буквально выволокла ее, полубормочную, вон из квартиры.

– Все правильно, – выговаривал я коту, нарезая небольшими кусочками гуляш. – Теща – баба умная. Разменяю квартиру, и будем жить, заяц, с тобой. Невест найдем. Хоть напоследок проживем по-человечески.

Когда я, успокаиваясь, ссыпал мясо с разделочной доски ему в блюдо, он благодарно стал бодать головой мою дающую руку...

УБИЛИ ПАПУ

Окраинная улица Москвы. Середина лихих девяностых. По предновогодней слякоти устало бредет Старый Актер. Тележка с перепоясанным ремнями дерматиновым чемоданом неопределенного цвета, кренясь на подмерзших наледях и оступаясь в дорожные выбоины, ковыляет за ним следом...

Старый Актер считал себя свободным человеком. Вот уже почти двадцать лет как он не работал в театре. Его единственная седая дочь готовилась выйти на пенсию, внук оканчивал институт, а жену он похоронил пятнадцать лет назад. Старый Актер уже давно не тяготился этой своей ненароком обретенной к концу жизни свободой и по мере сил и здоровья, которого оставалось, увы, на донышке, старался использовать ее себе в удовольствие. Он никогда не строил планов даже на завтра. «Будет день – будет пища» – окончательно уяснил он для себя и, проснувшись утром, долго лежал в постели, нежась и размышляя, чем бы ему заняться: сходить в поликлинику, побродить по магазинам или поехать к другу-однопольчанину в Сергиев Посад и за рюмочкой повспоминать о былой удали и поругать нынешние порядки. А то, может быть, плюнуть на все и засесть где-нибудь у воды с мольбертом, помешивая краски. В юности Старый Актер бросил занятия живописью из-за более сильного увлечения сценой. А теперь вот, на старости лет, вернулся к истокам. Да мало ли можно настроить планов не обремененному заботами свободному мужчине без вредных привычек!

Только одну неделю в году Старый Актер возвращался к своей уже изрядно подзабытой профессии и исполнял Главную роль, единственную главную роль, игранную им прежде. В театре

он был, по своему же меткому определению, «мастером эпизода», поэтому крупные роли ему не доставались. Зато одну неделю в году, вот уже почти пятьдесят лет, он исполнял Самую Главную роль, поскольку кто же под Новый год может быть главнее Деда Мороза?

«Вот и славно, – подумал Старый Актер, приподнимая тележку с чемоданом и перетаскивая ее через расплывшуюся бурю кашу из снега и грязи. – Двенадцать елок отыграл, осталась одна, последняя... Тринадцатая!» – вдруг понял он и сплюнул на всякий случай. Старый Актер пересек мостовую, снова приподнял тележку, выходя на тротуар, и остановился, успокаивая дыхание.

«Ну зачем она так, наотмашь и ниже пояса, – в который раз подумал он о дочери. – Ведь обошлось же. Нехорошо!»

Дочь позвонила ему накануне елочной эпопеи, когда вся программа детских утренников уже была оговорена с заведующими детскими садиками и музыкальными работниками.

– Папа, ты что притих, не звонишь? Надеюсь, в этом году ты не станешь заниматься глупостями? Ты же обещал.

– Да, да, конечно, – виновато залепетал Старый Актер. – Здесь всего несколько выступлений. Буквально несколько. Старые связи, понимаешь ли, неудобно подводить.

– Ну вот, я так и думала, – запричитала дочь. – Ну скажи мне, чего тебе не хватает. Ты же инвалид войны, у тебя хорошая пенсия. Сидел бы уж дома и рисовал свои картинки.

– Душенька, пойми меня, – попробовал Старый Актер по-хорошему, – меня же дети ждут! Дети-и, – пропел он.

– Какие такие дети? Ты что чудишь? Дедов Морозов сейчас – как курей нерезаных. Опять будешь месяц в постели валяться, как в прошлом году. Вот ведь горе...

– Это где это ты видела Дедов Морозов? – обиделся Старый Актер. – Это саникляусы-то эти с проглоченным аршином? Какие же это Деда Морозы?

Старый Актер категорически не признавал кремлевско-лужниковских исполинов с зычными голосами и важной поступью, вещающих что-то поверх голов.

– Разве это Дед Мороз? – говорил он. – Это секретарь парторганизации. Ни больше, ни меньше. Мишура одна. Бутафория.

Его Дед Мороз, слепленный им еще пятьдесят лет тому назад, был веселым обаяшей, другом детворы. Он и спляшет, и песенку споет, и рассмешит веселой историей, и фокус покажет.

– Да пойми ты, – продолжил Старый Актер разговор с дочерью, – не могу я без этих детишек, без этих снежиночек-пушиночек, зайчиков с озорными глазками. Каждый год жду этого праздника, готовлюсь. Ты даже не представляешь, какое удовольствие мне доставляет заниматься с ними.

– Значит, ты будешь справлять свое удовольствие, а люди вокруг тебя – страдать, – сказала дочь, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Кто страдать, какие люди? – не понял Старый Актер.

– Те люди, которым ты небезразличен, которые тебя любят и переживают за твое здоровье, – ответила дочь и всхлинула.

Вот это то и был удар ниже пояса. Старый Актер часто возвращался к тому разговору в своих мыслях и неодобрительно качал головой: «Ну зачем она так? Нехорошо. Ой нехорошо».

Детский сад, где Старый Актер проводил свою последнюю в этом году елку, принадлежал одной из воинских частей. Он работал там уже много лет и хорошо знал всю его администрацию, в ядре своем неизменную, прикипевшую именно к этому садику и состоящую в основном из жен и родственников офицеров. После окончания детского утренника они традиционно собирались в столовой проводить старый год, где за рюмкой десертного вина Старый Актер читал им кое-что из своего прошлого эстрадного репертуара. А после все вместе пели хором русские песни.

– Вот что значит здоровый коллектив, – каждый раз думал Старый Актер, возвращаясь в приподнятом настроении домой. – Все организовано, никакой суеты, сценарий чудесный... А какие детишки! С каждым годом все наряднее и умнее. Это же надо, стихи по-английски читают! Такие-то крохи.

И в этом году утренник начался как обычно, по давно опробованному и наигранному сценарию. Еще в коридоре, перед самым входом в актовый зал, по краям которого сидели родители, а в середине вокруг елки резвились детишки, Старый Актер в своей алой плюшевой шубе, шапке, с седой бородой и усами, в сапогах с задранными носами и в переливающимися блестками рукавицах, загоготал-зааукал, как в лесу:

– Ау! Эге-гей! Я Мороз Красный Нос! Выше елок и берез! Я добрее всех! Веселее всех!

Потом он вошел в зал, увидел устремленные на него любопытные радостные глазенки детишек и улыбающиеся лица взрослых и, как всегда с ним бывало, на секунду ожегся изнутри знакомым каждому актеру чувством торжества, главности того, что предстоит ему сейчас делать.

– Я по-прежнему седой, но такой же молодой, – игриво пропел он. – Я готов пуститься в пляс хоть сейчас!

В молодости после этой фразы он действительно пускался в пляс вокруг елки, лихо отбивая чечетку, а после, раззадорившись, под дружное хлопанье ходил вприсядку и даже делал «ползунок». Сейчас же он только обозначил выход и, кокетливо притопнув, заломил одну руку на затылок, а второй слегка приударил по пяточке. Все заплодировали, так как почувствовали, что в пляске Дед Мороз знает толк, ему бы только простору побольше, и он бы... Эх!

Запахавшийся, но довольный, Дед Мороз спросил, обращаясь к детворе:

– Узнали ли вы меня? А я так вас всех помню. Тебя, вот, – выбрал он двух девчушек покетливей, – зовут Нюша, а тебя – Марфуша.

Все засмеялись.

– Что? Не так? – удивился Дед Мороз. – А ну-ка, напомните мне, кого как зовут!

Он взмахнул рукой, и все вразнобой закричали свои имена.

– Что?! Не слышу, – приложил Дед Мороз ладонь к уху. – Давайте-ка еще раз все вместе. Раз, два, три!

В этот день Старый Актер был в особенном ударе. Он купался в образе и был безусловно счастлив.

Утренник подходил к концу. Дети по очереди хвалились Деду Морозу своими талантами, читая стихи или исполняя песенки, а тот, насквозь мокрый от пота в своей бутафорской, но все-таки шубе, одаривал артистов шоколадками из бездонного волшебного мешка. Одна девочка – ей было не больше четырех лет – особенно понравилась ему. Он любил такие русские лица с округлым подбородком, маленьким носиком и крупными серьезными глазами. Девочка читала стихотворение про зимнюю ночь. Особенно пошли в душу слова:

Месяца лучами Божий Храм облит,
Крест под облаками, как свеча горит.

Расстроганный Дед Мороз наклонился к девочке и, подавая ей шоколадку, сказал:

– Ах, какой стишок хороший! Кто же тебя научил такому стишку?

– Мама, – ответила девочка и робко потрогала бороду Деда Мороза.

– Ну, передавай привет маме и папе, – улыбнулся Дед Мороз и погладил девочку по головке.

– А у меня папы нет, его убили, – просто сказала девочка, не переставая трепать бороду.

Московский BAZAR № 1 (48) 2024

Смысл услышанного не сразу дошел до Старого Актера. Уж слишком не вязалось это услышанное с зажженной по волшебству елкой, сверкающим мишурой залом, смехом, аплодисментами...

– Как уби... – начал было Старый Актер, но вдруг почувствовал, что сердце его побежало куда-то вверх, к горлу. Он взял девочку-пушинку на руки и увидел тоненькую черную ленточку, вплетенную в ее косичку. Чтобы успокоиться и взять себя в руки, он понес ее вокруг елки, но девочка потянула его за ус, и тогда слезы, с трудом им сдерживаемые, пролились на щеки.

Старому Актеру раньше приходилось плакать на сцене. Войдет в образ – и пустит слезу, а когда надо – выйдет из образа, и снова глаза сухие. Дело житейское. Он и сейчас попытался применить свой профессиональный навык, но сидящая на его руках девочка, видя, что Дедушка Мороз почему-то заплакал, стала пальчиками вытирать ему щеки, размазывая по ним грим. Тогда Старый Актер как-то странно засуетился, зачем-то развернулся, и крепко прижав к себе девочку, шагнул куда-то, уже совершенно ничего не видя.

Потом кто-то взял у него девочку, а кто-то вывел из зала и усадил в кресло в коридоре.

В ватном воздухе тревожно пахло лекарствами. В актовом зале музыкальный работник фальшиво-весело организовывала детей на игру, а в коридоре знакомая нянечка бесконечно причитала: «Господи! Что за жизнь нам устроили! Ну что за жизнь!» Кто-то назойливо совал Старому Актеру в рот таблетку, а кто-то робко предлагал капельки. Без шапки и бороды, старый, с огромной мокрой лысиной, обрамленной крашеным пушком, дед Мороз грустно сидел в коридоре, натужно сморкался в принесенную кем-то салфетку и успокаивал всех суетящихся и взволнованных.

На следующий день утром позвонила дочь.

– Папа, как ты себя чувствуешь?

– Ничего я себя чувствую, ничего, – успокоил ее Старый Актер. – Вчера последнюю елку отыграл.

– Последнюю ли? – съязвила дочь.

– Последнюю. На сей раз совсем последнюю. Обещаю.

Ю. Сочнев. Весенний денек. 1978 г.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ОПАСАТЬСЯ (,) НЕЛЬЗЯ (,) НАСЛАЖДАТЬСЯ

Високосный год всегда наступает внезапно. Живешь себе, живешь, ни о чем не подозревая, как вдруг на твою жалобу о том, что опять все пошло не так, собеседник округляет глаза и задуманным шепотом огорошивает: «Ты что – это же високосный год!» В этот момент приходит осознание: пропасть, куда летят твои благие намерения и планы, столь опрометчиво задуманные под бой новогодних курантов, черна и бездонна. А всего-то и нужно было – следить за календарем.

Гай Юлий Цезарь, по свидетельству приближенных, мог делать несколько дел одновременно: например, читать, писать и надиктовывать четыре разных письма своим секретарям. То есть он успешно справлялся с несколькими задачами в один момент времени. Идея многозадачности в современном мире имеет больше противников, чем сторонников, поскольку мозг, по мнению первых, может качественно обработать только одну задачу за один раз. Значит, утверждают пессимисты, многозадачность не эффективна. Такой подход имеет право на существование. Работаем над одной задачей, добиваемся одного результата. Понятно, незатейливо. Только привкус горечи: где они – современные Цезари, где люди такого масштаба?

Но вернемся к основной теме. С 1 января 45 года до н. э. римский диктатор Гай Юлий Цезарь ввел календарь имени себя – юлианский календарь. Говоря современным языком, Цезарь как государственный деятель курировал многие направления, включая науку. В Рим были приглашены и работали там под его покровительством александрийские астрономы во главе с Созигеном. Они установили, что астрономический год равен 365,25 суток. Земля совершает полный виток вокруг Солнца не за 365 дней, а за 365 дней и 6 часов (5 часов 48 минут и 46 секунд, если быть по современному точным). Четыре оборота Земли вокруг Солнца – и вот вам «лишние» сутки. Для того чтобы компенсировать накапливающееся отставание, предлагалось ввести високосный год. Три года считалось по 365 суток, а в каждый год, кратный четырем, добавлялись одни дополнительные сутки в феврале. Слово «високосный» восходит корнями к латинскому *bissextus*, что означает «второй шестой», т. е. второй шестой день в феврале.

Люди во все века настороженно относились и относятся к тому, что выпадает из привычного ряда. Здесь явно стоит задуматься: три года живешь по нормальному графику, а на четвертый год – какой-то лишний день. Странно. Зачем?

В восточной культуре число «четыре» ассоциируется со словом «смерть». Например, в Китае и Японии эта цифра близка по произношению к тому, как произносится слово «смерть». Для этих народов четверка – число, которое приносит сплошные неприятности и беды. Поскольку високосный год всегда является четвертым по счету, это сразу же придает ему

Московский BAZAR № 1 (48) 2024

репутацию опасного и непредсказуемого. В этот год, по мнению восточных мудрецов, Вселенная требует очищения кармы.

Западная культура тоже не полюбила «удлиненные» годы. Главное убеждение наших предков – в високосный год следует быть тише воды, ниже травы, тогда несчастья обойдут стороной. Жизненные перемены следует отложить до лучших времен, иначе все начинания выйдут боком. Не высовывайся – вот основной посыл.

Надо отметить, что современный человек, вобрав в себя опыт предков и их генетический код, тоже не особо жалуется високосные годы. Казалось бы, полученное образование (минимум школьное), подробное разъяснение про 5 часов 48 минут и 46 секунд, обширное информационное поле, доступ к которому есть почти у каждого, должны вразумить. Нет, не получается. Вроде все понятно, а неприятный осадок при упоминании високосного года остается. И ждешь каких-то неприятностей. Как правило, дожидаясь...

Самый оптимистичный взгляд на обсуждаемую проблему у астрологов. У астрологии нет никаких поводов считать високосный год каким-то особенно плохим. Мало того, 366-й день в году – это, по мнению астрологов, даже благо. Он делает мир ровнее, улучшает его. В дополнительный день рождаются «дополнительные» дети, которые в будущем, возможно, сумеют изменить наш мир к лучшему. Шансы на это возрастают чисто с математической точки зрения.

Каждый сам решает для себя, опасаться ли ему года с подпорченной репутацией или наслаждаться дополнительным днем жизни, подаренным юлианским календарем.

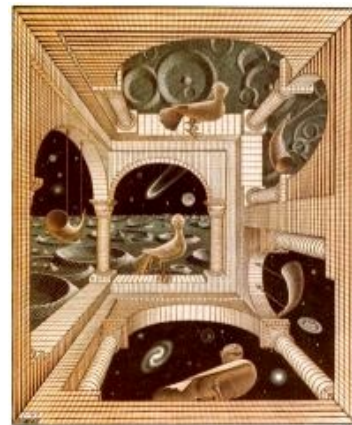
В любом случае – спасибо тебе, Гай Юлий Цезарь.

С. Жуковский. Ранняя весна (Беседка в парке). 1910 г.

ПОЭЗИЯ

Светлана Севрикова
(Москва)

Не унижайтесь перед зеркалами

О женщины, побитые годами,
Как пешками – могучие ферзи...
Не унижайтесь перед зеркалами!

Не доверяй. Не бойся. Не проси!
Зачем тебе, богине волоокой,
Расспрашивать про солнце у слепца!
Стекло – как будто лед. А лед – жестокий
К нежнейшему созданию творца.

Лениво разлиновывает лица,
Прохладным вздохом локоны беля...
Зачем тебе, египетской царице,
Нужны признанья этого враля?

Зачем ты снова, словно в оправданье,
Смахнув слезу, накладываешь тушь?
Привычка удостаивать вниманьем
Ловцов и продавцов бессмертных душ?

Не стой пред ним, за все молясь и каюсь.
Оно – давным-давно с ума сошло,
Деля твой век на молодость и старость,
Несчастное бессмертное стекло!

Оно тебе завидует и злится,
Корит судьбу и ропщет на творца,
Что нет у отражающего лица
Ни совести, ни сердца, ни лица.

Курящая женщина

Случайный миг, как строчку песни,
Хочу запомнить навсегда:
Дорога хваткою железной
Брала за горло поезда.

Толпился люд на полустанке.
А на мосту... А надо всем!..
Простая женщина стояла.
Курила. Может быть, «LM»...

Ладонь к губам, и, простодушно,
Ладонь от губ... Печальный взгляд.
Как будто поцелуй воздушный
Вослед составам всем подряд...

А рядом люди шли, с вещами,
И вряд ли кто-то замечал,
Как эти жесты превращали
Вокзал в тоскующий причал...

Женщина в гамаке

За день, зноем утомленный,
отцветает солнца мак.
Между ясенем и кленом
твой колыхнется гамак...

Затерялась в палисаде
среди цветочной красоты
меж землей и небесами
засыпающая ты...

Между ясенем и кленом...
Между небом и землей...
Между музыкой зеленой
И лазурной тишиной...

Летний ветер развеивает
завитушек чудных медь...
Ты – как рыбка золотая.
Рыбка, пойманная в сеть.

Кто-то мерно тащит сети
День за днем, за часом час...
Между сумраком и светом
Не в последний ли ты раз?

Все течет из лета в Лету.
Перемене всякой рад,
развеивает летний ветер
посеребренную прядь...

Наташа после бала

(из цикла «Поэтические иллюстрации
к роману Булгакова»)

А у той, чьи щеки алые –
На устах усмешка бледная:
Маргарита Николаевна,
Пусть меня оставят ведьмою!

Их высочество уещено,
Жаждет не казнить, а миловать.
Пусть меня оставят женщиной,
На плече клейменной лилией...

Пусть они намажут брови мне
Черной сажей, несмываемой.
Распужаю старых боронов,
Маргарита Николаевна!

Пусть не зарятся, всеядные,
Не слюнявят мне запястия!
Пусть меня оставят гадиной,
Не хочу сдаваться аспидам!

Не найти мне пары по сердцу –
Все блестят, как ведра медные,
Долго ль позолота носится?
Пусть меня оставят ведьмою!

Сами знаете, что лаю я
Оттого, что выть не выучусь...
Маргарита Николаевна!
Из беды из бабьей – выручи!

Волнорез

Море волнуется, море беснуется,
Воды созвездья смывают с небес!
Мечутся чайки, как мокрые курицы...
Рушатся скалы...

Но ты – волнорез.

Не заклинатель стихий разгулявшихся,
Но роковые удары – смягчал,
Ангел-хранитель, штормам не поддавшийся,
Оберегающий тихий причал...

Крепкий, как воин, и кроткий, как женщина
(Что еще можно сказать про любовь!)...
Лупит наотмашь судьба сумасшедшая...
Зло побеждает...

Но ты – волнолом!

Смысл твоей жизни – по капле, по ложечке,
Вычерпать ярость... Терпи и держись!
Там, у причала, колыхнутся лодочки,
И продолжается мирная жизнь.

Ее ребенок

Обритый, в битых кирзачах, в шинели серой, долгополой
Идет навстречу палачам через ромашковое поле
Ребенок женщины земной... Той самой женщины, с которой
Едва сравнятся красотой твой взор чарующие зори.

Из-под тяжелых каблучков – звенящей россыпью взлетает
Пылящий ворох лепестков и мотыльков пестрящих стая.
Ребенок той, чей нежный вздох сожжет снега, расплавит камень,
Идет на смерть, зажав приклад большими липкими руками.

Ему остался только шаг, и, удивленный алым цветом,
На сиру землю упадет малыш единственной на свете.
Она в твоих объятьях спит, она наивно верит в сказку,
Что ты не можешь допустить такой чудовищной развязки...

Обритый.
В битых кирзачах.
В шинели серой, долгополой.

Идет.
Навстречу палачам.
Через ромашковое поле.

Ей снится безмятежный сон.
Нет оправдания причинам
Бессмысленных кровавых войн
Тобой затеянных, мужчина!

Стареющая женщина и осень

Опять бульвары листьями заносит,
И небо ненадежно и серо.
Стареющая женщина и осень
Задумчиво спускаются в метро.

Они теперь тесны и неразлучны.
Родные сестры. Неразлейвода.
Им вместе никогда не будет скучно.
И весело не будет никогда.

Тайком грустят о промелькнувшем лете
И делятся теплом озябших душ
Со всеми, за кого они в ответе,
И с небом, отраженным в мути луж.

Теплом, надеждой, силою и верой
В далекую грядущую весну,
Которая изменит эту серость...
И правду обнажит... и выдаст суть...

И простодушны... И простоволосы...
Какими были в восемнадцать лет,
Стареющая женщина и осень...
И город... И страна... И целый свет...

Пора бы им, отчаянным, признаться,
Что впереди лишь бездна и покой!..
Но снова парки красками искрятся.
И путь до бездны – словно золотой...

ПОЭЗИЯ

Игорь Беляков

(МОССАЛИТ, Москва)

Небесные вести

Снежинки свежести полны,
их души ласково-прозрачны,
и провести они вольны
всю жизнь свою в одежде брачной.

Сойти явленьем торжества,
кружась в единственном полете, –
такой же жест их естества,
как ваш, когда к любимым льнете.

Легко созданиям небес,
от здешних скорбей отдаленным,
нести покой, уют и блеск
на крыльях, свойственных влюбленным.

То ангелы слетают в мир
под образом метели млечной,
чтоб возвестить: там – брачный пир,
непрекращающийся, вечный...

Вибриссы

Вертикальные усы
на бровях у кисы
служат признаком красоты
маленькой актрисы.

Вместе с ними два пучка,
что с боков мордашки,
легкий трепет ветерка
ловят без промашки.

Киса чувствует ясней
каждое движенье,
и для жизни важно ей
морды украшенья.

Я во всем ценю вполне
самобытность кисы,
но милее чем-то мне
усики-вибриссы.

Облака

Словно получившие задание,
выплывали в небо облака –
перенять слепящее сиянье
и впитать его доглубока.

С белоснежным обликом кудели
слито полыханье изнутри,
ибо световые колыбели
солнцем оживляются с зари.

В пеленах оптических волокон,
облеченный в облачный белок,
созревает шелковистый кокон –
молнии подобный ангелок.

Путь его небесный не навечно
млечной поволокою одет,
обретая сердце человешье,
в глубине лелеющее свет.

Соцветие муз

Семь радуги цветов, а также черный, белый –
вот одеянья муз!

Какая же из них наряд какой надела –
я угадать берусь,

ведь сердцем уловить их отголоски хора
и в цвете нам дано.

Уверен я зимой, что в белом – Терпсихора,
когда гляжу в окно.

Еще я думаю, что Каллиопа с Клио –
в зеленом, голубом,
как сверху шар земной – да кружится счастливо
с планетой – и наш дом.

Урания им фон даст черный, не иначе,
он ей идет одной,
затем, что среди звезд – ни траура, ни плача,
но вечность и покой.

А Полигимнии хитон в оттенках явлен синих,
как ясный небосвод –
восхищена душа, и к гимнам не остынет,
и оды воспоеет.

Сияет золотом, как солнце, Мельпомена
в лучах своей игры,
когда озарена прожекторами сцена,
где созданы миры.

Эвтерпа – из жар-птиц, в оранжевый одета,
Эрато – в алый цвет,
в чем цитрусовый рай, экзотика и лето –
и свежих роз букет.

Смешливая из муз, вся в легком и лиловом,
как Талия стройна!
И любо поглядеть, как оборотом новым
нас веселит она.

А весь прекрасный хор дев девяти небесных –
о чем сейчас поет?
О том, чтоб, как цветы, мы собирали песни
с их луга – круглый год!

Памяти деда

Он родился еще в Империи,
в черно-белом немом кино,
чтоб увидеть непреднамеренно,
как разворачивалось оно –

и батальною стало лентою,
с дымом, грохотом и огнем.
А в тридцатом ходил студентом он,
в тридцать пятом – жена при нем.

Не работу ли инженерную
он оставил, взяв автомат,
чтобы стойкостью беспримерною
возвеличился Сталинград?

Смог из пекла людей вытаскивать,
что в медалях отражено.
Эти годы запомнить адские –
слишком крепко было дано.

Отличался суровой честностью,
года два сидел ни за что,
только дети росли чудесные,
домик с садом был – и авто.

Та машина звалась «Победою»,
и, встречая на ней внучат,
привозил гостить уже дедом он
их на лето в домик и сад.

Годы поздние были нервными.
Как отбоя, дождался в них
обнуления счета времени –
и почил на руках родных.

Спутник верный – супруга вдовая
прожила еще восемь лет,
а потом домик с садом продали,
и пути туда больше нет.

Сад вишневый и абрикосовый,
расцветающий по весне,
приносящий плоды до осени,
волгоградский – ты снишься мне...

Лунной ночью

В дачном доме очевидно,
что Луна сотворена,
чтобы ночью не обидно
было глянуть из окна,

ибо тот, кому не спится,
чья душа тоской полна,
с места может убедиться,
что не дремлет и Луна.

Там она на черном шелке
бледным жемчугом блестит,
брошь даруя на заколке
чтущим ночи колорит.

Или за плывущей дымкой
прячет свет зеркальный свой,
чтоб картинка за картинкой
проявлялись чередой.

Или на узорной ветке
Зреет, как чудесный плод,
или – Ленского соседки
круглый лик воссоздает.

Ты щекою – на подушке,
та щекой – на облаках,
смотрите в лицо друг дружке
очарованно впотьмах.

Весна сказала

Весна сказала снегу:
«Пора бы знать и честь!
Земле такую негу
уже не перенести».

Не мог бы ты скорее
убрать свою постель,
а в час, как солнце греет,
и отойти отсель?»

Тут снегу стало жарко
и стыдно за себя,
но с участью огарка
не сладил он, скорбя.

Во влажное дыханье
сводясь до вышины,
он путь открыл туманней
красавицы Весны.

И талыми слезами
оплакал свой уход,
чтоб лужи указали
глазам на небосвод,

ручаясь – жертва эта
нам милостью была.
И близостью расцвета
природа весела.

Уму и уху палиндром

Летя, дятел
лирово говорил,
лады выдал.

Уму и уху
виват сопоставив,
лабал.

В
тон нот
лада попада́л,
дубобуд.

О
вере дерев
лепо попел,
о
еде
еловой, о воле.

Как
ему в уме
не сук вкусен –
коры сырок.

И
еще –
дал кодово доклад:
зон гор прогноз.

А ругала балагура,
авось, сова:

«Ох! ухо,
ну, рвет он, в ноте врун,
а музона звон тот нов – заноз ума
комок!

Нелеп с пелен,
а рожа – мажора,
и
горло, мол, – рог!
Лажу б ужал,
а, мучитель? Лети, чума!»

Ор думала мудро,
а, лап свесив йоты, сытой висев,
спала.

А
он тупо попутно
уху и уму
ее
влепил, и жил, и пел в
лесу у сел,
и –
ажур кружа,
как
Лепс, спел.

ПОЭЗИЯ

Елена Крылова

(МОССАЛИТ, Москва)

Летающий май

В чашку кофе налью горячей,
Отодвину бессонницы бред.
Солнце нижет на спицы лучей
Заалевший московский рассвет.

Не страхнуть мне усталость с ресниц,
Кофе сколько с утра ни вливай.
Распускается в пении птиц
Быстротечный бушующий май.

Он проскачет буланным конем,
Цветью вскружится мимо меня.
И так долго мечтаешь о нем –
А промчится со скоростью дня

Настой осенней грусти

Налит настой осенней грусти
В бокалы старого пруда.
Рецепт сей знаю наизусть я:
Чуть-чуть добавлено туда

Тоски по красочному лету,
Печальной песни журавлей,
И листьев рыжие букеты
Растряны среди аллей.

Слегка припущено туманом.
Немного дождь поморосил.
И дым костра струился пряный,
Вплетаясь в ветви у осин.

И ивы гибкие к настою
Склонились желтою листвою.

Плутовка осень

За кустами притаилась осень,
Стащит лето, словно петушка.
Разрешенья, как всегда, не спросит,
Нападет лисой исподтишка.

Вот прыжок – и побежала осень,
Вновь украла лето у меня.
Яблоки, срываясь, бьются оземь,
Отгрызает ночь кусочки дня.

Не догнать плутовку эту осень,
Хвост ее мелькает по лугам.
Ветер поднимает листья в просинь
И бросает перьями к ногам.

Понедельник

Кажется нам часто понедельник тяжким,
Выходные мигом пронеслись опять.
Снова на работу, никакой поправки,
И будильник звонко требует – вставать!

Быстро поднимаюсь, кофе наливаю.
И зарядкой бодрой прогоняю лень.
Раздвигаю шторы, окна открываю,
В комнату влетает свежий новый день.

Может, понедельник для того дается,
Чтоб напоминать нам двигаться вперед.
Выхожу из дома, ярко светит солнце,
И весна о чем-то весело поет.

Легкою походкой я шагаю смело,
Улыбаюсь встречным на моем пути.
Устремляться к цели, начинать ли дело –
Лучше дня недели не могу найти!

На обрыве

Передо мною сложный выбор.
Направо мне идти нельзя,
Проход туда завален глыбой.
Налево можно лишь скользя

По тонкому резному краю,
И путь не близок, не далек.
Сквозь горы ход назад не знаю,
Исчезла нить, пропал клубок,

Который мне дала колдунья.
Зачем идти решился к ней
В лимонном свете полнолуныя,
Томимый множеством идей?

Хотел я царство и принцессу,
И золотого коня.
Теперь я на скалистом свесе,
И тянет пропасть вниз меня.

Чего-то жду, стою на месте...
Зарделся ярко небосклон.
Восход пришел с хорошей вестью:
Я просыпаюсь. То был сон.

Между листком и интернетом

На полдороге к интернету
Опять завис мой новый стих.
И суеты как будто нету.
И шум дневной уже утих.

Пыльцою звезд покрылось небо,
Восходит полная луна.
Я написала быль и небыль,
Усилил нужные тона.

В финале ставлю трио точек.
Но все еще чего-то жду.
Хочу запрятать между строчек
С небес упавшую звезду.

Не будите спящего щенка

Не будите спящего щенка.
Сладко спит. Окутала беспечность.
Он пока уверен, будто вечность
Будет гладить ласково бока.

Не будите спящего щенка.
Шевелятся лапки у малютки,
Он во сне охотится на утку
В камышах, где тихая река.

Не будите спящего щенка.
Никогда еще он злобным не был.
Пусть подольше будет чистым небо
И нежна хозяйина рука.

ПОЭЗИЯ

Александр Сухих

(МОССАЛИТ, г. Королев)

Собраться у огня

Я летом не пишу – ленюсь и не хочу
захоронить в бумагу впечатленья,
и миги не рублю, подобно палачу, –
пусть копятся они без принужденья.

Сполна вдыхаю жизнь, смотрю, не
мельтеша,
И нежусь в ощущениях быстротечных.
...Тихонько расправляется душа
и временно становится беспечной.

...Забыться, не спешить, спокойно созерцать,
как облака колышутся в лазури,
не видеть своего уставшего лица
и угловато пухнувшей фигуры.

Бродить в лесу и выгуляться всласть,
чтоб до весны дыхания хватало,
и смеха ощущать целительную власть
под шепот шашлыка в дымке мангала.

Я лица близких, в отблесках огня,
внесу навечно в память родовую,
и в их глазах, открытых для меня,
дробясь и отражаясь, утону я...

Пустынное небо

В моем окне так много звезд,
как будто я уже на небе.

Н. Туроверов

Крупницы, отражающие свет,
вас звездами назвали.
Взывали к вам искавшие ответ
отринутые узники печали.

Я тоже здесь, оконный сторожил,
как проклятый дежурю непрестанно,
блуждаю в прошлом, там, где упустил,
явившуюся тайну...

Непостижима бездна, а лучи –
приманка для поэтов:
душе не доведется получить
ни знака, ни подпитки, ни ответа.

Иллюзии одни и маета,
с мерцанием унылым переглядки –
бессмысленно чего-то ожидать
от чуждого порядка.

Глаза остекленело холодны.
Бессчетны отраженья.
Сиянье переполненной луны
струится, провоцируя виденья, –

вливая утонченное сомненье...

Буреломный мазохизм (пародия)

Я прокрадусь сквозь ельник босиком,
Свой голос подниму с земли холодной...

Ю. Лавряшина

Пред ельником я сброшу сапоги,
сниму носки, джинсу и... прочее,
и в лес войду – пусть скалятся враги,
что без талантов обесточены.

Из образов малюю я фонтан,
природа мне дарует зачумленье.
Безумный с мирозданием роман
кармически закручен в миг рожденья.

Я к вам пришла отвязной и босой
с попыткой жить в гнезде, во льдах, в
берлоге,
питаться мхом, грибами и хвоёй,
для углей из печи готовить ноги!

Роняла я на землю голос свой
и еле теплым снова поднимала,
но этот мнимый творческий простой
был стимулом и жертвенностью малой.

Как жаль, на голове ходить нельзя,
ведь должен быть какой-то орган слабым...
Пусть темечко смягченное, друзья,
и без него я накропаю славы!..

Последний гусь

(стих, возникший во сне)

Из прошлой жизни охотника

Сезон закрыт, и с порохом вдыхаю
опрелую неслышную листву,
и блошки с гусака переползают
на пальцы мне и прыгают в траву.

Тепло трофейной дичи все слабее...
Не ощущаю радости стрелка,
лишь подтверждаю – попадать умею,
но это перестало увлекать.

Неспешно добреду до места сбора,
за стопкой будет вечный разговор
о выборе, стрельбе... – пустые споры
и невезенью праведный укор.

Отец с Афоней обретут решенье
искать гусей, кормящихся в полях.

...Увесистый бинокль висит на шее
на тоненьких засаленных ремнях.

Оглянувшись

Стараюсь ходить по земле,
асфальт, избегая наивно,
чтоб ноги от боли отвлечь,
в которой я сам и повинный.

Бродил где попало, топтал
исхоженных лестниц ступени –
выстуживал сердца накал,
копил суету впечатлений.

О сколько надежд и речей,
к себе обращенных призывов
сгорело в беспутстве ночей,
спиртовыми волнами смыло...

Иссохшая рваная сеть
из прошлого ловит песчинки.
Эх, там бы побольше хотеть!..
А здесь – лишь помягче ботинки.

Настройка

Любая музыка – прощанье,
 прощанье жизни над тобой.
 Несет мелодий окончанье,
 для всех, условный упокой.

Все чаще слышишь отвлеченно
 пустоты нотных партитур,
 и вычисляешь, как ученый
 в туманах призрачных, черту.

Такое знание чревато,
 его немислимо изъять.
 Смиренье вынудит когда-то
 уход физический принять.

Душа над солнечным сплетеньем
 растит молитвенный посыл:
 в чьем теле будет возвращенье?
 Я не хочу себя забыть!..

Близкие переделки

Пиликанье полночное синицы,
 затейливой зарянки перепев... –
 стремление услышаться-излиться,
 пройти многоголосия отсева.

А есть ли одиночество среди певчих,
 которым предназначено летать?..
 Иль это человечества увечье –
 бессильного бескрылия печать?

Природа лишь поверхностно несвязна,
 пусть каждый голосок уединен:
 невидимо несчитанный и разный,
 прерывистый, простой, несообразный –
 узнается-востребуется он...

Всесильны переполненные чувством!
 Всевольны удостоенные ждать!
 В душливом черемуховом буйстве
 сочится на неспящих благодать...

После двухмесячной засухи

Дождевые касания чувствую,
 но у лужиц – нетронута гладь,
 все смотрю на поверхности мутные –
 ощущаю воды благодать.
 Воробьи и вороны расслаблены –
 не боятся машин и людей.
 Листья мокрые цвета окалины
 среди мертво ломких ветвей.

Все записано в памяти дерева...
 И водицу из наших квартир
 мы к стволам подносили, уверовав,
 что лишь вместе возможно спастись.

Боль растений лучится неслышимо,
 и теперь не учуять ее.
 Воздух жизни взаимонадышанный
 иллюзорный покой создает...

И такое обилие жалости
 разольется: куда и кому?..
 В этой жизненной несообразности
 перепуталось все – не пойму
 ни жары, словно кем-то назначенной,
 ни пожаров бесчисленных ад,
 и ни ветра, что дымом накачивал
 наши головы месяц подряд!

Непонятно – проказа иль бешенство,
 иль инстинктов потеря виной...
 но кому-то за это отвесится,
 отольется возвратной волной,
 и огнем, и сумой переметною!..
 замолкаю – не хочется знать...

Мне близки лишь дождинки пролетные,
 их касательная благодать!

ПОЭЗИЯ

*Сагидаш Зулкарнаева,
(Самарская обл.)*

Выпив ночь из синей чашки, жду, когда нальют рассвет.
Тень в смирительной рубашке мой обкрадывает след.
Обернувшись теплым пледом, обойду притихший сад.
Пахнет горько бабье лето неизбежностью утрат.
Звезды светят маяками. Может, в небо за буйки?
Где цветные сны руками ловят божьи рыбаки.
И по лунам, как по рунам, выйти в космос напрямик.
По дороге самой трудной, где полет – последний миг...
Только в доме спит ребенок. Захожу, скрипят полы.
Не скрипите: сон так тонок! В степь пойду, сорву полынь
И травую горькой, дикой окурю себя и дом:
Блажь полета, уходи-ка! Полечу потом, потом...

Снова крылья чувствую подкожно,
За окно зовет пернатый снег.
Улететь за ним на небо можно,
Но живым вернешься лишь во сне.
Все на свете бренно и непрочно,
Есть концы у руны и струны.
Спит лишь вечно в черносливе ночи
Золотая косточка луны.

Полна луна, как барыня,
В моей душе – светлынь!
Пью чай, тепло заваренный,
Со вкусом лунных дынь.
В небесной бочке осени
Заквашены дожди.
Кругом – в ночи и просини –
Листва, листья, лишь ты...

В соломе света день сияет ныне,
Теплее молока вода в реке.
Пастух, хмельной от зноя и полыни,
Как тучу, гонит стадо вдалеке.
Под вечер жар вдоль берега спадает,
Духмяно пахнут травы на лугах.
Как зев печи, закат огнем пылает.
Несут коровы небо на рогах.

Как в черной речке нету дна,
Так и в тебе мне нет опоры.
Ты от меня уедешь скоро,
И я останусь вновь одна.
Не оглянувшись, ты назад
Уйдешь, а я поставлю точку.
И поцелую тихо дочку
В твои прекрасные глаза.

Когда мой мир как лист бумаги скомкан,
 И душу рвет кинжальный ветер дней,
 И скудость ждет отточенным осколком
 На алчущем паденья жертвы дне,
 Так хочется повеситься, как месяц,
 Задрать люк души, завить, как бес,
 Скатившись вниз по гулким ребрам лестниц,
 Упасть в ладони жаждущих небес,
 Забыть все рамки, правила, законы,
 Долги, пароли, мерки, этикет,
 Сбежать из мира клеток и вагонов,
 Машин, неона, пластика, ракет;
 И кануть в непролазной, тихой чаще,
 Где бродит по деревьям лунный кот,
 И выгореть, как август уходящий,
 И сдаться в плен всем армиям невзгод...
 Когда ж душа надломленно умолкнет,
 В бессилье крикну вновь себе: Дыши!..
 И еду в глушь, соломенной иголкой
 Сшивать дыру надорванной души.

Я оденусь в шелк июля,
 Не зови меня – ушла.
 Пусть молва летит, как пуля,
 Зависть жалит, как пчела.
 Над ручьем и над канавой,
 Где скопился сельский сор,
 Напрямик шагну я с правой,
 Всем врагам наперекор,
 Улыбнусь песочным сотам
 Муравьиного вождя
 И не стану старым зонтом
 Заслоняться от дождя.
 Прощевай, моя избушка,
 Прощевай, моя земля!..
 Я свободна, как лягушка
 В черном клюве журавля.

А ты не плачь, пусть дни твои лихи,
 Под гору время катится монетой.
 Переиначь все страхи на стихи,
 Петлю и пули на пилюли света.
 Неси свой крест, храни любовь и дом,
 Когда-нибудь ты станешь в ряд прощенных.
 И в час беды не говори о том,
 Что крест – не плюс, два минуса
 скрещенных.
 Пускай тебя сжигает мир дотла,
 И разрывает стих на звук и голос,
 Ты не сходи с небесного седла,
 В пургу лишь крепни, словно волчий волос.
 Найди от зим судьбы лишь свой рецепт,
 Дари любовь, твори, живи не постно.
 Ведь из пустых нулей куется цепь
 Глухой тропы. Очнешься – будет поздно.
 А там – весна! В душе растает лед,
 И жизнь вокруг затеет перемены.
 Апрельский ветер рекам вскроет вены,
 И к водопою ивы поведет.

Почат январь, собрали конфетти,
 В пустом доме одна не заскучаю:
 Под вечер Зойка сойкой залетит,
 Расскажет все известия за чаем.
 Пускай Самара где-то далеко,
 Живи себе да печь топи на благо.
 Есть тишь и свет, есть мед и молоко,
 И два пути – до неба и продмага.
 Зачем грустить, когда идут часы,
 Полны теплом небесные ладони,
 Горит герань и хлебом пахнет в доме,
 Горьки слова, но помыслы чисты.
 Чего мне ждать, каких высот хотеть
 И обходить какие грани надо?
 Ведь дальше неба некуда лететь,
 А дальше бездны некуда и падать.
 Лишь только б жить без злости и обид,
 Любить людей на свадьбе и на тризне.
 А то, что Бог со мной не говорит...
 Поговорит, быть может, после жизни.

Среди окраин и разрухи, где шифер мхом оброс на крышах,
Живет иконная старуха – молись на лик, и Бог услышит!
Она месила век руками. Все было: голод, униженье,
Почет – ведь вровень с мужиками пахала до изнеможенья.
С супругом поднимала стены семьи и дома – было дело.
Душа в рубцах, а руки в венах, одна осталась, овдовела.
Сынок и дочка – все богатство, чего желать душе без кожи.
Глядит старушка без злорадства глазами Бога на прохожих.
Хлопочет в доме спозаранку: то хлеб печет, то кормит живность,
То прет бидон с водой на санках. И так кружит по кругу жизни.
Чтоб от хлопот охолонуться включает телик: «Что там кажуть?»
И здесь спокойно не сидится: глядит на мир страстей – и вяжет.
А дети редки на пороге, с годами вовсе едут реже.
Из-под ладони на дорогу глядит она, надежду теша...
Мироточит окно наружно, дрожит осенняя осина.
И невдомек святой старушке – на ней и держится Россия.

В. Бакшеев. Голубая весна. 1930 г.

ПОЭЗИЯ

Юрий Берг

(Ингольштадт, Германия)

Молитва

Женщины в платьях красных
мужчин обожают смелых,
мужчины, те любят разных –
худеньких, полнотелых.
...Крест положив, с порога,
свечнику брошу грошик,
сегодня прошу я Бога:
«Дай лучшую из хороших».
Ведь надо совсем немного
того, что просить не смел,
отвлечь опасаясь Бога
от разных серьезных дел.
Пусть женщина будет рядом,
а в жизни деньков – не счесть,
пусть ходит в любом наряде,
но любит таким, как есть.

Актерам

Черно-белая, немая
лента старого кино,
непростая, шепотная,
жизнь театра и кино.
Где Бердичев, где Самара,
где забытый богом клуб,
где Наташа, где Тамара,
где тепло девичьих губ?
Десять лет шага за сценой,
десять лет чужой успех
и семья с Петровой Леной –
очень странная для всех.
На пороге кризис нервный,
мне б запить, да денег нет,

я такой, увы, не первый –
мальчик сцены в сорок лет.
Эта сладкая отравка,
жизнь подмостков и кулис,
с ненасытностью удава
жрет актеров и актрис.
Только зрителю неважен
театральной кухни факт,
и вином в буфете скрашен
между актами антракт.

Бог с измученным лицом

Наклонившись над мальчишкой,
госпитальный царь и бог
час колдует над худышкой,
что лежит теперь без ног.
Кровь, что талая водичка,
из обширных ран текла,
молодую медсестричку
тоже сняли со стола.
Литр крови, литр жизни,
но теперь он будет жить,
и до самой смертной тризны
медсестру благодарить.
Жизнь устроена непрочно,
тяжко ранен – не убит,
парень жив, а значит точно –
все что надо совершит.
...А в палате, снявши китель
и склонившись над бойцом,
кулаком слезинку вытер
бог с измученным лицом.

Триолет

Когда горят кресты на куполах
и небо отражается в окнах,
в вечернем небе остывает солнце,
когда горят кресты на куполах.
А под горой курится серый шлях,
и серебрится круг на дне колодца,
когда горят кресты на куполах
и небо отражается в окнах.

Полупьяная ночь

Полупьяная ночь полупьяным не верь
полупьяное все что я вижу теперь
полупьяная жизнь за замерзшим окном
полупьяно стучит в голове метроном
полупьяные сны полупьяная явь
на окошке цветы за окошком январь
полупьяная ночь в небе чахлый рассвет
мне позвать бы тебя но тебя больше нет
ты ушла за порог ты кричала «не верь»
нет ночей у меня да и дня нет теперь
полупьяный рассвет тихо падает ниц
я не вижу твой взгляд за забором ресниц
я беззвучно зову но ответа мне нет
я вдыхаю с трудом кисло-сладкий рассвет
и из банки литровой соленый настой
я вливаю в себя безнадежно пустой
пустота в голове и в душе пустота
метров двадцать всего от воды до моста
как успеть как понять как узнать в этот миг
что я вместе с тобой в это время погиб
двадцать метров до серой холодной слюды
три секунды от счастья лететь до беды
и спросить не успеть быть потом иль не быть
с этим вечным вопросом останусь я жить
с верой в нашу любовь тонкой вешкой в веках
мы останемся здесь наяву и во снах
ведь порукой тому для тебя и меня
лег в ладони рассвет как кусок янтаря.

Еврейский портной

(экфрасис картины Гавриила Гликмана «Еврейский портной»)

Белорусское местечко видит третьи сны,
спят израилевы дети – дочери и сыны.
В глухомани белорусской, среди лесов и вод,
в тяжком сне забылись люди – вечный мой народ.
Рано в хатах спать ложатся и с зарей встают,
бог даст день, и будет пища, и печной уют.
Три версты до панской Польши, а до Гродно – семь,
над землю темень виснет и покой над всем.
Только теплится окошко в полуночной мгле,
да тихонько остывает жар в печной золе.
И портной рыжебородый, сидя на столе,
что-то шьет из белой ткани – явно не себе.
Взгляд опущен, глаз прищурен, будто он во сне,
сам с собой ведет беседу, словно не в себе.
Полуночничает Яков, а старуха спит,
и с горы упавшим камнем время их летит.
Гирьки тянут цепи книзу, маятник вразнос,
человеческие жизни мчатся под откос.
За стеклом очков разбитых вымученный взгляд –
Яков шьет для старшей внучки свадебный наряд.
Все проходит в этой жизни, вот и жизнь прошла,
забрала она немало, внука забрала.
Золотой малыш кудрявый, глазки в пол-лица,
(писем с фронта нет от мамы, нет и от отца).
Заболел и умер быстро, пролежав три дня,
горе хату их накрыло, счастье заслоня.
Хочешь знать, что будет завтра – Бога рассмеши,
нет лекарств от злых болезней в их лесной глуши.
И подарок драгоценный, «коник» от отца,
по хозяину скучает и не ест овса.
И воды совсем не просит, «дайте, мол, попить»,
деревянную лошадку некому любить.
Яков слышал, Яков знает: немцы где-то тут,
и каратели местечко поутру сожгут.
У амбара расстреляют всех до одного...
отчего ты нас не слышишь, Боже, отчего?
Гаснут звезды, меркнут звезды, солнышко встает...
на столе дубовом сидя, Яков платье шьет.

Не оборвется ход судеб

В доме тихо, в доме странно, в доме все не то,
воздух умер без движенья, в комнатах темно.
В доме скучно и тревожно – пыльный склад вещей,
с фотографий смотрят строго отпечатки лиц.
Под сугробами уснула до весны земля,
и мороз рисует звезды в раме января.
Здесь давно никто не чистит тропку от ворот,
и никто дрова для печки утром не несет.
Замер дом под ветхой крышей, съежился от вьюг,
скоро век его прервется и замкнется круг.
Круг судьбы его замкнется, как замкнулся круг
тех людей, кто в нем родился и кто умер тут.
Но весной снега растают, потекут ручьи,
и в саду проснутся вишни – столько лет ничьи.
Народят скворцы в скворечне пару малышей,
и полезут в сад мальчишки – не свое вкусней!
Так заведено от роду, с самых первых дней:
коротка пусть ночь земная – день зато длинней.
Ход судеб не оборвется, не исчезнет вдруг,
мы сюда еще вернемся, завершивши круг.

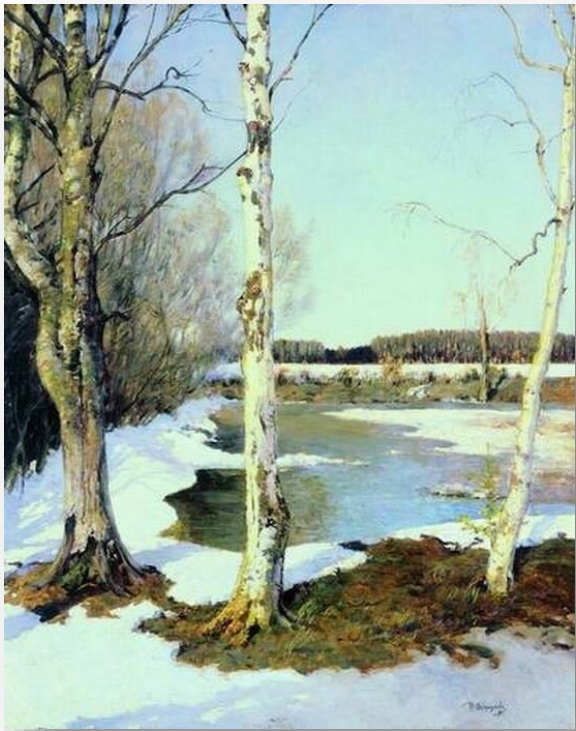
Последний полет

(ремейк)

По полям суета, это птицы сбиваются в стаи,
а в душе пустота, мне сегодня в последний полет,
все бегут облака, ни порога, ни края не зная,
и я нервно дрожу, я на старте своем – самолет.
Мой полет – в никуда, и на рейс не купить вам билетов,
и во мне, как вчера, сто процентов не проданных мест,
я – летучий корабль, что летает, летает по свету,
гулом мощных турбин распугав все живое окрест.
Вот уж башня скрипит: «Сто семнадцатый, взлет разрешаю»,
это значит – вперед, это значит – долой тормоза,
я качусь все быстрее, я бетонку, как книгу, читаю,
вот и кончилось все, ну а дальше лишь солнце в глаза.
Надо мной синева, подо мной где-то грозы и тучи,
где упорно вода бьет волною в усталый гранит,
я лечу над Землей, я сегодня Голландец Летучий,
и неважен маршрут – черный ящик его сохранит.
Где меня уже ждут, там погода плохой не бывает,
там беспечно живут под счастливой звездой города,
и порхают цветы, словно сказочных бабочек стаи,

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

и царит тишина там всегда. Навсегда, навсегда.
В тех краях неземных разноцветье и счастье покоя,
свет далеких огней и ветра, что поют в унисон,
до сих пор не пойму, что же это случилось такое –
было все наяву, или это лишь утренний сон...

И. Остроухов. Ранняя весна. 1891 г.

И. Левитан. Большая вода. 1897 г.

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА

Петр Дубенко

(МОССАЛИТ, Москва)

О БЕДНОМ ЭТЬЕНЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Кинообзор

Один из главных споров, которые обязательно возникают при обсуждении исторических произведений – допустим ли в них художественный вымысел или все написанное (снятое) должно строго соответствовать исторической реальности. По зрелом размышлении ответ очевиден – конечно, допустим и даже необходим. Ведь с его помощью можно сделать явления далекого прошлого понятнее для современного зрителя (читателя). Это главная функция художественного вымысла в произведениях на историческую тему – сделать их более интересными, яркими и доступными для понимания. И настоящие мастера справляются с этой задачей на твердую пятерку. В качестве примера можно привести хиты мирового проката – «Гладиатор» и «Храброе сердце». Вымысла там предостаточно, но он делает эти фильмы объемнее и глубже, заставляет еще больше сопереживать главным героям. Однако, надо признать, последнее время столь удачные приемы встречаются все реже: вымысла и даже откровенного передергивания в новых исторических произведениях хоть отбавляй, но становятся ли они от этого ярче и интереснее? Давайте посмотрим с этой точки зрения на новинку кинопроката – костюмированную драму «Жанна Дюбарри». Попробуем выяснить, украсил ли очень богатый авторский вымысел скучную и серую реальность или, наоборот, сделал ее бедной и блеклой.

Авторский взгляд

Начнем с того, как преподнесли те непростые события авторы фильма. Что же мы имеем в фильме благодаря их бурной фантазии?

Главная героиня – Жанна Дюбарри, урожденная Бекю. Обычная девушка – плод внебрачной связи простой кухарки. Благодаря выдающимся природным данным юная красотка очень быстро приобретает популярность в кругах богемы. Сначала она зарабатывает на хлеб насущный модисткой и натурщицей. При этом принципиально отказывается позировать обнаженной, а в свободное время с упоением читает романы о прекрасной и чистой любви. Однако нехорошие люди все равно заставляют ее свернуть на кривую дорожку, и, пройдя нелегкий путь от обычной проститутки до дорогой куртизанки, Жанна становится любовницей графа Жана-Батиста Дюбарри. Правда, ему принадлежит только ее тело, душой Жанна все равно остается свободна и чиста.

Тем временем во дворце короля... Людовик XV пребывает в депрессии – «он стонал, не брал игрушек, и совсем не ел лягушек». Придворные встревожены и исключительно из альтруистических побуждений хотят помочь монарху вернуться к жизни. А заодно устроить судьбу самой Жанны – милой и приветливой хозяйки элитарного борделя, ибо хороший знакомый и постоянный клиент графа Дюбарри – герцог Ришелье, которого играет Пьер Ришар, считает, что пробудить короля к жизни может любовь к прекрасной женщине.

После долгих уговоров – Жанна соглашается не сразу и в пылу споров даже заявляет, что ее тошнит от мысли о необходимости продаваться королю без любви, – ее все же привозят в Версаль и как бы невзначай представляют Людовику. В итоге между монархом и простолюдинкой вспыхивает страсть, которая со временем переходит в искреннюю любовь. Все как в сказках.

Однако окружение короля – знать, родословная которых с трудом помещается на свитке длиной несколько метров – не приемлет в своей среде простолюдинки. Жанну начинают буллить. Особенно усердствуют дочери короля и первый министр Шуазель, которому просто больше нечем заняться. Тут не могу не отметить мастерство и тонкость, с которой создатели фильма прописали персонажей. Дочери короля ведут себя так, что иногда мне казалось, вот-вот – и кто-нибудь из них почешет себе за ухом ногой, а потом с криком «ху-ху-ху-ха», взберется на ближайшую пальму.

Вообще весьма характерная особенность этого фильма заключается в том, что понять суть персонажа можно при его первом же появлении на экране. Если он опрятен и красив – положительный; если он выглядит и ведет себя как животное – отрицательный. Как в знаменитом японском театре масок, где есть легкоузнаваемые личины негодяя и героя, так что драматургу не нужно думать над раскрытием персонажа для зрителей – это сделает за него соответствующая маска. Примерно так же данный вопрос решен и в фильме. Понять, что я имею в виду, можно, посмотрев на эту фотографию. На ней два важных персонажа фильма. Попробуйте догадаться по их внешнему виду, кто хороший, а кто плохой.

Кадр из фильма

Образ Шуазеля, о котором подробнее речь пойдет чуть позже, это и вовсе вершина творческого бессилия авторов фильма. На фото он справа. Откровенный гротеск, который был бы вполне уместен в комедии или детской сказке, но создатели фильма делали это всерьез, претендуя на достоверный и глубокий исторический фильм. Но вернемся к сюжету. Итак, Жанна невероятно страдает от предвзятого отношения окружающих и пытается доказать им, что главное не титулы и богатство, а сам человек, его богатый внутренний мир. В общем-то, весь фильм посвящен именно этому. Главная проблема героини – заговорят ли с ней дочери короля и невеста дофина – Мария-Антуанетта.

Больше ничего не происходит. И это в фильме, где один из главных персонажей – человек, от решений которого зависят судьбы Европы, король Франции, которая сама находится на грани революции.

В итоге король, в конце умирающий от оспы, все-таки отправляет Жанну в монастырь и о дальнейшей судьбе героини, как и других персонажей, зрителю сообщает уже закадровый голос. Кстати, при продолжительности фильма два часа без малого закадровый голос в общей сложности звучит 10 с лишним минут и все важнейшие повороты сюжета до зрителя доводятся только с его помощью. На мой взгляд, это ясно характеризует мастерство сценариста и режиссера.

Итог: Жанну казнили (об этом тоже просто расскажет диктор за кадром) в ходе репрессий, развернувшихся после Великой французской революции, которая разразится через несколько лет после показанных событий (ну хотя бы в эпилоге об этом вспомнили). Выдал ее толпе некий слуга-негритенок, которого Жанна весь фильм опекала и воспитывала. Это должно вызвать в душе зрителя еще больше «пожалейки» по отношению к несчастной героине, с которой так несправедливо обошлись люди и жестокая судьба. Все, конец фильма. Причем, фраза эта непременно должна звучать под музыку из «Ералаша».

Такой вот получился художественный вымысел, который создатели фильма придумали для того, чтобы украсить скучную серую реальность. И чтобы понять, насколько хорошо или плохо у них это получилось, предлагаю вкратце ознакомиться с настоящей историей Жанны Дюбарри и всего того, что происходило вокруг ее романа с королем Франции Людовиком XV.

Немного скучной реальности

Итак, жили-были в старой доброй Франции графы Дюбарри, семейный бизнес которых испокон веку строился на поставках к королевскому двору юных прелестниц. Рекрутеры Дюбарри – сейчас их бы назвали модельными агентами – разъезжали по всей Франции (и не только), собирая в самых дальних ее уголках красавиц из бедных семей. Отобранные экземпляры привозили в Париж, в имение графов, где обучали необходимым манерам, этикету, основам поведения в высшем свете и обязательно выдавали замуж за какого-нибудь обедневшего дворянина, который был согласен за определенную сумму подарить безродной, но красивой девушке титул. Это была необходимость, так как простолюдинку во дворец, да еще и к королю, просто не пустили бы. После этого новую жрицу любви выводили в высший свет, где она, пользуясь полученными навыками, развлекала своим обществом богатых и знатных людей. И если одной из этих куртизанок удавалось привязать к себе влиятельного вельможу или даже короля, то графы Дюбарри умело использовали это в личных целях. Именно на этом зиждилось их финансовое благополучие и немалое влияние при дворе.

Казалось, ничто не может пошатнуть положение графов Дюбарри. Однако 26 февраля 1745 года Людовик XV случайно познакомился с Жанной-Антуанеттой Пуассон д'Этиоль, более известной как маркиза Помпадур. Очень быстро молодая красавица стала официальной фавориткой. Их роман продлился 6 лет, что невероятно долго для таких отношений, прежде ни одна сердцеедка не смогла удержать почетный статус больше года. Но даже когда Жанна-Антуанетта перестала быть любовницей короля, она осталась его хорошим и самым близким другом. Так что и после расставания госпожа Помпадур не просто сохранила свое влияние на короля, но даже упрочила его.

Одним из последствий этого стало то, что маркиза, кроме прочего, отныне взяла на себя заботу о любовном досуге короля. Говоря проще, именно Жанна-Антуанетта теперь подбирала

для Людовика потенциальных любовниц, мотивируя это тем, что она лучше других знает его вкусы, пристрастия и т. д. Таким образом, Дюбарри оказались на обочине и лишились всех своих привилегий. Вместе с ними рычаги влияния на политику короля утратил и партия, к которой принадлежал род Дюбарри.

Пользуясь приобретенным влиянием, мадам Помпадур принимала самое активное участие в делах королевства, в том числе проводила новых людей в правительство Людовика. Одним из ее протеже стал Этьен-Франсуа де Шуазель, да, да, тот самый Шуазель, который в фильме был показан как смешной индюк с пустым глупым взглядом и покрашенными щеками. На самом деле это был суровый военный, который уже в 21 год проявил себя как выдающийся военачальник, а в 27 лет, не имея протекций и связей, получил чин генерал-майора. Вот, кстати, как он выглядел в реальности.

Этьен-Франсуа де Шуазель

Особое внимание обращает на себя то, что на всех прижизненных портретах Этьен Шуазель изображен в рабочем кабинете, за письменным столом среди гор документов. Думается мне, такой образ у современников рождался неспроста.

Стараниями маркизы Шуазель сначала становится членом правительства, а в 1758 году возглавляет его. Для Франции это были очень непростые времена – страна находилась на грани социального взрыва, и необходимо было срочно принять меры для снижения напряженности. Чем Шуазель и занялся весьма энергично. За несколько лет он добивается упразднения французских подразделений ордена иезуитов, который имел серьезное влияние и сконцентрировал в своих руках огромные земельные владения, в то время как в стране катастрофически не хватало свободных пашен. Он оказывает поддержку местным парламентам и органам самоуправления в провинции, а также лоббирует через них несколько законодательных актов в поддержку зарождавшейся буржуазии и промышленного производства как источника пополнения казны.

Кроме того, Шуазель ввел дополнительные налоги на состоятельных феодалов и на принципиально новой основе организовал материальное обеспечение армии и флота. Прежде этими вопросами занимались представители старых знатных фамилий, которые злоупотребляли своим привилегированным положением, беззастенчиво обкрадывая казну. Теперь же все они оказались в стороне и воровство на армейских поставках если не прекратилось полностью, то масштабы его снизились в разы. На одном этом Шуазель сэкономил огромные денежные средства, которые были направлены на улучшение социально-экономической ситуации в стране.

Все это позволило снизить градус народного недовольства и удержать страну на грани вооруженного возмущения – не будет преувеличением сказать, что именно жесткая антифеодалная политика Шуазеля на тот период времени предотвратила назревавшую революцию. Однако, с другой стороны, его действия не могли не вызвать возмущения

феодалной аристократии, интересы которой оказались серьезно ущемлены. Недовольные реформами Шуазеля вельможи прикладывали отчаянные усилия для его отстранения от власти. За первые шесть лет его премьерства придворная знать организовала десяток заговоров, целью которых был первый министр короля. Но защита мадам Помпадур всякий раз спасала Шуазеля, и тот оставался у власти, продолжая свою политику.

Следующий сюжетный поворот в этой истории наступил 15 апреля 1764 года, когда Жанна-Антуанета Пуассон, или маркиза Помпадур, скончалась в возрасте 43 лет. Именно этим была вызвана депрессия Людовика, в которой зритель застаёт его в начале фильма, хотя в самом фильме об этом не сказано ни слова. Король действительно очень тяжело переживал потерю бывшей фаворитки, а также лучшего друга и верного соратника, с которым он прошел через множество испытаний.

А вот противники Шуазеля увидели в этом долгожданный шанс избавиться от ненавистного премьер-министра. Правда, король все еще благоволил ему, ибо память о Помпадур и ее делах продолжала влиять на Людовика даже после смерти экс-фаворитки. И в поисках решения этой проблемы враги Шуазеля вспомнили про графа Дюбарри – давнего поставщика куртизанок, который по понятным причинам ненавидел Помпадур и все, что было с ней связано. Опальный сутенер с удовольствием присоединился к созревавшему заговору, во главе которого стояли герцог д'Эгильон, канцлер Мопу и аббат Жозеф Мари Терре.

Быстро проведя аудит имеющихся ресурсов, Дюбарри выбирает в качестве претендентки на роль новой фаворитки свою лучшую ученицу – Жанну Бекю, к тому моменту уже успевшую очаровать многих состоятельных клиентов графа. Но чтобы максимально эффективно воспользоваться плодами возможной победы, граф выдает ее замуж не за кого попало, а за своего младшего брата Гийома.

Новоиспеченную Жанну Дюбарри как бы невзначай представляют королю, и тот действительно ею увлекается – граф знал свое дело и готовил замечательных куртизанок. С этого момента начинается закат карьеры Шуазеля. Кстати, в плане его отношения к Жанне фильм не соврал – премьер-министр с первого дня невзлюбил новую фаворитку, но вот причины этой неприязни были совершенно иные. Жанна вела весьма роскошный образ жизни – за первые несколько месяцев ее пребывания в Версале казной на содержание госпожи Дюбарри был потрачен без малого годовой бюджет Парижа. Естественно, Шуазель, который все эти годы в поте лица трудился над улучшением экономического положения в стране, не мог смириться с таким расточительством и неоднократно предпринимал попытки умерить аппетиты куртизанки. Но его влияние на короля, ослепленного новой любовью, к тому времени практически сошло на нет. А в 1770 году Шуазель и вовсе был отправлен в отставку и выслан из Парижа в родовое поместье.

Очень быстро все достижения экс-министра были обнулены. Заменявший Шуазеля герцог д'Эгильон упразднил большую часть полномочий парламента и органов местного самоуправления, фактически вернув власть феодальной аристократии. Все встало на круги своя, и теперь уже обреченная Франция семимильными шагами двинулась к страшным кровавым событиям – революция стала неизбежной.

10 мая 1775 года король Франции Людовик XV умирает от оспы. Но вопреки драматическому эпизоду фильма ни в какой монастырь Жанна не отправилась. Более того, очень скоро она стала любовницей герцога де Бриссака и продолжила блистать в высшем обществе вплоть до самой революции, в ходе которой ее и казнили вместе с супругом и любовником. И конечно, никакой паж-негритенок ее не выдавал. Наоборот, в отличие от опальной королевы Марии-Антуанетты, которая на собственной казни вела себя весьма стоически, Жанна умоляла

пощадить ее, в обмен обещая рассказать революционным судьям о преступлениях своих старых друзей – представителей аристократической верхушки.

Такова истинная история Жанны Дюбарри и последних дней феодальной Франции. И конечно, это мое личное мнение, но мне кажется, что реальная история получилась куда более яркая, драматичная и напряженная, чем художественный вымысел создателей фильма. Правда, если в основу сценария положить реальные события, пусть даже сильно приукрасив их, сделать главной героиней именно Жанну Дюбарри вряд ли получится. Во всяком случае, это уже не будет тот милый образ, какой мы видим на экране. Тогда как продюсеру, автору сценария, режиссеру и исполнительнице главной роли в одном лице – Майвенн, хотелось именно этого. Думаю, в этом и кроется главная причина, по которой из обычной куртизанки, которая была просто инструментом в достижении политического влияния, попытались слепить возвышенную личность, незаслуженно обиженную глупыми аристократами. А единственного по-настоящему достойного персонажа всей этой истории – Этьена Шуазеля сделали напыщенным дураком, который весь фильм брызжет слюной из-за того, что его посмели посадить за один стол с простолюдиной. Но, повторюсь, это мое личное мнение. А уважаемые читатели этой статьи пусть сами решат, что же получилось интереснее, ярче и драматичнее – серая скучная реальность или художественный вымысел.

Кадр из фильма Майвенн Ле Беско «Жанна Дюбарри»

ПЕРЕВОДЫ

Сун Дэли

(Нью-Джерси, США)

ИЗЯЩНОЕ ОЧАРОВАНИЕ, ШЁЛКОВЫЕ СЛОВА

Авторское предисловие

**Трое близких по духу вместе идут;
благородные люди идут тем же путём.**

Эти трое – Гу, И и Сун. Кто такие Гу, И и Сун? Гу – г-н Гу Юй, старший переводчик Нанкайского университета; И – Игорь, российский программист, математик и китаевед; Сун - автор. Древние говорили: «Когда идут три человека, среди них мой учитель». Мой опыт показывает, что когда вместе трое, должен быть не только учитель, но и благородный человек. И мои благородные люди – г-н Гу и г-н И.

Г-н Гу находится в Китае. Г-н И находится в России. Автор – это я, нахожусь в США. Мы, трое людей, находимся в трёх странах. Как мы можем идти вместе? Нет другой причины, кроме того, что нас связывает общее хобби. Короче говоря, все мы трое любим литературу. В частности, г-н Гу с детства увлекался литературой. Придя в сферу перевода, он сосредоточился на переводе русской поэзии и добился выдающихся достижений. Он перевёл множество книг и хорошо известен в стране как переводчик. Кроме того, он добился больших успехов и в литературном творчестве, особенно в прозе. Его достижения недоступны обычным людям. Хотя г-н И является ИТ-специалистом, его исследования китайской классической литературы сопоставимы с исследованиями китайских экспертов. Что особенно похвально, так это то, что достижения г-на И в китайской живописи тушью нельзя недооценивать. Я всю жизнь увлекался литературой. После того как я начал заниматься переводом, я переводил и писал стихи (двусторонний подход), а также мне нравится рисовать тушью. Вот поэтому-то закономерно для нас, что мы идём вместе из разных стран.

**Если мы понимаем друг друга,
мы не боимся быть на разных концах света**

Это долгая история. Господин Гу Юй – мой старший однокашник по Нанкайскому университету, он на два курса старше меня. После того как в 1963 году меня приняли на факультет иностранных языков и литературы Нанкайского университета, я работал редактором стенгазеты факультета. Каллиграфия брата Гу в этой газете была чрезвычайно красива, никто лучше него не мог переписать на белом рукописный текст. Между нами образовалась неразрывная связь. Позже я вступил в Ассоциацию переводчиков Тяньцзиня, а брат Гу был заместителем генерального секретаря Ассоциации переводчиков. Именно потому, что у нас общие устремления и общий путь в переводческой работе, мы продолжаем обмениваться письмами на протяжении десятилетий.

Брат Гу – не только мой старый старший, но и мой наставник. Когда я сталкиваюсь с проблемами перевода, он всегда приходит на помощь. Самое главное, он мне очень помогает с публикацией моих книг, и это очень эффективно. Достаточно привести два примера. Избранные переводы «Книги песен», «Чуских песни» и «Юэфу», опубликованные издательством моей альма-матер, а также готовящаяся к публикации переведенная и иллюстрированная мною версия «Уолденского пруда» известного американского писателя Торо – всё это по рекомендации брата Гу. Я никогда этого не забуду.

В начале этого года брат Гу представил г-ну И китайско-английскую двуязычную версию моего сборника стихов в прозе «Мелодии сердца». Оригинальное произведение состоит из 202 коротких стихотворений в прозе, иначе говоря, это искры мысли. Неожиданно они настолько понравились г-ну И, что он перевёл их все на русский язык и публикуется в российском интернет-журнале в китайско-англо-русском формате.

Я не понимаю по-русски, и хотя г-н И провёл много исследований по древнему китайскому языку, написание писем на китайском языке не является его сильной стороной. Поэтому в течение почти года общения с г-ном И мы в основном писали на английском языке. Письма передают голос и смысл. Помимо обсуждения перевода мы также часто обмениваемся картинками, что говорит о взаимном восхищении.

Именно из-за этого расстояния между нами троими и тремя нашими странами значительно сократились. Это именно тот случай, когда «Благодаря настоящим друзьям, берега безбрежного неба друг другу близки».

**Писать стихи, чтобы выразить свои заветные желания,
а не заниматься поверхностными рассуждениями**

Древние говорили: «Поэзия выражает заветные желания». «Поэзия выражает заветные желания» – это понимание существенных свойств поэзии древними китайскими литераторами. Исследования показали, что у авторов «Книги песен» уже зарождалась концепция «поэзия выражает заветные желания».

Поэзия выражает стремления человека, а в книгах звучит голос сердца. Это значит: писать стихи — это выражать свои стремления, а писать книги — это говорить своим сердцем. Будучи деревенским мальчиком, я всю жизнь был одержим поэзией. Неожиданно такой человек, как я, невежественный и бездарный, не только стремится сочинять стихи, но и стремится их переводить. Не только писать стихи на китайском, но и писать стихи на английском языке. Не

только переводить стихи, но и использовать поэзию для объяснения поэзии. Более того, четыре главных китайских шедевра были преобразованы мной в двуязычные китайско-английские сверхдлинные поэтические серии: «Сон в красном тереме», «Троецарствие», «Речные заводы» и «Путешествие на Запад». Затем я написал эпическую поэму «Триста песен китайских мудрецов». Наконец, 500 китайско-английских двуязычных стихотворений хайку были написаны в процессе создания 12-томного полного перевода «Описание чудесного из кабинета Ляо». В общей сложности насчитывается не менее 3000 стихотворений всех видов.

Существует много видов поэзии. Что касается меня, то помимо стихотворений в старинном стиле я написал еще сотни стихов в свободной форме, многие из них короткие и лаконичные стихотворения в прозе.

Я втайне верю, что эти мои короткие стихи действительно воплощают душевный принцип поэтического выражения заветных желаний. Чтобы помочь стихам выразить стремления, я обращаю внимание на интеграцию в них шести «вкусов»: вкус радости/веселья, вкус очарования природой, вкус утонченности, вкус тихого уединения, вкус юмора и вкус разума.

Вкус радости – это когда что-то нравится. Нравится – это основное условие для того, чтобы что-то делать. Чтобы делать что-то и делать это хорошо, первое необходимое условие – это любить. Если что-то не нравится, как можно говорить о том, чтобы делать это и делать это хорошо?

Вкус очарования природой. Я вырос в сельской местности и имею естественную близость к природе. Многие мои короткие стихи посвящены природе. Только так можно написать стихи живо и основательно.

Вкус утонченности. Он бывает как врожденным, так и приобретенным, преимущественно приобретенным. Я люблю поэзию, каллиграфию и живопись. Это очень полезно для создания и перевода стихов.

Вкус тихого одиночества. Написание стихов – сложная задача, и чтобы сделать ее хорошо, необходимо успокоиться. Особенно философские стихи часто требуют одиночества, стойкого одиночества и глубоких размышлений. Находить в такой стойкости радость и веселье – необходимое качество для написания стихов.

Вкус юмора. На самом деле юмор – это мудрость. Стихи без юмора – всё равно что человек с застывшим лицом, лишённым привлекательности.

Вкус разума. Это относится к воплощению определенных принципов поэзии. Вкус разума – душа поэзии. Без разума невозможно написать осмысленные и блестящие стихи. Без разума, как бы красиво ни были написаны слова, они станут бездушным ходячим трупом.

Мелодии сердца увлажняют язык, и перевод прекрасен

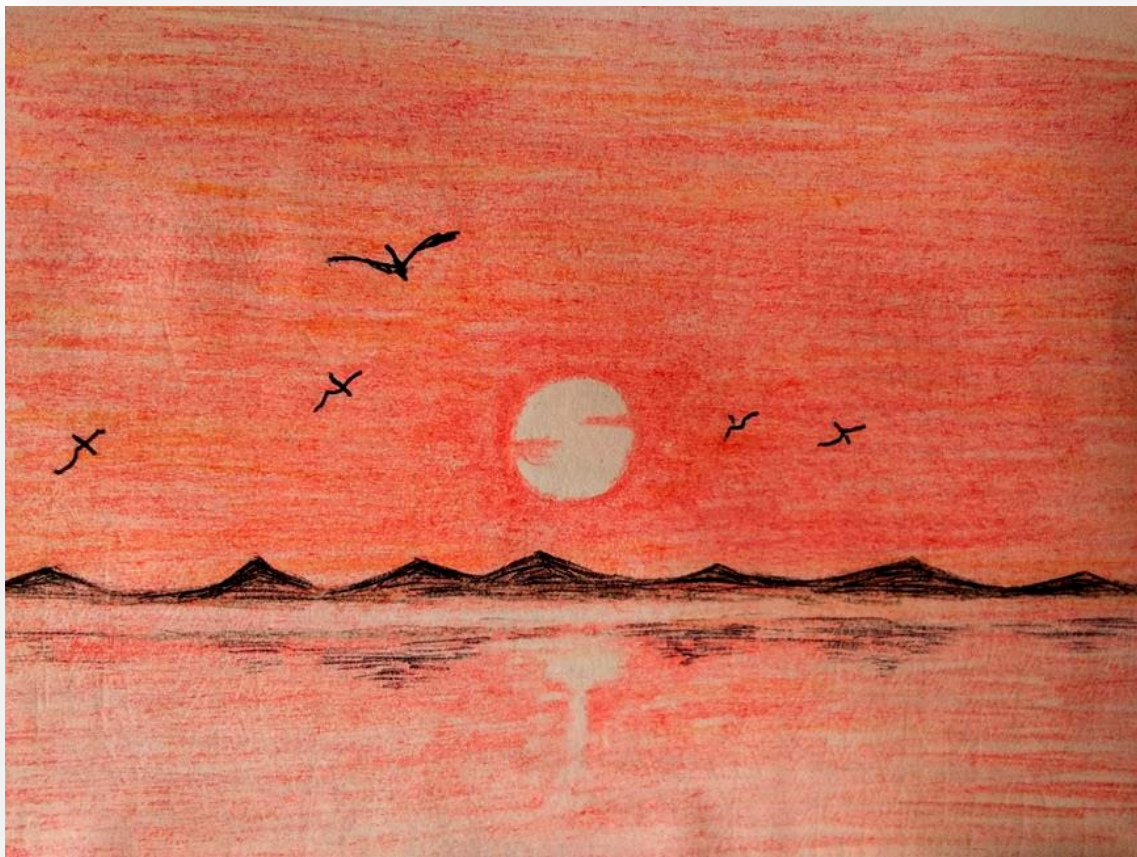
Как уже говорилось выше, я не только пишу стихи, но и перевожу стихи. Если вы хотите научиться переводить стихи, вы должны сначала научиться писать стихи. Это высокий стандарт. Что касается меня, то я даже не могу сказать, что умею писать стихи. Но в любом случае я уже вкусил сладость написания стихов. Наиболее заметным является перевод и публикация книги индийского поэта Рабиндраната Тагора «Залётные птицы». Друзья, читавшие стихи Тагора, знают, что его стихи – это типичные короткие стихотворения в прозе. Этот стиль идеально сочетается с моими короткими стихами в прозе. Поэтому стиль моего перевода точно такой же, как и стиль оригинального произведения Тагора.

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

Это работает очень хорошо. Мой перевод был рекомендован сотням миллионов читателей Национальным радио Китая и Центральным телевидением Китая. Кроме того, мой перевод «четыре в одном», то есть английский оригинал, китайский перевод, примечания и двуязычный перевод. Последний момент заключается в том, что я выражал свои чувства при переводе стихов Тагора в коротких стихотворениях в прозе, близких к стилю Тагора. Многие стихотворения из «Мелодии сердца» на самом деле являются переводами таких чувств.

Вот из такой долгой истории появилось это предисловие.

16 декабря 2023 г., Нью-Джерси, США

Сун Дели. Восходит яркая луна

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

宋德利著

Сун Дэли

(Нью-Джерси, США)

《语丝心韵》

«Язык Шелковой Сердечной Рифмы»

致伊戈尔·波东诺夫先生 (г-ну Игорю Бурдонову)

Heartmelody¹

Мелодии сердца

To Mr. Igor Burdonov

56. 无言的渴望 – Wordless Longing – Невысказанное желание

无言的渴望更殷切。

Wordless longing is more ardent.

Невысказанное желание сильнее.

57. 回忆 – Recalling – Воспоминание

回忆往事，不如放眼未来。

Recalling the past is no better than keeping the future in view.

Вспоминать прошлое – хуже, чем глядеть в будущее.

Var.: Взгляд в прошлое уступает взгляду в будущее.

58. 鸟与云 – Birds and Clouds – Птицы и облака

鸟就是鸟，云就是云。空想换位，只是浪漫的幻想。浪漫的幻想，不如朴素的现实。朴素的现实最珍贵，做好自己最重要。

Bird is bird. Cloud is cloud. Vainly hoping to change position is only romantically fancying. Romantic fancy is no better than simple reality. Simple reality is most precious. It is of greatest importance to be a nice self.

¹ Продолжение. Начало см. МВ № 4 (47) 2023. Рисунки автора.

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

Птица есть птица, облако есть облако. Превращение одно в другое – всего лишь романтическая фантазия. Романтическая фантазия уступает реальности. Простая реальность – самое ценное, важнее всего быть самим собой.

59. 福 – Blessedness – Счастье

事无巨细，有事可做便是福。

Big or small, so long as you have something to do, it is your blessedness.

Неважно большие дела или малые, когда есть, чем заняться, – это счастье.

60. 莞尔一笑 – A Sweet Smile – Улыбка

心照不宣就在莞尔一笑中，心心相印就在默默无言中。

The signs of sharing same feelings exist in a sweet smile; the signs of having a tacit understanding exist in wordless silence.

Понимание без слов проявляется в улыбке, и гармония сердец проявляется в молчании.

61. 慢些 – Slower – Не так быстро!

世界啊，你慢些走！请演奏一些欢快的乐章吧。

The world, oh, please be slower to make the music of happiness.

Мир, уходи не так быстро! Пожалуйста, сыграй ещё немного радостной музыки.

62. 败与毁 – Defeated and Ruined – Поражение и разрушение

人们往往败于己，而毁于己。

Man is usually defeated and ruined by himself.

Люди часто терпят поражение от самих себя и разрушают сами себя.

63. 创造 – Creating – Творчество

有所创造的人生是汪洋一片，没有创造的人生是死水一潭。

Life with creating is a vast sea yet, without, a pond of dead water.

Жизнь в творчестве – безбрежный океан, жизнь без творчества – яма стоячей воды.

64. 太阳与阴影 – The Sun and the Shadow – Солнце и тень

背对太阳，眼前是阴影；面向太阳，眼前是光明。

With back towards the sun, shadow is before your eyes; facing the sun, bright is before your eyes.

Стоя спиной к солнцу, видишь ты только тень; обернёшься лицом к солнцу, тогда и увидишь свет.

65. 心胸与海 – The Mind and the Sea – Сердце и море

心胸开阔如海，思想敏锐如电，哪里还怕不能执着？哪里还愁不能灵活？

With sea-like mind and thunder-like thoughts, how could he be afraid of persistence and worried about flexibility?

Сердце широко как море, мысль остра как молния. Отчего же боится, что не хватает упорства? Отчего же печалится, что недостаточно гибко?

66. 谦卑 – Humble – Смирение

谦卑并非猥琐，伟大并非高不可攀。

Humbleness is no wretchedness. Greatness is nothing too high to scale.

Смирение вовсе не несчастье. Величие вовсе не недостижимо.

67. 做人 – Behave – Быть

夹着尾巴做人，翘着尾巴做鸟。尾巴不是累赘，它是起飞动力的源泉。

Behave oneself by tucking one's tail between one's legs. Be a bird with its tail rising up. A tail is not a burden but a source of the motive force to take up.

Быть человеком с поджатым хвостом. Быть птицей, задравшей хвост. Хвост – не обуза, он источник подъёмной силы.

68. 永恒与瞬间 – Eternity and Instantaneousness – Вечность и мгновение

永恒是瞬间的延续，无瞬间，便无永恒。抓住瞬间，永恒便被收入囊中。

Eternity is the continuity of instantaneousness. No instantaneousness, no eternity. Grasp instantaneousness and eternity would fall into your bag.

Вечность есть непрерывность мгновений. Нет мгновений – и вечности нет. Поймайте мгновение – и вечность у вас в кармане.

69. 路 – Way – Путь

他的路便有你的路；他的路就是你的路。有追求就有路，没有追求还谈什么路？

There is a way for him and there must be a way for you. His way is yours. So long as there is something to pursue, there is a way. If nothing to pursue, how can you talk about ways?

Его путь – это также и твой путь. Его путь – это именно твой путь. Если есть цель, то есть и путь. Если нет цели, о каком пути говорить?

70. 自信 – Self-confidence – Уверенность в себе

自信是美酒，只有自己才知道它的滋味。

Self-confidence is fine wine. Only oneself knows its taste.

Уверенность в себе – это отличное вино! Но только ты и знаешь, каково на вкус оно.

71. 缺陷 – Overcoming – Недостатки

克服缺陷使人完美；掩饰缺陷使人丑陋。

Overcoming weak points makes a person perfect; glossing over weak points makes a person ugly.

Преодоление недостатков делает людей совершенными; сокрытие недостатков делает людей уродливыми.

72. 大树 – Big Tree – Большое дерево

大树屹立悬崖，足踏方寸，但大树还是大树。小草站立大地，足踏万顷，但小草还是小草。

A big tree stands at the steep cliff with only a tiny place to support itself, but it is a big tree after all. A tiny grass stands on the vast earth with thousands upon thousands of acres of land to support itself, yet it is a tiny grass after all.

Большое дерево у края пропасти, и место ему – всего лишь квадратный дюйм. Но всё же большое дерево – это большое дерево. Мелкие травы по всей земле, и место им – десять тысяч квадратных метров. Но всё же мелкие травы – это мелкие травы.

73. 大与小 – Greatness and Smallness – Великое и малое

大有大的可厌之处，小有小的可爱之处。

Greatness has its weak points warranting people detesting it. Smallness has its strong points warranting people loving it.

У великого есть великая гадость. У малого есть малая прелесть.

74. 水花 – Sprays – Брызги воды

水花是泉的泪花，是悲是喜，只有泉知道。

Sprays are the tears of the fountain. It is sorrow or happiness, only fountain knows.

Брызги – слёзы родника. Горе ли, радость ли – знает только родник.

75. 讨要 – Beg – Милостыня

讨要有时理直气壮，有时卑躬屈膝，自力更生则永远是理直气壮。

As for begging, a man is sometimes bold and self-confident but at other times is so humble as to humiliate himself. Yet as for relying on oneself, a man is always of perfect assurance.

Иногда попрошайка и смел, и уверен в себе, иногда он унижен, покорен судьбе. Ну, а тот, кто опору находит в себе, тот всегда будет смел и уверен в себе.

76. 孤独的心 – A Lonely Heart – Одинокое сердце

因为你有一颗孤独的心，所以你感到别人都在叹息。把别人看作小人，你就是小人；把别人看作君子，你就是君子。

You feel that all others are sighing because you have a lonely heart. You take others as base-minded persons, you are a base-minded person; you take others as noble-minded persons, you are a noble-minded person.

Если сердце твоё одиноко, ты услышишь других, что вздыхают глубоко. Если видишь вокруг только низких людей, эту низость в себе обнаружь. Если видишь вокруг благородных людей, значит ты благородный муж.

77. 爱情与雾霭 – Love and Mist – Любовь и туман

爱情犹如飘忽不定的雾霭，既令人痴迷，又令人迷惘。

As floating mist, love makes people either infatuated or perplexed.

Любовь напоминает изменчивый туман: то сводит нас с ума, то ставит нас в тупик.

78. 误解 – Misunderstand – Ошибка

误解是欺骗酿造的苦酒。世界经得起误解，但容不得欺骗。

Misunderstanding is the bitter wine brewed by cheating. The world can stand up to the test of misunderstanding but tolerate no cheating.

Ошибка – горькое вино, что сварено обманом. С ошибкой может мир мириться, а вот обмана не потерпит.

79. 诗人 – Poet – Поэт

诗人就是一股潇洒的风。

A poet is a gust of unrestrained wind.

Поэт – порыв безудержного ветра.

80. 自暴自弃 – Self-abandon – Отчаяние

自暴自弃，鬼神无助。

A man abandons himself to despair and gods can offer him no help.

Тому, кто духом пал, и духи не помогут.

81. 追求 – Pursue – Стремление

只要有追求，就有希望。

So long you have something to pursue, you would have hope.

Того, кто стремится к цели, не оставляет надежда.

82. 自我阻塞 – Self-barricading – Забаррикадировавшийся

自我阻塞就是自取灭亡。

Self-barricading is to court one's own ruin.

Оградить себя от мира значит рыть себе могилу.

83. 声音 – Voice – Голос

一个人的声音在他人心中徘徊，才有希望成为他人的朋友。

Only at times where a man's voice wanders in the hearts of others, can he have a hope to a friend of others.

Только когда твой голос отклик находит в сердце другого, есть у тебя надежда стать для другого другом.

84. 生死 – Life and Death – Жизнь и смерть

生如漫漫长路，死如转瞬一闪。为这倏忽一死，往往要痛苦地挣扎漫长的一生。

Every so often, life is like a long way while death is like the twinkling of an eye. For this swift death, a man usually struggles for a long time of his whole life.

Жизнь похожа на долгий путь. Смерть – едва ли успеешь мигнуть. И выходит, что ради такого мгновения Весь свой век проживаешь в борьбе и мучениях.

85. 泉与海 – Spring and Sea – Родник и море

生如清泉出山，死如江河入海。

Life is like clear springs coming out of mountains; death is like rivers go into the sea.

Жизнь похожа на родник, что рождён в горах. Смерть – бушующий поток, тающий в морях.

86. 钝刀 – Dull Knife – Тупой нож

钝刀残酷地摩擦石头，石头却慷慨地把钝刀变成利器。

Stone is cruelly rubbed by a dull knife but it kindly turns the dull knife into a sharp weapon.

Нож тупой жестоко камень тёр и тёр. Камень отплатил добром: стал нож остёр.

87. 大地与草 – The Earth and Grass – Земля и трава

大地是皮，绿草是毛，没有大地之皮，绿草之毛焉附？

The earth is skin; the green grass is hair. Without the skin of the earth, what does the hair of green grass adhere to?

Земля – это кожа, трава – это волосы. Если нет кожи, откуда расти волосам?

88. 生死涡流 – Birth-death-eddy – Круговорот жизни и смерти

人的生死涡流旋转，有的如短暂的春秋，有的如漫长的冬夏。

As for whirls of the birth-death-eddy of men, some are like short spring and autumn while others are like long summer and winter.

Жизни и смерти кружится круговорот. Вот он подобен вёснам и осеням – так скоротечен, Вот он подобен зимам и летам – так бесконечен.

89. 烟雾 – Smoke – Дым

烟雾一手遮天，最终将被劲风驱散。

Smoke shuts out the heavens with one palm, but it will surely be dispersed by strong wind.

Дымовою завесой небо скрыть не удастся, ветер развеет дым и наступит ясность.

90. 祈祷 – Pray – Молитва

你在心里为万物祈祷，也是在为你自己祈祷。

You pray in my heart for all things and at the same time I pray for yourself.

Ты молись в своём сердце за всех живых, и ещё за себя, но уже во-вторых.

91. 噪音与音乐 – Noise and Music – Шум и музыка

刺耳的噪音进化为悦耳的音乐，难；悦耳的音乐退化为刺耳的噪音，易。

It is difficult for noise to evolve itself into sweet music; it is easy for sweet music to degenerate itself into noise.

Мерзкому шуму взлететь до чарующей музыки трудно. Чарующей музыке рухнуть до мерзкого шума легко.

92. 忧伤喜悦 – Sorrow and Happiness – Печаль и счастье

忧伤是忧伤者的护身符，喜悦是喜悦者的坟墓。

Sorrow is the amulet of the man who is sorrowful; happiness is the tomb of the man who is happy.

Печаль оберег печального человека. Счастье гробница счастливого человека.

93. 嘲笑 – Mocking – Насмешка

嘲笑别人就是嘲笑自己。把别人看成君子的人，他就是君子。把别人看成小人的人，他就是小人。

Mocking others is equal to mocking oneself. He who considers others as noble-minded persons is a noble-minded person himself. He who considers others as base-minded persons is a base-minded person himself.

Кто смеётся над другими, тот смеётся над собой. Кто видит в людях благородство, сам благородный человек. Кто видит в людях только низость, сам низкий человек.

94. 自知之明 – Self-knowledge – Знать самого себя

闻听溢美之词感到羞愧的人最有自知之明。

He who is ashamed when hearing others singing his praise is a person who is of self-knowledge.

Тот, кто испытывает стыд, когда ему хвалу поют, тот знающий себя мудрец.

95. 灯前灯下 – Before and Below a Lamp – Перед лампой и под лампой

灯前亮堂堂；灯下黑茫茫。

It is bright before a lamp; it is dark below a lamp.

Вокруг лампы светлым-светло, а под лампой темным-темно. [не видеть того, что под носом]

96. 欢呼与呐喊 – Hailing and Shouting – Приветственный крик и боевой клич

欢呼是为过去，呐喊是为将来。

Hailing is for the past; shouting is for the future.

Приветственный крик – для прошлого, Боевой клич – для будущего.

97. 衰竭 – Exhaustion – Истощение

衰竭并非死亡的唯一原因；死亡却是衰竭的唯一终点。

Exhaustion is not the only reason of death; yet death is the only termination of exhaustion.

Истощение вовсе не единственная причина смерти, тем не менее, смерть – единственная конечная точка истощения.

98. 山与星 – Hills and Stars – Горы и звёзды

山再高也无法摘到星星。

Even if being much higher, hills could still be unable to touch the stars.

Даже если горы выше вознесутся, всё равно не смогут к звёздам прикоснуться.

99. 梦与眠 – Dream and Sleep – Сон и сновидение

无梦之眠是烟雾，有梦之眠是彩霞。

Sleep without a dream is smoke; sleep with a dream is colored cloud.

Сон без сновидений – это тёмный дым. Сновидения подобны облакам цветным.

100. 隐恶扬善 – Conceal Faults and Praise Kindness – Скрывать недостатки и восхвалять достоинства

黑夜的美德在于隐恶；白昼的美德在于扬善。

The virtue of the night lies in concealing the faults; the virtue of the day lies in praising the kindness.

Достоинство ночи – сокрытие зла. Достоинство дня – восхваленье добра.

101. 我的世界 – My world – Мой мир

我的世界永远生机勃勃，因为我的世界总有梦想。

My world always flourishes because there is always a dream in it.

Мой мир вечно живой, потому что в моём мире всегда есть мечта.

102. 善举善心 – Do Good and be Kind – Добрые дела и доброе сердце

善举是叶，善心是根。

Doing good things is leave; having a kind heart is root.

Добрые дела – это листья. Доброе сердце – это корень.

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

103. 伟大与平凡 – Greatness and Commonness – Величие и обыденность

平凡中表现的伟大才能永恒。

Only the greatness displayed in commonness is everlasting.

Только то величие вечно, которое проявляется в обыденности.

104. 水 – Water – Вода

水是技艺高超的雕刻家，滴水穿石是他的杰作。

Water is a skillful carver. “Constant dripping wears away stone” is his masterpiece.

Вода – искусный резчик. «Вода точит камень» – его шедевр.

105. 傲骨傲气 – Lofty Spirit and Haughty Manner – Гордость и высокомерие

傲骨可贵；傲气可耻。

Lofty and proud spirit is valuable; haughty manner is shameful.

Гордость достойна, высокомерие постыдно.

106. 真理与坦率 – Truth and Frankness – Истина и искренность

真理与坦率是孪生兄弟。

Truth and frankness are twin brothers.

Истина и искренность – братья-близнецы.

107. 搭档 – Partners – Партнёры

不可能和无能者是最好的搭档。

Impossibility and incapable persons are unique partners.

Невозможность и неспособность – наилучшие партнёры.

108. 真理与谬误 – Truth and Error – Истина и заблуждение

真理与谬误是情敌，难解难分。

Truth and error are rivals in love who can hardly be separated from each other.

Истина и заблуждение – соперники в любви, но они неразлучны друг с другом.

109. 忧伤与快乐 – Sadness and Happiness – Печаль и счастье

忧伤是阴影，快乐是阳光。

Sadness is shadow; happiness is sunshine.

Печаль – это тень, счастье – это солнечный свет.

110. 波涛 – Waves – Волны

波涛是海洋的灵魂，没有波涛，海洋就死了。

Waves are the soul of the ocean. Without waves, the ocean dies.

Волны – это душа океана. Без волн океан умирает.

111. 恋爱与崇拜 – Love and Worship – Любовь и поклонение

恋爱是美艳艳的花，崇拜是沉甸甸的果。

Love is beautiful flower; worship is heavy fruit.

Любовь – это прекрасный цветок, поклонение – это тяжёлый плод.

112. 夜 – Night – Ночь

风雨交加夜，枝摇影动时；心绪如潮涌，遐思无穷期。

In the night where wind and rain are coming together and at times where branches are tossing and shadows are moving, my mood is like the raging tide and I am lost in endless reverie.

Когда в ночи ветра и грозы, Трепещут ветви, тени бродят, По сердцу словно волны ходят И бесконечно длятся грёзы.

113. 以诚相待 – Treating Friends Honestly – Искренне относись к другим

以诚相待，胸无瑕疵。

Treating friends honestly, you have no faults in heart.

С открытым сердцем отнесись к друзьям, и в сердце не появится изъян.

114. 真理 – Truth – Истина

真理是裸体，越裸越真。

Truth is naked. The more exposed the truer.

У истины голое тело. Чем обнажённее, тем истиннее.

115. 火 – Fire – Огонь

火以光警告人们，是天使；火以焰吞噬人们，是魔鬼。

When warning people with light, fire is an angel; when swallowing people with flames, fire is a devil.

Свет огня остерегает людей, это ангел. Пламя огня пожирает людей, это дьявол.

116. 眨眼 – Twinkling – Мерцание

星星眨着眼睛，向人间诉说心中的秘密。

Stars are twinkling and telling the earth about the secret in their hearts.

Звёзды мерцают, так они открывают людям тайны своих сердец.

117. 文字与灵魂 – Words and Soul – Слова и душа

一个人的文字死了，他的灵魂也就死了。

One's words died and his soul died, too.

Когда умирают слова человека, тем самым душа умирает его.

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

118. 招致 – Attract – Привлекать

蛋有裂缝，才会招致苍蝇。人有缺陷，才会招致非议。

Eggs attract flies only at times where they have gaps. Persons attract criticism at times where they have weak points.

Яйцо привлекает зелёных мух, если в нём трещина есть. Человек привлекает к себе хулу, если в нём есть изъян.

119. 心扉 – Mind – Сердце

心扉敞开，爱才能飞翔。

Love can fly freely only at times where the mind is opened up.

Лишь тогда любовь парит, когда в сердце путь открыт.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Джон Маверик

(Саарбрюккен, Германия)

СТРАННАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Из ворот школы вышел хмурый мальчик. Остановился, уронив к ногам яркий рюкзак, красно-желто-зеленый с голубыми лямками, и поискал глазами в толпе встречающих. Мамы он не увидел, но чуть в стороне от остальных родителей, под высоким дубом, стояли тетя Марта и дядя Ян и, как обычно, держались за руки. Подхватив рюкзак и демонстративно понурившись, мальчик направился к ним.

– Ну что, Кай, – беспечно поинтересовался у племянника дядя Ян, быстрым движением взъерошив его светлые волосы. – Ты что такой кислый? Как тебе... хм... второй школьный день?

– Кто тебя обидел? – сочувственно спросила тетя.

Кай вздохнул.

– Ну... никто.

– Ты что, с кем-то дрался? – дядя Ян критически оглядел хрупкую фигурку мальчика, вероятно отметив, что одежда не порвана и не запачкана, и задумчиво хмыкнул.

– Да нет! Не дрался я! Это училка...

– Учительница? И что она?

Кай насупился. От обиды у него на глазах выступили слезы, и мальчик сердито вытер их кулачком.

– Она спрашивала, кем мы станем, когда вырастем. Я сказал – и все смеялись. И она смеялась!

Двое взрослых недоуменно переглянулись и – почти одновременно – пожали плечами.

– Ну, смеяться – не плакать, – философски заметил дядя Ян. – Когда-нибудь ты поймешь, дружок, что пусть уж люди смеются... От смеха ни от кого не убудет. Но только... откуда же тебе знать, кем ты станешь, когда вырастешь, если ты еще не вырос? Ты же не можешь видеть будущее.

– Вот и я так сказал!

– Ну, а она?

– Она... спросила, ну хорошо, а кем бы ты хотел стать?

– А ты?

Кай замялся. Очевидно, ему страшно было повторить свои слова, так жестоко осмеянные. При том что он совершенно не понимал, что в них не так. Но тетя Марта улыбнулась ему ободряюще, и Кай решился.

– Я сказал... что, наверное, хотел бы стать кошкой... И тут она стала смеяться, и все ребята тоже!

Взрослые снова переглянулись – на этот раз смущенно.

– Не понимаю, – развел руками дядя Ян. – Что плохого в желании быть кошкой? Странная какая-то учительница!

– Наверное, не кошкой, а котом, – догадалась тетя Марта. – Вот в чем дело. Ты же мальчик. А кошка – девочка, ведь так?

– Она меня не дослушала! – возразил Кай. – Я хотел сказать... что хочу стать кошкой, как мама. Или голубем, как папа. Или кроликом, как вы с дядей Яном. Или черепахой, как бабушка Тильда.

Тетя Марта вздохнула.

– Ты же понимаешь, что твоя бабушка – очень мудрая женщина. Долго жила и много повидала... И стать такой, как она... ну, нам всем до нее далеко. А так, ты все сказал правильно. Не огорчайся. Твоя учительница... просто глупая. А что отвечали другие дети? Они ведь тоже что-то говорили?

– Да. Но я ничего не понял! Совсем ничего! Они говорили, что хотят делать... Лечить, учить, строить, летать на самолетах... Это ведь не значит – кем-то стать?

– Нет, конечно! – в один голос воскликнули тетя Марта и дядя Ян и от неожиданности рассмеялись.

Пока они дошли до дома, Кай уже совсем успокоился. Вечером он не стал рассказывать маме о случившемся. Да и не смог бы, потому что она опять спорила с папой. Они все время спорили – каждую свободную минуту. Не ругались, но что-то бесконечно выясняли, какие-то взрослые вещи, в которых Кай ничего не понимал.

Перед сном он еще поиграл немножко в свой любимый конструктор – построил водокачку, стадион и пожарную каланчу. Играть было чуть-чуть стыдно – ведь он уже ходил в школу. Но все равно, никто не видел. Значит, и стыдиться некого. А мама и папа все еще спорили.

«Везет дяде Яну и тете Марте, – думал Кай, лежа в кроватке и медленно засыпая. – Они одинаковые».

– Но и разными быть – неплохо! – произнес у него над ухом чей-то голос, очень похожий на его собственный, только взрослый и строгий, и мальчик испуганно распахнул глаза.

Его щеки коснулся порыв сквозняка – прохладный и ласковый, – словно погладил. Кай увидел, что окно в детской открыто и половина комнаты блестит масляно, как рыбий жир, залитая лунным серебром. Другую половину затеняла надутая парусом занавеска, поэтому застывшие у окна родители не заметили, что ребенок проснулся. Они уже не спорили, но стояли в напряженных позах. Вернее, стоял папа, а мама сидела на подоконнике, свесив длинный апельсиново-рыжий хвост. Их обоих уже коснулась магия лунного света, и они начали превращаться. Папа нерешительно разворачивал ослепительно-белые, похожие на ангельские крылья, а мама выгибала спину и, почти беззвучно шипя, сердито шевелила кончиком хвоста.

Сонно моргая, Кай смотрел на родителей и думал: «Нет, разными быть – тоже хорошо!» Слишком маленький, он еще не мог оформить свою мысль до конца, а если бы мог, наверное, сказал бы: «Ведь они вместе, несмотря ни на что. Они любят друг друга. Их обоих зовет ночь!» Он знал, что случится через минуту-другую, потому что видел это много раз. Мама обернется большой пушистой кошкой, рыжей, как солнце, и скользнет на карниз, чтобы, пробежав по нему, взобраться на крышу. А папа белым голубем вылетит в окно...

Кай тихо улыбнулся сам себе и закрыл глаза. Спать. В золотом коконе прозрачной полутени расти, течь, как река, по долине грез – вперед, от истока к устью, к волшебству, к морю. Спать и ни о чем не тревожиться. Ведь и гусеница не знает, кем она станет по весне.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Юлия Пучкова
(МОССАЛИТ, Москва)

ВИННИ-ПУХ И НАХОДЧИВЫЙ 5-й «Б»

– Ну что, артисты мои, не переживать! Я мысленно с вами! Буду за вас кулаки держать!

Обняв каждого на прощание, Анна Михайловна удалилась на второй этаж, где, сидя в радиорубке, она будет давать указания учителю информатики, когда какую музыкальную дорожку включать и выключать.

Тем временем артисты из 5-го «Б» начали бегом расставлять декорации. Скоро на сцену вышел Давид Погосян, исполнявший роль ослика Иа-Иа, и начал свой монолог у ручья:

– Душераздирающее зрелище. Вот как это называется – душераздирающее зрелище.

Тут ослик, то есть Давид, затянул свою печальную арию, написанную Анной Михайловной на музыку песни «Бьют часы на старой башне». Именно исполнение этой арии определило выбор Давида на роль Иа – он великолепно пел. Он обладал еще целым рядом важных для артиста качеств, главным из которых была находчивость, то есть умение импровизировать, но учительница очень надеялась, что сегодня это его умение им не пригодится. Анна Михайловна, смотревшая спектакль из радиорубки и, как всегда, страшно нервничавшая за свое очередное детище, начала постепенно успокаиваться.

Все шло своим чередом. Вскоре уже закончился диалог Иа и Винни-Пуха, роль которого исполнял самый артистичный из всех ее пятиклассников Валя Семенов. Затем отлично прошел диалог Винни и Пятачка. Последнего играл Петя Ветров, очень застенчивый мальчик, но они столько репетировали, что даже Петя знал все свои слова на зубок и уже давным-давно не ошибался. Анна Михайловна с улыбкой на лице наблюдала за игрой своих подопечных, до песни Совы еще оставалось время, и можно было просто наслаждаться. Она очень надеялась, что у ребят на сцене и за кулисами тоже прошел первый мандраж.

– Петь, а Петь, – жалобно простонала Тася Носкова, хранительница красного шарика, стоявшая за кулисами за спиной Пятачка – Петьки Смирнова.

– Что тебе? – буркнул Петька. – Мне нельзя отвлекаться от происходящего на сцене. Скоро мой выход.

– Петь, твой шарик лопнул, – сжавшись в комок, скороговоркой выдала Тася.

– Что? – заорал Петька.

– Тише ты, – зашипела Тася. – Не знаю, как это вышло. Прямо когда Дава пел свою вторую арию и очень громко заиакал. Так громко, что «бабах», к счастью, никто не услышал.

– И что? – Петька побледнел. – С чем я теперь по сцене побегу?

– Я успела сбегать в кабинет географии и принесла тебе... – И она протянула ошалевшему Петьке глобус на ножке, вывернутой из подставки. – Чем не шарик? Одна загвоздка – он синий. А у тебя по сценарию шарик красный.

Петька побледнел:

– Погоди, а как же лопнувший шарик? Он же у нас тоже красный!

– Я уже обо всем подумала. – Тася вынула откуда-то из-за спины синий носок, к которому была привязана веревочка. – Из зала никто не поймет, что это носок, – уверенно заявила она.

– Где ж ты носок-то взяла? – хотел было удивиться Петька, но взгляд его тут же скользнул по ногам Таси, которая стояла как цапля, спрятав одну ногу за другую.

– Да! – сказала она с вызовом. – Это мой носок! Что тебя не устраивает? Я только в следующем отделении выступаю.

Петька посмотрел на нее глазами больного щенка:

– Главное – Даву предупреди и о глобусе, и о носке, когда он сейчас сюда придет, а то он с его находчивостью...

Петька не договорил, выхватил у Таси глобус и, столкнувшись у края кулисы с Давидом, вышел на сцену. Анна Михайловна не сразу заметила, что роль шарика играет глобус. Но когда по залу прокатилась волна хохота, а учительница географии Ольга Петровна стала спешно пробираться к выходу, Анна Михайловна заметила и... чуть не пропустила момент, когда надо было включать музыку. Сначала ее охватила дрожь, но она смогла совладать с собой и музыка, сопровождавшая бег Пятачка с шариком-глобусом, вовремя полилась по актовому залу. Вскоре на сцену вышел Давид – Иа, которого дети успели оповестить об изменениях в сценарии. Все замерли. Главное, чтобы Петька не перепутал – не сказал «красный» вместо «синий».

– Забудет, забудет – сжимая до боли кулачки, бормотала Сова – Варька Сигунова.

– Молчи, накаркаешь, – шепнул ей Тёмка Круглов, помогавший с реквизитом.

– Я не умею каркать, я сова, – огрызнулась Варька. – Я ухаю.

– Вот и не ухай, – не сдавался Круглов.

На сцене Петя тем временем уже говорил:

– Я принес тебе воздушный шар.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – заклинала судьбу Тася, выглядывая из-за спины

Вари.

– Тс-с-с, – зашипели на нее все ребята.

Диалог на сцене между тем продолжался.

– Только... понимаешь... когда я бежал, я упал, Иа, и он лопнул. Вот он. Поздравляю тебя с днем рождения, – сказал Петька и протянул Давиду – Иа синий носок на веревочке.

Все в зале просто согнулись от хохота.

– Никто не заметит, никто не заметит, – язвительно передразнил Тасю Валька. – Шарик-то ты, небось, лопнула?

– Я не лопала! – запротестовала Тася, чуть не плача. – Он сам!

– Тихо вы, – шикнула на них Варя. – Дайте послушать!

– Спасибо, Пятачок, – сказал Иа. – Извини, пожалуйста, – продолжал он, – но я хотел бы спросить, какого цвета он был, когда... когда он был шариком?

– Красного.

– Ты забыл, Пятачок. Красный шарик ты подарил Винни-Пуху, и у тебя, наверно, остался синий? – не выходя из образа, с легкой издевкой протянул Давид Погосян.

– Точно! – ударил себя по лбу Петька, и в этот момент раздался страшный грохот – это Варька в ужасе схватилась за кулису, та поехала, а девочка, потеряв равновесие, толкнула стул, где стоял горшочек Винни-Пуха, который, весело подскочив, скатился на пол и разбился на несчетное количество осколков.

– Ну ты и ухнула, Сигунова, – ахнул Круглов.

– Ну вот! – На сцене Давид горько вздохнул. – Похоже, Винни нес мне в подарок красный шарик! И тоже упал!

– Ты с ума сошла, Варька! Что я теперь дарить Иа буду? – в ужасе вскрикнул за кулисами Валька – Пух.

– Подумать только! – продолжал тем временем Погосян. – Синий и красный... Мои любимые цвета... Душераздирающе. Вот как это называется – душераздирающе.

– Ребята, что делать-то? Что дарить? – взмолился за кулисами Валька.

Все растерянно оглядывали закулисье в поисках хоть чего-нибудь, что могло бы заменить горшочек. Наконец все дружно устали на стеклянную банку, которая, нарушая все школьные порядки, стояла у стены. На ней красовалась этикетка «Высокогорный мед».

– Хватай ее! Это наше спасение! – шепнула Тася Вальке.

– Но она стеклянная! У Пуха не было стеклянной посуды!

– Откуда ты знаешь, какая у него была посуда! – взорвалась Тася.

Варя, которая все это время еле сдерживала слезы от досады на себя, решила вмешаться в спор.

– Валька, прости меня, пожалуйста! Но у нас нет выбора. Бери банку, тебе скоро на сцену.

– А что говорить-то? Про горшочек или про банку?

– Какая разница! – всплеснул руками Тёма. – Хватай – и на сцену!

– Желаю много-много счастья! – закричал Валька – Пух, выбегая на сцену.

– Спасибо, Пух, мне уже посчастливилось, – уныло ответил Погосян.

– Я принес тебе подарочек, – продолжал Пух радостно.

– Теперь у меня будет два подарочка, – кисло отвечал Иа-Иа.

– Вот он, – объявил Пух. – Это Очень Полезная Банка. А на ней знаешь чего написано? – Тут Валька запнулся и умолк.

На разбитом горшочке, осколки которого лежали за кулисами была наклеена бумажка, на которой было написано поздравление с днем рождения. Но о бумажке впопыхах никто не подумал.

– Вижу-вижу, – продолжил за Вальку Давид, который, начав импровизировать, похоже, уже не мог остановиться. – На ней написано «Горный мед».

– Да, – неуверенно подтвердил Валька.

Давид скептически посмотрел на банку и с кривой улыбкой спросил:

– А где мед-то?

В этот момент Анна Михайловна схватилась за сердце. Но Давид так разозлил Вальку, что тот слету ответил:

– В горах, конечно. Я ж тебе не мед принес, а Полезную Банку, в которую мед еще только предстоит положить.

Зал умирал со смеху, а Валька сверлил Давида глазами. Но тут неожиданно для всех из-за кулис выскочила Сова – Варя и, обратившись к хохочущему залу, громко сказала:

– Но это уже совсем другая история. И о походе за высокогорным медом мы расскажем вам в следующем году!

Занавес закрылся, а зал разразился неистовыми аплодисментами.

Что сказала Анна Михайловна, когда она, белая как полотно, спустилась из радиорубки и направилась к ребятам, осталось за кулисами. Но пока она шла по залу за сцену, коллеги, которые плакали от смеха, по очереди поздравляли ее с удачной мыслью чуть-чуть изменить слишком хорошо всем известную историю.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Воробьева
(Аксаково, Республика Башкортостан)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Апрель

«Кап-кап-кап!» – звенит капель,
Испугалась стужа.
Смелый, радостный апрель
Шлепает по лужам!

Целый день свирель в лесу
Зяблика и сойки,
Брызги солнца на носу
У девчонки Зойки.

В синем небе облака –
Белые барашки,
Нежит сонная река
Вербные кудряшки.

Медвежонок и весна

Медвежонок косолапый
Промочил в берлоге лапы
И ревет:
– Скорей сюда!
Наводнение! Беда!
Кто-то нам ночной порой
Весь овраг залил водой!

Мама мишку облизала,
Улыбнулась и сказала:
– Это первый твой урок,
Несмышленный мой сынок!
Не реви и хватит спать,
Нам пора весну встречать!

Майский лес

Ручейки подсохли к маю.
Всё теплее с каждым днём!
Медуница расцветает
Сине-розовым ковром.

Солнце зорко проверяет
Все овражки и лужок:
Может, где-нибудь не тает
Притаившийся снежок?

Лес в зеленоватой дымке –
Сколько радости у птиц!
Дрозд припрятал на осинке
Пять голубеньких яиц.

Утром ёжик на дорожке
Приподнял сухой листок,
А под ним на тонкой ножке
Первый майский гриб – сморчок!

Солнышко проснулось!

Солнышко проснулось, свесило ладошки,
От тепла ладошек тают понемножку
Бело-голубые зимние перины,
Длинные сосульки и речные льдины.

Зимушка в тревоге – вымокла до нитки!
В дальнюю дорогу собрала пожитки
И заторопилась, хмурая немного,
Молодой хозяйке уступив дорогу.

А она, пригожая, не спеша пришла,
Ласково, заботливо, землю обняла,
Медленно отходит природа ото сна.
Здравствуй, долгожданная юная весна!

Как лечили воробья

В марте, после зимней стужи,
Воробей купался в луже,
Перья чистил, клювик мыл,
И, конечно, он простыл.
Воробью обидно стало:
– Как же так? Весна настала.
Пережил я холода,
А теперь стряслась беда.
Хриплый голос, насморк, кашель,
Все друзья слетелись даже,
Стали думать, как тут быть?
Чем воробышка лечить?

К воробышкиной кровати
Прилетел из леса дятел.
Спинку выслушал: тук-тук!
– Не печалься, милый друг,
В лёгких чисто, хрипов нет.
Ешь пилюлю на обед
Из лесной малины сладкой
И пока лежи в кроватке!
Чтоб поправился быстрее,
Укрывайся потеплее,
Да по лужицам не шастай.

Ну, давай, дружище, здравствуй!
ышло солнце из-за тучи,
Протянуло жаркий лучик
Прямо в воробыный дом
И укутало теплом.
Тут больному легче стало.
Он откинул одеяло
И с кровати ловко прыг,
Зачирикал: чик-чирик!
Быстро сделал физразминку,
Съел пилюлю из малинки...
– Благодарен всем, друзья!
Всё прошло, не болен я!

Крокусы

Солнышко пригрело
Землю на опушке –
Выглянули смело
Золотые ушки.

Потянувшись к свету,
Вышли на дорожку
Чудо-первоцветы
На мохнатой ножке.

От весны лучистой
Жмурится спросонок
Крокус золотистый –
Солнечный ребёнок!

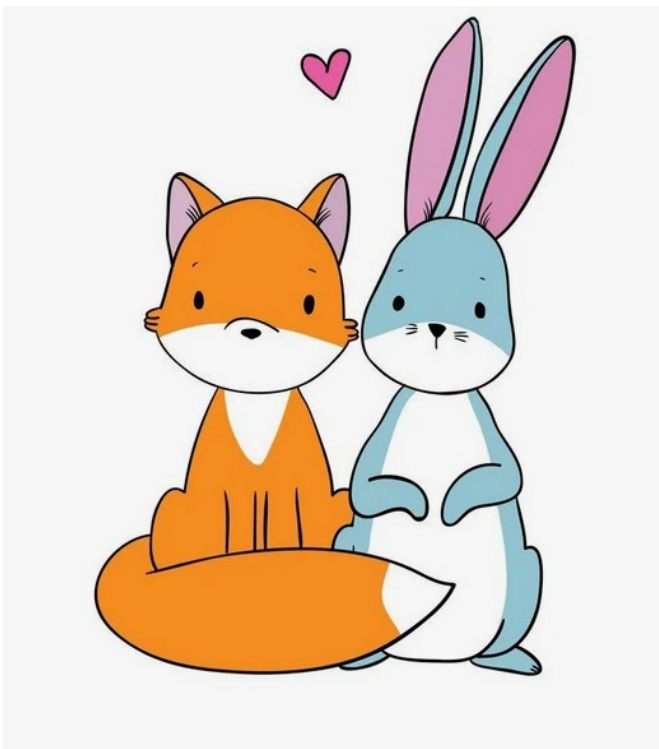

Зайкина мечта

У зайца мечта появилась к весне:
– Вот в зимней шубейке остаться бы мне.
Проснутся ежонок, сурок, барсучок
И скажут: «Какой ты красивый, дружок!»
Я рядом с ромашками лягу в траве,
Пусть даже лиса удивляется мне!

Услышала белого тётя Сова:
– Ах, заяц, пустая твоя голова,
Пустая затея, пустая мечта,
Лисе безразлична твоя красота.
И в белой пушистой шубейке своей
Ты станешь добычей для многих зверей!

Расстроился зайчик, а солнце печёт,
Ручей серебристый по лесу течёт.
Однажды умыться в ручье захотел,
К воде наклонился, а он уже сер!
И радостно зайцу:
– Проснутся друзья –
И летняя шубка вернулась моя!

Вербочка

Луч скользнул по крыше,
Спрыгнул на плетень.
Солнышко всё выше,
И длиннее день.

Всё синее небо,
А у ручейка
Вербочка пригрела
Сонные бока.

Нарядились ветки
В бархатный наряд,
И весне-кокетке
Каждый кустик рад!

Послушные внуки

У бабушки Тучки в прохладной перинке
Живут серебристые внуки-снежинки.

Гуляя, спускаются к нам на дома,
Но только когда наступает зима.

Растаяв весной, послушные внуки
Опять возвращаются к бабушке Тучке

Невидимым паром. И так – круглый год
В природе свершается круговорот.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Сергей Еремеев
(Москва)

ТРИ СКАЗКИ²

СОРОКА НАСТЁНА И ВОРОНА МАТРЁНА

Жили по соседству сорока Настёна и ворона Матрёна. Никогда не ссорились, в гости друг к другу заходили, любое дело легко улаживали. Советами делились и собой не хвалились.

Всё бы хорошо, но вот однажды сорока летела, лису не разглядела и лисью шубу хвостом задела.

– Ах ты, вертихвостка, – вскипела лиса. – Я тебе такое устрою – мало не покажется!

Сорока крыльями махала, ничего не услышала.

– Не обижай её, лиса, она не нарочно, – заступилась за Настёну ворона Матрёна.

Хитрая лиса сделала вид, что согласилась, и тут же спросила:

– Скажи, ворона Матрёна, а почему эта сорока называет тебя глупой матрёшкой и старой калошкой?

– Не может быть! – взвилась ворона Матрёна.

– Своими ушами слышала! – солгала лиса.

Поверила плутовке Матрёна и раздружилась с Настёной.

Не то что в гости друг к другу не ходят – здороваться перестали!

Сидят они как-то на разных скамейках, дуются друг на дружку, а зайка Николайка мимо пробегаёт и песенку напевает:

Сердится Матрёна,
Сердится Настёна!
А лисица рада,
Ей того и надо!

Кинулась ворона Матрёна к сороке Настёне:

– Прости меня, Настёна, что я плутовке поверила, а тебе нет.

– Это ты меня прости, Матрёна, что я тебя убедить не смогла и обижаться на тебя начала.

Помирились сорока с вороной, обнялись.

² Первые две сказки публиковались в «Детской роман-газете», последняя сказка («Лёвка») выходила отдельным изданием с чудесными иллюстрациями известных мультипликаторов Татьяны и Геннадия Соколовских.

Теперь никто их не поссорит, даже если очень захочет!

А зайке Николайке они на день рождения самокат подарили.

Когда лиса обо всём этом узнала, она вороне Матрёне письмо написала. И была в этом письме всего одна строчка: «Мне стыдно, простите меня, я больше не буду!»

КОШАЧЬЯ ПЕСЕНКА

Жили-были в одном большом дворе два маленьких котёнка. Беленький и чёрненький. Белого котёнка звали Снежком. А чёрного – Чернышом.

Однажды резвились котята во дворе. И было им так хорошо, так весело! Увидела это сиамская кошка Пуся. И позавидовала. А кто завидует, тот ворчит. И фыркает.

Сиамская кошка Пуся фыркнула раз, фыркнула другой. Никто её не слушает. Тогда она заворчала на весь двор:

– Надо же! Надо же! Беспородные котята, а радуются так, будто медали на кошачьей выставке получили!

Удивились котята. Первый раз в жизни услышали малыши, что они беспородные.

Подошли они к доброму сибирскому коту Василию и спрашивают:

– Дядя Вася, а мы правда беспородные?

Василий зевнул лениво и ответил шутливо:

– Подрастёте, поумнеете – там видно будет, какой вы породы!

– Значит, мы беспородные, раз нам дядя Вася так ответил! – огорчился Черныш.

– И нам никогда не дадут ни одной даже самой маленькой медальки на кошачьей выставке, – ещё больше огорчился Снежок.

– Никогда-никогда, – тяжело вздохнул Черныш.

И они, глядя друг на друга, грустно запели. Сначала – по очереди, потом – вдвоём:

Мне жалко себя! – Мне тоже!

Как мы с тобой похожи!

Мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу!

И от этой жалобной песенки почти всем во дворе стало так грустно, что словами и не передашь. Старый пёс Трезор заскулил, кот Василий опечалился и замыкал ещё жалобнее самих котят, тревожно расчирикались воробьи, и почти всегда спокойные голуби беспокойно заворковали.

Даже сиамская кошка Пуся была очень взволнована происходящим.

– Невозможно радоваться, когда всем грустно, – виновато говорила она.

Услышали это котята и призадумались.

– Что же мы натворили? – первым опомнился Черныш. – Разве любая, даже самая большая медаль лучше хорошего настроения?

– Нет! – уверенно ответил Снежок. – Хорошее настроение лучше любой медали!

– Оно ко мне вернулось! – обрадовался Черныш.

– Я рад за тебя! – обрадовался Снежок. – Но как вернуть хорошее настроение всем остальным?

– А давай опять споём! – весело предложил Черныш.
И они спели:

Я рад за тебя! – Я тоже!
Как мы с тобой похожи!
Мяу-мяу, мяу-мяу, мяу-мяу!

После этой песенки Трезор завизжал от восторга, Василий запел веселее самих котят, обрадованно зачирикали воробьи, а голуби стали целоваться!

Но самое удивительное произошло с кошкой Пусей!

– Вот вам мои медали, – сказала она Чернышу и Снежку.

– Спасибо, – ответили смущённые котята, разглядывая Пусины медали с кошачьей выставки. – А это насовсем?

– Конечно! – ответила гордая Пуся. – Только при одном условии: когда вы будете петь, я буду вам подпевать. Ладно?

– Мяу-мяу! – радостно запели котята. И сиамская кошка Пуся радостно запела вместе с ними!

ЛЁВКА

Однажды вечером львёночек Лёвка пошёл погулять. Увидали его мартышки-шалунишки и спрашивают:

– Эй, львёнок, ты один гуляешь?

– Конечно, один! – гордо ответил Лёвка. – Кого мне бояться? Ведь я же лев – царь зверей!

Переглянулись озорные мартышки. И обступили львёнка.

– Кто вы? – оробел Лёвка.

– Мы артистки погорелого театра! – захохотала одна мартышка. – Я – Мартинка Дразнильская! – И она показала львёнку язык. А потом ещё и рожицу скорчила.

– А я Марточка Щипалкина! – завизжала другая обезьянка и больно ущипнула растерянного львёнка.

– А я Матильдочка Кусакина! – завопила третья мартышка.

И уже хотела укусить маленького царя зверей, но тут по саванне словно гром прокатился. Задиристых мартышек как ветром сдуло.

– Это же мой папа лев рычит! – обрадовался Лёвка. – Вот чего эти забияки испугались! Львиного рыка! Теперь я буду всех так пугать!

На другой день львёнок отправился пугать мартышек-шалунишек. Он шёл смело и весело напевал:

Лев ничем не озабочен!
Знает лев свои права:
Может рыкнуть так, что очень
Долго будут помнить льва!

Но мартышек нигде не было. Зато встречались другие звери. Сначала Лёвка увидел носорога. И попробовал на него зарычать.

– Брысь отсюда, котёнок! – лениво фыркнул носорог.

– Я не котёнок! Я – лев! Царь зверей!

– Может, папаша твой и царь, а ты пока – просто Лёвка! Брысь, тебе говорят!

Пришлось львёнку ноги уносить.

Но вот увидел львёнок бегемота! «Этот безрогий! Он от меня сразу убежит!»

– Эй, ты кто? Сейчас я на тебя рычать буду!

Бегемот равнодушно молчал.

– Эй, я к тебе обращаюсь?! – продолжал Лёвка. – Убегай, пока я не зарычал!

– Лёвка, хватит мяукать! – рассердился бегемот. – Рви когти!

– Как это? – удивился львёнок.

Бегемот широко открыл свою пасть. И львёнок сразу понял, что надо удирать, и как можно быстрее!

Подошёл к озеру. Отдышался. И вдруг увидел крокодила.

«Этот вроде бы не такой большой, – подумал львёнок. – Хоть его испугаю!»

Но крокодил не стал дожидаться, пока Лёвка на него зарычит! С быстротой молнии бросился он на Лёвку. И только чудом львёнок сумел отскочить!

– От тебя мне тоже убежать? – спросил запыхавшийся Лёвка, встретив слона.

– А разве я тебя пугал?! – удивился слон.

– Нет, это я всех пугаю, – потупился Лёвка.

Слон добродушно рассмеялся, а потом серьёзно сказал:

– Кто всех пугает, тот будет всех бояться. Подумай об этом! Ведь ты же лев – царь зверей!

– Я больше не буду никого пугать, ведь я и так царь зверей! – обрадовался львёнок.

– Молодец! – похвалил Лёвку слон.

Но Лёвка этого уже не услышал. Он шёл домой и весело мурлыкал свою песенку.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Ольга Драгунова
(Москва)

ВСЯ ТАКАЯ ЦВЕТУЩАЯ! И КУДА-ТО ЗОВУЩАЯ...

Всё! Мы пережили сюрпризную зиму с ее то морозами, то оттепелями, то мощными снегопадами. Идет весна! Москва скоро расцветет. И куда же она зовет нас? Конечно, любоваться весенними цветами! Их так ждут, что даже улицам дают говорящие весенне-цветочные названия. Мы туда обязательно заглянем, отправляясь на прогулку по цветущей столице.

«Лишь только подснежник распустится в срок...»

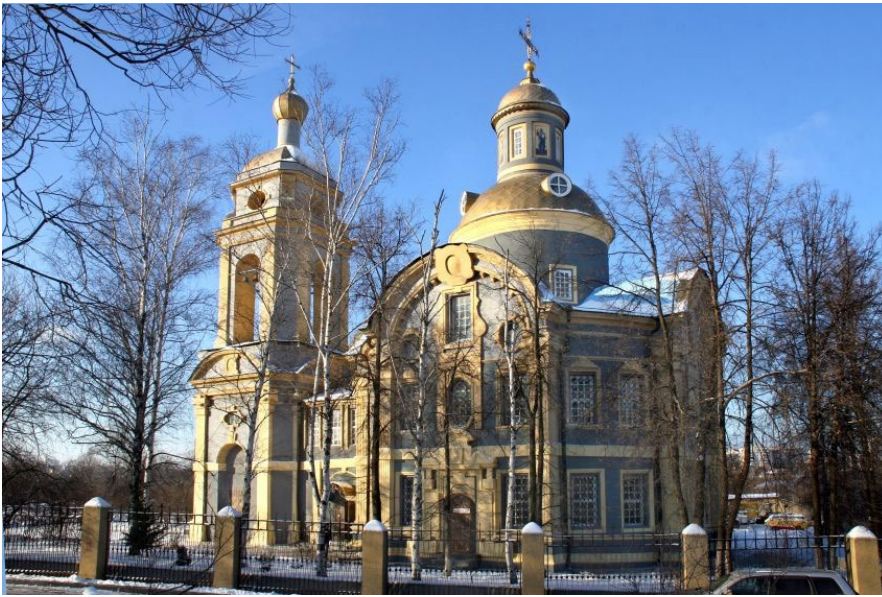
Подснежники

Подснежники пробиваются на свет первыми – прямо из-под снега, который начинает потихоньку таять. Обычно это происходит в конце марта. Хотя в 2020 году эти вестники весны появились аж в феврале – поймали момент резкого потепления. Почти сразу вслед за ними распускаются красавцы-крокусы – голубые, синие, фиолетовые и даже желтые. А вот подснежники радуют только белизной. И они, и крокусы появляются раньше всего в природном заказнике «Долина реки Сетунь».

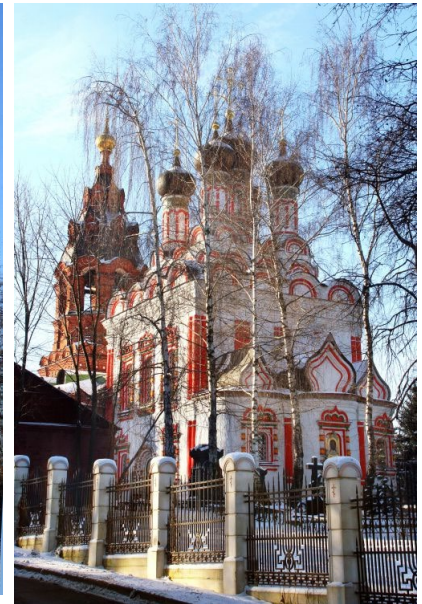

Крокусы в долине реки Сетунь

Сетунь – крупнейший правый приток Москвы-реки. Заказник находится в Западном административном округе, его площадь – почти 700 гектаров. Несмотря на то что здесь любят отдыхать жители близлежащих районов, цветы (а также редкие виды птиц и мелкого зверья) чувствуют себя здесь хозяевами – рвать растения запрещено, также как и разводить костры. Даже собак выгуливать нельзя! Ведь с 1998 года заказник имеет статус особо охраняемой природной территории. Но посетителям здесь комфортно – есть места для пикников, велодорожки, беседки.

Храм Никола Чудотворца в Троекурове

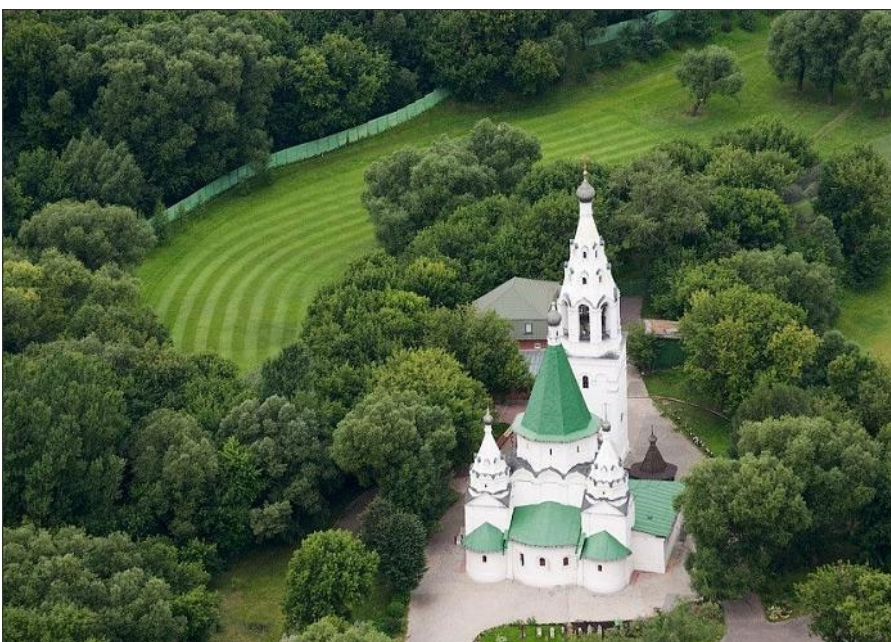

Храм Спаса Нерукотворного на Сетуни

Полюбовавшись на первые цветы, здесь можно приобщиться и к истории. Ведь раньше здесь было немало загородных богатых усадеб. Сейчас от них остались парки и пруды. И – главное! – чудесные старинные храмы. Церковь Святого Николая Чудотворца была возведена в 1699–1704 годах в селе Троекурове, на территории усадьбы боярского рода Троекуровых.

Пятиглавый храм Спаса Нерукотворного Образа на Сетуни построен в 1673–1676 годах в усадьбе Спасское-на-Сетуни.

В те годы она принадлежала боярину Артамону Матвееву, по его приказу и был возведен этот храм. Он замечателен тем, что в нем хранится православная святыня – частица креста Господня.

Храм Троицы Живоначальной в Троицком-Голенищеве)

Красивейший шатровый храм Троицы Живоначальной был построен в XVII веке в Троицком-Голенищеве – эта усадьба с XIV века была вотчиной московских митрополитов и патриархов, пока Петр I не упразднил патриаршество. Но не будем говорить плохих слов о Петре, а поклонившись святым местам и порадовавшись первым цветам, отправимся дальше.

Куда? Да опять-таки к подснежникам – в Ботанический сад МГУ «Аптекарский огород», что на проспекте Мира. Если в естественной среде в пределах Москвы растет только один вид этого цветка – подснежник белоснежный, то в Аптекарском огороде разновидностей целых шесть: подснежник Воронова, складчатый, Элвиса, снежный, альпийский, ризейский. Они распускаются здесь в Теневом саду в конце марта и радуют посетителей иногда до конца апреля. А в прошлом году подснежники «выстрелили» 12 марта! Полторы тысячи подснежников приехали сюда из Сочи еще в 2017 году – их буквально спасли из-под бульдозера и отправили приходить в себя после такого стресса в наш Аптекарский огород. Увы, многие растения погибают из-за массовой застройки, но этим малышам повезло! Вслед за подснежниками в Аптекарском появляются другие первоцветы – пролески, хохлатки, пушкинии. Они настоящим ковром покрывают большие проталины – ведь снег уже активно тает, начинают журчать ручьи. В Аптекарский огород мы еще вернемся и поговорим о его истории и о том, почему он так называется. А пока, раз уж заиграли вешние воды, к ним и держим путь.

«Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят!»

Какое весеннее название имеет улица Вешних Вод!

Улица невелика – всего 900 метров, находится в Северо-Восточном округе, проходит параллельно Ярославскому шоссе – совсем недалеко от метро «ВДНХ». Кажется, что там уж обязательно порадуют глаз первые цветы. Как бы не так! Новостройки, магазин автозапчастей, мастерские по автотюнингу, почти десяток автосервисов и даже заведение, где дают напрокат и продают оборудование и для строительства – какие уж тут цветы... Есть, правда, небольшой прудик, по берегам которого цветочки обнаружить можно. Но не в тех объемах, которые обещает весна и вешние воды...

Да и название улица получила вовсе не из-за весенних ручьев. Раньше она находилась в подмосковном городе Бабушкине и именовалась улицей Тургенева.

Улица Вешних Вод

Когда город в 1960 году вошел в состав Москвы, обнаружился непорядок: в столице была уже Тургеневская площадь. Чтобы не было путаницы, улочку назвали в честь известного произведения писателя – нельзя же обижать память Ивана Сергеевича...

Печеночница. Лосиный Остров

Первоцветы в Лосином Острове

Лосиный Остров. Вход в парк

Но! Рядом, буквально в двух прыжках – Лосиный Остров, огромный лесной массив в Москве, с 1983 года имеющий статус национального парка. В пределах города он протянулся от Ярославского до Щелковского шоссе и ушел за МКАД. Вот за первоцветами – точно в Лосиный! Почему именно сюда? Ведь их все можно увидеть во многих парках и лесопарках города! Все, да не все. Только здесь цветет красotka печеночница – голубая и фиолетовая.

Когда мы с друзьями пару лет назад гуляли в этом парке и я услышала это название, то засмеялась: «Почему печеночница? Это в честь тех, у кого печень уже посинела?» Но выяснилось, что все просто: лепестки цветка по форме напоминают печень. Вот кто-то поиздевался над растением, наградил имечком...

Лосиный Остров богат не только первоцветами, у него и история впечатляющая. Он известен с 1406 года, и его земли несколько веков были охотничьими угодьями русских князей и царей. Из летописей известно, что в 1564 году здесь охотился на медведей сам Иван Грозный! Цари предпочитали именно медвежью охоту, ведь мишка – не только мясо, но и ценный по тем временам мех. Медвежьи шубы князья и царские особы очень уважали. А с лося что взять, кроме мяса? Рога да копыта. Медведи от такой нервной жизни перебрались подальше в глухие леса. Сейчас их в лесопарке нет. А лоси остались. Они не боятся людей, охотно едят с руки (а вот многие посетители боятся этих миролюбивых, но уж очень крупненьких животных). Так что у вас есть возможность покормить лосей! Но лучше это сделать на лосиной биостанции, где они содержатся в вольерах.

В парке много экологических троп, по которым проходят экскурсии. А недалеко от входа в парк со стороны Ярославского шоссе находится экоцентр «Русский быт» – здесь можно подивиться на старинный крестьянский быт в доме столетней давности!

«Желтые тюльпаны даришь ты мне снова...»

А также красные, розовые, белые – да всех расцветок не перечислить! Даже почти черные вывели. Вот до чего дошли. Тюльпаны радуют нас начиная с апреля. Все площади, парки Москвы и обычные дворы тюльпанно цветут. Но мы отправимся снова в Аптекарский огород. С апреля по июнь здесь ежегодно проходит Весенний фестиваль цветов. В прошлом году он стартовал 1 апреля. Нынешняя дата на момент написания этого материала еще не была определена – погода в этом году очень сюрпризная... Каждый год в Аптекарском распускаются десятки тысяч тюльпанов.

В прошлом году их было рекордное количество – более 100 тысяч! К этим красавцам присоединяются нарциссы, потом – яблони, груши, черемуха и даже японская сакура и тропическая магнолия! Ну и конечно – сирень! Так что все великолепие весеннего цветения можно увидеть в одном саду.

Кстати, вы знаете, почему этот цветущий сад все-таки именуется огородом? Дело в том, что в 1706 году по указу Петра I сюда, на тогдашнюю северную окраину Москвы, был перенесен из-под стен Кремля огород для выращивания лекарственных растений. Огород находился при аптеке Гостиного двора. Вот и весь секрет исторического названия. Потом сюда прибыли растения из дворцового Измайловского сада, и Петр I лично посадил ель, пихту и лиственницу. Хозяева Аптекарского огорода менялись: Аптекарский приказ, затем Московский госпиталь, а в конце XVIII века – Московская медико-хирургическая академия. В 1805 году Аптекарский огород был куплен Московским университетом за 11 тысяч рублей серебром. И стал именоваться Ботаническим садом биологического факультета Университета. Так его официально именуют и сейчас, но и историческое название оставили – в память о Петре. Мало того, в 2022 году саду-огороду присвоили имя этого царя-реформатора. Аптекарский огород имеет статус объекта культурного наследия регионального значения – памятника истории и культуры Москвы,

Тюльпанная улица

Тюльпаны в Аптекарском огороде

памятника садово-паркового искусства XVIII века. Здесь налажен обмен растениями со многими странами мира, ведется огромная селекционная работа. Ну а откуда, вы думаете, те самые 100 тысяч тюльпанов – и таких разных, что дух захватывает?

А вот надежды на то, что тюльпаны встретят нас и на Тюльпанной улице в Кунцево, не оправдались.

Когда-то, говорят, их тут было много. Но до наших дней не доцвели. Хотя... На этой маленькой улочке в ЗАО сохранилось много частных старых домов. И, возможно, за их заборами тюльпаны и есть. Но не про нашу честь. Но уж очень хотелось жителям обитать на улице со столь красивым названием. Сначала она называлась Почтово-Голубиная, а Кунцево было самостоятельным городом. Потом городские власти спохватились, что негоже прославлять голубиную почту в XX веке, и улица стала носить имя биолога и селекционера Ивана Мичурина. Но в 1960 году Кунцево вошло в состав Москвы, а в столице к тому времени уже четыре года существовал Мичуринский проспект. И – вот вам Тюльпанная! Без тюльпанов, но с хорошим настроением!

«Яблони в цвету – какое чудо!»

Где порадовать глаз и душу этим майским чудом? Мои предпочтения вот уже многие годы – цветущие яблонево-сады заповедника «Коломенское». Они были разбиты еще в XVII веке, когда Коломенское было загородной резиденцией российских царей. Первоначально садов было шесть. Сейчас их три – Казанский, Вознесенский и Дьяковский. Да и яблони там, сами понимаете, давно не царские – новые деревья были высажены в 1942–1945 годах, когда предыдущие были уничтожены сильными морозами. Но полностью сохранена геометрия старых садов. Сейчас здесь растет и цветет более 4000 деревьев – десятков сортов.

Казанский сад расположен около храма Казанской иконы Божией матери, возведенного в середине XVII века, – отсюда и название.

Планировка сада появилась в XVIII веке. Он был обустроен для прогулок Екатерины II: прямые аллеи, на их пересечении – роскошные клумбы. И сейчас можно отдохнуть под цветущими яблонями Казанского сада, около клумб с тюльпанами и с видом на голубые с золотом купола Храма Казанской иконы Божией матери...

Яблони. Коломенское, Казанский сад

Яблони. Коломенское, Вознесенский сад

Коломенское, Дьяковский сад

Яблоневая аллея в Зеленограде

Вознесенский сад стал так называться, так как он выходит от проспекта Андропова к церкви Вознесения Господня, которая возвышается на крутом берегу Москвы-реки.

Легенда связывает строительство этого храма в 1528–1532 годах с рождением у Василия III наследника Ивана, впоследствии прозванного Грозным. Церковь – шедевр мировой архитектуры, это первый каменный шатровый храм в России.

Дьяковский сад – самый большой в Коломенском, более 10 гектаров.

Он занимает территорию бывшего села Дьяково – соседнего с Коломенским. Когда в XVII веке государи наши затеялись с садами своей резиденции Коломенское, они и Дьяково «подмяли» под это дело. Между деревьями в Дьяковском саду сажали ягоды и овощи. Долгое время урожай шел на царский стол, а излишки продавались на московских ярмарках и базарах. Позднее сады стали сдавать в аренду, отчего казна получала значительный доход. Сейчас сад простирается от старинного – XVII века – храма Усекновения главы Иоанна Предтечи до дворца Алексея Михайловича, который был воссоздан по старинным чертежам и открыт в 2010 году.

Кстати, почувствовать себя Екатериной II, гуляющей по аллеям садов Коломенского, может каждая жительница... Зеленограда!

Ведь именно здесь есть улица с чудесным именем Яблоневая аллея – и имя это она получила из-за пышных яблонь, высаженных по обеим ее сторонам. Когда они цветут в мае, это выглядит восхитительно! Когда я (как раз в мае) была у подруги в Зеленограде и живописала ей яблони Коломенского, она, позвав меня на прогулку, привела на Яблоневую аллею. Эмоции просто зашкалили!

«Расцвела сирень в моем садочке...»

Из яблоневых садов перенесемся в Сиреневый сад – он раскинулся в Восточном округе столицы между Никитской улицей, Щелковским шоссе и Сиреневым бульваром.

А началось все с основания здесь в 1954 году сиреневого питомника. Инициатором этого благого дела стал селекционер Леонид Колесников. В 1975 году питомник стал называться Сиреневым садом и занимал он уже внушительные 7 гектаров! В мае все эти гектары окутаны

Сиреневый сад

Сиреневый бульвар

белыми, фиолетовыми, розовыми и даже желтыми цветами – и их чудесным ароматом. Многие сорта сирени – коллекционные и прибыли к нам из других стран. Есть экземпляры-старожилы, которым уже более шестидесяти лет – это уже не кусты, а настоящие деревья!

Уже упомянутый Сиреневый бульвар стал так именоваться именно из-за соседства с Сиреневым садом.

А поначалу будущий бульвар носил скучнейшее имя – Проектируемый проезд № 3503. Ну негоже таким-то имечком компрометировать рядом цветущий Сиреневый сад! И в марте 1960 года – успели до цветения! – проезд переименовали. Бульвар решил не отставать от соседа – Сиреневого сада, и весь засажен сиренью. Это самый длинный из всех бульваров Москвы – аж пять с лишним километров! Это одна из центральных магистралей в ВАО, разделяющая Восточное и северное Измайлово. На Сиреневом немало интересных мест: сквер «Сад ветеранов», заложенный в 1965 году в честь 20-летия победы в Великой Отечественной войне; Дворец спорта «Измайлово», построенный к Олимпиаде 1980 года; комплекс зданий Российского государственного университета физкультуры, спорта, молодежи и туризма. На бульваре установлен памятник первому искусственному спутнику Земли. А еще есть легендарный дом 1959 года постройки, в мансарде которого с советских времен находятся мастерские членов Московского Союза художников. Доподлинно неизвестно, писались ли в этих мастерских пейзажи с цветущей сиренью...

«Ландыши, ландыши – светлого мая привет...»

Почти одновременно с яблонями и сиренью распускаются ландыши – их гроздь маленьких колокольчиков можно увидеть во многих парках, но больше всего их в Битцевском лесу и Серебряном Бору. М-м-м... Куда же нам отправиться? Я каждый год выбираю Серебряный Бор!

Многие москвичи любят бывать там летом – пляжный отдых в Бору очень достойный. Но весной заповедник еще лучше – такой красотей радуется! Ландыши чувствуют себя там привольно: ведь Серебряный Бор – особо охраняемая природная территория Москвы (так же, как и заказник «Долина реки Сетунь», с которого мы начали наше путешествие). Предупредим сразу: ландыши нельзя рвать не только в Серебряном Бору – их пальцем тронуть нельзя нигде!

Ландыши. Серебряный Бор

Н. Гончарова. Ландыши. 1940 г.

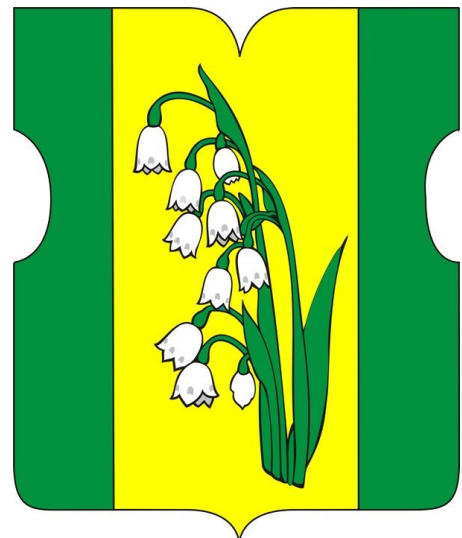
Ибо занесены в Красную книгу – обещали исчезнуть, ежели охоту на них откроют. Поэтому, если вас задержат с букетиком – штраф придется выложить внушительный – 3-4 тысячи. Оштрафуют вас, даже если вы купили ландыши у какой-нибудь несознательной бабули. И отговорки «Я не рвал, я купил!» не сработают.

Итак, Серебряный Бор! Жемчужина Москвы, как его называют. Он раскинулся в районе Хорошево-Мневники СЗАО и назывался Хорошевским Бором – по названию бывшего подмосковного села Хорошево.

С XVI века и до революции 1917 года земли Бора принадлежали частично царской семье, частично – приближенным к царскому двору. В начале XX века здесь построили дачный поселок, получивший название «Серебряный Бор» – и весь Хорошевский Бор стал Серебряным. Как не вспомнить «Московскую сагу» Василия Аксенова, дом главных героев, чудесные описания природы! И до сих пор здесь живет в собственных домах немало москвичей – ну... не совсем простых.

Ландышевская улица

Герб района Куркино

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

А большинство просто приезжает сюда, чтобы вдохнуть эту красоту, зарядиться ей надолго. В Серебряном Бору проложены экологические тропы, по которым проводят экскурсии. Вы и ландыши увидите, и множество птиц, которые пасутся у кормушек, установленных на экотропах, и домики для цапель, журавлей, уток, ондатр, выдр.

А вы знаете, что в Москве есть район, на гербе которого изображен ландыш? Это Куркино, в Северо-Западном округе Москвы, бывшее подмосковное село.

В 2002 году был объявлен конкурс на лучшее название для новой улицы в строящемся жилом квартале района. Жители порешили: зваться улице Ландышевой!

И победитель конкурса даже получил там квартиру в новостройке! Во дворах многоэтажек ландыши, конечно, не растут. Но Ландышевая выбирается из жилой застройки, устремляется к пойме реки Сходни и становится... просто лесной дорогой! Вот тут-то и можно увидеть ландыши – светлого мая привет!

На этом мы завершим наше путешествие, да простят нас черемуха, пионы, вишня, каштаны и еще десятки растений – цветущих, радующих и зовущих...

Н. Антипин. Ландыши. Михайловское. 1984 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Вячеслав Чачин

(Москва)

ЧЕРНАЯ ДАМА НЕСВИЖСКОГО ЗАМКА

Фото автора

Многим ли интересна эта история? В век прогресса и искусственного интеллекта мы перестали удивляться восходу солнца, не замечаем звездную бездну ночного неба, забыли, как писать прописные буквы, не читаем бумажных книг, не помним, как может щемить сердце от радостных чувств, а не от боли, и как может оно любить и страдать.

Пролог

24 февраля. День тусклый и серый. Проливной дождь сменяет снег, а его снова дождь. Сугробы осели и потекли грязными ручьями.

Замковая площадь пуста – ни туристов, ни лотков с сувенирами, да и в самом замке никого, только его башни цепляют тяжелые серые облака, рвут их железными шпильями в клочья и бросают к крепостным стенам.

В такие дни никто не беспокоит обитателей замка, его привидений и призраков. Они и сами никого не пугают в пустых коридорах и залах, никого не подстерегают в аллеях парка. Хотя в нормальные дни они не только ночью, но и днем шаркают ногами по паркету, хлопают дверями, скрипят половицами лестниц и поют в каминных трубах. Наверняка и Черная Дама обходит свои владения, заглядывая во все комнаты, проверяя подвалы и чердаки. Даму не раз встречали в замке, чему сохранилось немало свидетельств не только очевидцев, но и архивных документов. Все это породило множество слухов и легенд.

Я же расскажу только то, что пришлось узнать и увидеть самому, лишь чуть-чуть приподняв завесу, окутывающую Черную Даму. В рассказе перемешались реальные события и вымышленные, нашлось место материалам из архивов и библиотек, энциклопедий и исторических справок, выписок из имущественных книг и прочих документов, которые удалось

Николай Христофор Радзивилл Сиротка (1549–1616)

раздобыть, прочитав и увидев. Есть множество документальных источников и художественных произведений, но это, повторюсь, лишь личные впечатления от поднятого материала.

I. История

Этой легенде, а может, и правдивому повествованию, более четырехсот лет. Всем приезжающим в замок рассказывают эту легенду, и с каждым разом она обрастает новыми подробностями и деталями.

Несвижский замок принадлежал знатному роду князей Радзивиллов. В золотой оправе на «лазуревом» щите их герба, полученного в 1413 году, три охотничьих трубы. Почему трубы? Да потому, что земля им отмерялась слугами короля до тех пор, пока слышна была охотничья труба.

Так во владения Радзивиллов попал городок Несвиж. Недалеко от города Николай Христофор по прозвищу Сиротка (1549–1616) построил в 1583 году замок по проекту итальянского архитектора Бернардини. С этого же времени Несвиж и замок стали родовым гнездом Радзивиллов.

Николай Сиротка был неутомимым путешественником, пытливым исследователем, строителем и политическим деятелем. Эта удивительная личность, опередила время на несколько столетий, заглянула в будущее, но осталась скромной, недооцененной современниками и последующими поколениями фигурой. Поражает его отношение к миру, его смирение и всепонимание. Одна надпись на надгробной плите, сделанная им самим, говорит о мудрости этого человека. А надпись такая: «Перед лицом смерти каждый не рыцарь, а только путешественник». С этого человека начался расцвет Несвижа и рода Радзивиллов.

II. Итак, Черная Дама

Но сначала о Несвиже. Мое знакомство с городом началось с фарного (приходского) костела Божьего Тела. Костел построил все тот же Николай Сиротка по проекту итальянского архитектора Бернадони. Таких сооружений мало осталось не только в Белоруссии, но и в мире. В костеле усыпальница, крипта рода Радзивиллов, которую можно сравнить только с усыпальницами Бурбонов во Франции и Габсбургов в Австрии. Николай Христофор Сиротка заложил ее и покоится там сам в одежде пилигрима.

Костел никогда не закрывался и остается действующим до настоящего времени. Он пережил самые жуткие времена в истории не только города, но и всего человечества, прошел через страшные войны и периоды богоборчества.

В костеле никого. Можно расположиться на молитвенном сиденье и спокойно рассмотреть убранство костела. Затем спуститься в подземелье, где в неярком свете стоят гробы с останками представителей рода Радзивиллов. В крипте тихо и сыро, неяркий свет лишь чуть-чуть обозначает что-то в углах подземелья. Сюда не проникает никакой звук, кроме органа во время службы. Здесь и нашли свое последнее пристанище многие Радзивиллы. Саркофаги простые, из березовых досок, редко какие из них украшены медными полосами, некоторые закручены проволокой и скреплены свинцовой печатью. Немного обособлено в боковом отсеке покоится семья – два больших, взрослых и двенадцать маленьких, детских гробов. Жутковатое и страшное зрелище.

Небольшая заминка на выходе от вопроса единственной служительницы костела о какой-то даме. Поняв, что мне ничего об этом неизвестно, она проводила меня словами: «В замке, может, встретится».

Дорога к замку, где предстоит провести несколько дней и ночей проходит между двух прудов и подводит ко рву с водой. Замок стоит на острове за рвом и уже теряет свои очертания в сумраке. Каменный мост соединяет крепость с берегом. Дальше длинный туннель под стеной и замковая площадь. Окна дворца темны, ни движения за ними, ни признаков жизни. Пусто и непривычно тихо.

III. Первая ночь

Сон сморил сразу и так же неожиданно пропал от пугающей, непроницаемо-ватной тишины. Какое-то тревожное чувство появилось внутри и повисло в темноте комнаты. Казалось, что кто-то стоит под дверью и прислушивается к звукам в комнате. Подумалось, что все это от усталости и длинной дороги, а еще и от подземелья костела. Действительно, день был долгим и трудным. Часы показывали пятнадцать минут первого.

И все же кто-то прошаркал по коридору, стукнула где-то дверь, и тишины не стало. Пошел сильный дождь. Капли застучали по стеклу, водосточная труба запела и понесла воду вниз на брусчатку. Зима, а за окном дождь. Жуткая погода. За окном промелькнула темная фигура на фоне грязного снега и растворилась в ночной черноте. Вновь кто-то прошел по коридору, и все стихло.

Усталость сделала свое дело, и Морфей овладел телом до самого рассвета.

Завтрак в дворцовых апартаментах не отличался изысканностью и обилием блюд, отчего есть захотелось еще больше. Ресторан закрыт, и в столь ранний час остается только воспользоваться кофемашиной и булочками на ресепшен. Молодая девушка-консьерж ждет

окончания своей смены. От нечего делать обсуждаем с ней погоду, настроение и всякую всячину. Кроме нее и меня, оказывается, в этом крыле здания больше никого нет. А как же шарканье в коридоре и стук закрывающейся двери? По ее словам, ночью никто не ходил, все было как всегда. Наверное, почудилось, да и усталость сказалась.

IV. Знакомство с замком и городом

Все, о чем было рассказано выше, нашло свое место и в рассказе экскурсовода. История рода Радзивиллов удивительна и богата множеством событий – реальных и вымышленных. О несметных богатствах рода легенды ходят до настоящего времени. Сотни искателей кладов потратили огромные средства и время на их поиски, но все их усилия оказались напрасными.

Радзивиллы были не только сказочно богаты. Среди них были покровители Мельпомены, умелые политики, талантливые полководцы и мудрые правители. Радзивиллы были в родстве с королевскими домами Европы, их дамы были королевами, а их многочисленные дворцы украшают европейские столицы и города до настоящего времени.

Впервые в ходе экскурсии по замку, прозвучал и рассказ о несвижском привидении – Черной Даме – необычный и запомнившийся. Ведь вот оно то, зачем не надо ехать за тридевять земель и что сейчас рядом с тобой, близко!

V. Что же было в повествовании

Все случилось в середине XVI века. Сюжет вечный со времен Орфея и Эвридики, Ромео и Джульетты, Фархада и Ширин. История о красивой, трагической любви, которая случилась самом деле.

Множество источников отождествляют призрак Черной Дамы с Барбарой Радзивилл. Пожалуй, это единственное привидение, появление которого можно хоть как-то объяснить. Дух Барбары был вызван во время спиритического сеанса и предстал перед очевидцами в виде женской фигуры. Сеанс проводил пан Твардовский, но в результате нарушения связи с потусторонним миром призрак просто не вернулся обратно. Однако все по порядку.

Все было у Радзивиллов: и богатство, и могущество, и власть, но не хватало самой малости – стать первыми среди равных. Получить первенство в те далекие времена можно было только породнившись с королями. Но короли не выбирают себе жен по любви и вступают в брак по иным причинам. Кроме прямых обязанностей по управлению страной, расширению своих владений и войн, король обязан был жениться на представительнице влиятельной семьи и заключить брак политический, а не любовный. Так получилось, что будущий король Речи Посполитой Сигизмунд II Август (1520–1572) нарушил данную традицию и венчался по любви.

Великий князь Литовский и наследник престола страстно влюбился в красавицу Барбару из рода Радзивиллов.

Барбара родилась в 1520 году. Ее отцом был Юрий Радзивилл, матерью Барбара Кола. В 1538 году она вышла замуж за Станислава Гаштольда, но в 1542 году овдовела.

На момент знакомства с Барбарой Август также вдовствовал и был, как Барбара, бездетным. Современники поговаривали, что первую жену Августа отравила его мать, королева Бона Сфорца. Величайшей целью жизни этой властной женщины было добиться величия рода

Барбара Радзивилл (1520–1551)

Сигизмунд II Август (1520–1572)

Ягеллонов и сделать королевскую власть наследственной, а не выборной, как было принято в Польском королевстве. Самой сокровенной мечтой королевы было женить сына таким образом, чтобы заполучить верного союзника в лице будущих родственников в борьбе с ее главными врагами – Габсбургами. Как же, наверное, насолила свекрови первая жена Августа Елизавета Австрийская дочь Фердинанда I из рода Габсбургов!

Барбара и Август познакомилась в Вильно в 1543 году на одном из многочисленных балов. Надо отметить, что Барбара была одной из первых красавиц княжества Литовского и выделялась не только красотой и богатством, но и воспитанностью и умом. Сначала между молодыми людьми возникла симпатия, затем она переросла в любовь. Их тайные встречи продолжались бы долго, если бы король не был уличен в этом родным братом и дядей Барбары. Встречи прекратились, но любовь осталась и разгоралась с новой силой. В 1547 году Август и Барбара тайно венчались, а через год умер отец Августа, король Польши Сигизмунд Старый. Августу предстояло взойти на престол под именем Сигизмунд II Август. Для всех окружающих молодой король был вдовцом, и никто не знал о его тайном венчании. Двор и королева-мать усиленно искали ему жену.

Но все тайное становится явным. Когда брак короля открылся, это стало шоком не только для Боны Сфорца, вдовствующей королевы и королевского двора, но и для всех потенциальных невест Европы. Жену короля, красивую, прекрасно образованную женщину из знатного и богатого рода, невзлюбили, считали выскочкой и недостойной быть королевой.

Молодая королева попала в еще большую немилость королевы-матери, чем первая супруга сына. Она возненавидела ее с первой минуты и всячески стремилась расторгнуть этот брак. Ее стараниями польский сейм не короновал Барбару и предлагал королю развестись, возложив грех за клятвопреступление на весь народ Речи Посполитой.

Король победил, но победа досталась ему нелегко. Ради Барбары Август был готов стать протестантом в католической стране, но только не нарушить обещания, данного пред лицом Бога. Борьба с сеймом и матерью продолжалась два года. Король выдержал и выиграл. Барбара

была коронована в Кракове. Вдовствующая королева была в ярости. Она тайно уехала на родину, в Италию, прихватив с собой казну королевства и оставив сына нищим.

Счастье королевской четы было недолгим. Через полгода после коронации королева Барбара умерла в страшных муках. Ее тело покрылось язвами и распухло, лицо посинело, а смрад от тела был настолько сильным, что выносить его и ухаживать за больной мог только супруг. Вновь злые языки начали твердить о том, что королева была отравлена свекровью Боной Сфорца через своего аптекаря Монти, оставшегося при дворе.

По другой версии Бона Сфорца якобы смирилась с выбором сына и в знак примирения, за завтраком, разрешила пополам яблоко и съела его вместе с молодой королевой. Нож, которым было разделено яблоко, был отравлен. На одну сторону лезвия был нанесен яд, и именно отравленная половина плода была подана Барбаре.

Похоронить супругу Сигизмунд II Август решил не как всех польских королей, в Вавельском замке Кракова, а на родине, в Вильно. «Не приняли ее тут при жизни, не оставлю ее здесь и после смерти» – после этих слов Август перевез тело Барбары в Вильно. Весь путь от Кракова король следовал за траурной повозкой пешком. Похоронили польскую королеву в Кафедральном соборе Вильно. Ее саркофаг находится там и ныне.

Безутешным было горе короля. Время не лечило, а лишь усиливало боль утраты.

А годы правления Сигизмунда II Августа были непростыми. Наряду с расцветом науки, искусства и веры существовала алхимия, чародейство и инквизиция. Всевозможные колдуны, маги и предсказатели предлагали свои услуги, проводили спиритические сеансы, превращали свинец в золото и искали философский камень. Горе, терзавшее душу короля, требовало утешения. Сказки и легенды, а также рассказы очевидцев побудили Августа пренебречь всеми правилами и законами церкви и обратиться к магу и чародею, врачу и чернокнижнику пану Твардовскому. Личность загадочная, но не выдуманная, а реально существовавшая.

VI. Пан Твардовский

Пан Твардовский в XVI веке действительно учился в Краковском университете и преуспел в таких науках как магия, астрология и чернокнижие. Этому есть документальные подтверждения в университетских архивах. Молодой человек стремился овладеть всеми земными и потусторонними силами, хотел добиться власти над людьми, уметь управлять предметами и явлениями. Его стараниям не было конца, он довел себя до полного физического и психического истощения, пытаясь постичь невозможное. Жажда подчинить себе мир подтолкнула его на крайний шаг. Он решил продать свою бессмертную душу.

Дальше только легенда.

Дождливой осенней ночью пан Твардовский удалился в предместье Кракова. Для совершения обряда он обвел себя магическим кругом и произнес заклинание. Ненастье усилилось, небо гремело и полыхало. Из мрака и стены дождя появился монах в серых одеяниях? освещаемый молниями. Одежда же его оставалась сухой. Это и был покупатель.

Купчая была заключена и скреплена кровью. Лишь одно условие выторговал себе Твардовский: семь лет должно было свершаться все, чего пан ни пожелает, последний же год жизни он должен провести в Риме и там расстаться с душой и телом.

Зазвонил колокол, небеса разверзлись с новой силой, от молний стало светло как днем, а от грохота стыла кровь в жилах. Начался страшный пир безумства. Это были поминки по душе школяра Твардовского.

Все получалось у пана с тех пор. Он стал отличным врачом и кудесником, но его время безжалостно убывало. Последний год Твардовский жил в Риме. Единственная мысль, которая его занимала: как избежать конца и уйти от наказания. Как ни странно, ему это удалось, и он бежал из города.

Ловко ускользнувший от расплаты пан Твардовский продолжал врачебную деятельность, а все остальное время посвящал созданию эликсира бессмертия. В конце концов, закрывшись от мира, чернокнижник нашел рецепт омоложения. Чтобы проверить это, он приказал слуге убить себя, приняв перед этим чудодейственное лекарство. Тело слуга спрятал, и лишь через семь лет пан Твардовский снова появился в обществе и был молод, здоров и весел. Потеряв осторожность, пан пустился в разгул и кутежи, но, как ни старался, не смог избежать расплаты. Его друг и собутыльник организовал очередную веселую пирушку в корчме, где и нашел свой конец Твардовский. Корчма называлась Рома (Рим).

Ну чем не сюжет Гёте для Фауста?

VII. Дальше правда, которой есть множество свидетельств

Пан Твардовский с помощником Мнишеком взяли вызвать дух умершей Барбары за огромное вознаграждение. В означенный час полутемная комната была подготовлена чародеем к действию. Зал был заставлен зеркалами, на одном из которых было выгравировано изображение умершей королевы. Августу было позволено говорить с призраком, смотреть на него, но запрещалось прикасаться к нему. Предлагалось привязать короля к креслу, но король дал слово на нарушать запретов.

В освещенном свечами зале наступила тишина, раздался мелодичный звук то ли колокольчика, то ли стекла, и из зеркала вышла Барбара. Она была прекрасна и молода, как при их первой встрече в Вильно. Она шла и протягивала руки к супругу, волосы ее переливались и струились в свете свечей, платье колыхалось от движения, а на лице была улыбка. Мог ли устоять безутешный Август при виде любимой! Он не совладал с собой и бросился ей навстречу. Когда он схватил ее в объятья, раздался взрыв. Зал наполнился трупным запахом, призрак почернел, осел в руках короля и растворился в воздухе. Все было кончено. Душа Барбары теперь была обречена на вечное скитание.

Сигизмунд II Август женился в третий раз – на младшей сестре своей первой жены. Прожил с ней два года и бросил, так и не перенеся тяжелой утраты. Король пустился в разгул, кутежи и пьянство, разорил казну и в редкие минуты просветления, просил похоронить себя в Вильно рядом с Барбарой.

Может быть, тогда душа бедной Барбары и вернулась бы в могилу, упокоясь вместе с Августом. Но короли не вольны в своих желаниях даже после смерти. Умер король не в Вильно, а в Кнышине. Похоронен, как и все польские короли, в соборе святых Станислава и Вацлава на Вавельском холме в Кракове.

Со смертью Сигизмунда II Августа пресеклась династия Ягеллонов. Наступила пора выборных польских королей. Кто только не претендовал на польский престол: и французы, и австрийцы, и шведы, и даже Иван IV Васильевич. Королем же стал Стефан Баторий, венгр по национальности.

Не отравила бы Бона Сфорца свою невестку, все могло бы быть по-другому.

Но, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, и любящая мать своими руками погубила династию. Не напоминает ли это другую династию – французских Капетингов, которую сменили Валуа, представитель которой, Генрих, был королем Польским и бежал с польского престола на французский. Были в истории Польши короли, избранные на одну ночь, были периоды, когда царствовало сразу два короля, но это другие истории и легенды.

VIII. Пожалуй, на этом кончается реальная история. Вымысел ли это, а может, правда?

После смерти Сигизмунда II Августа дух Барбары поселился в Несвижском замке, родовом имени Радзивиллов. Призрак Барбары многие видели не только во время спиритического сеанса, но встречали его и после в комнатах и коридорах замка, а также в несвижском парке. привидение появлялось в виде красивой белокурой женщины с печальными глазами и в богатом черном платье с жемчугами на шее и в волосах. Появлялось оно всегда в четверть первого ночи и исчезало в пятнадцать минут пятого утра. Этому есть свидетельства, зафиксированные документально, хранящиеся в польских и белорусских архивах.

Черной Дамой, или Панной, привидение назвали из-за того, что оно всегда появлялось в черных одеждах.

Последнее появление Черной Панны зафиксировано в 2002 году. Привидение появилось за несколько дней до сильнейшего пожара в замке. Сторож несвижского замка, В. В. Журавский, закончив вечерний обход территории, задержался у открытого окна сторожки. Стрелки часов чуть перевалили за полночь. Неожиданно оконный проем перекрыло что-то похожее на черное полотнище. Это продолжалось минуту, после чего видение исчезло, а окно резко захлопнулось. Сторож был напуган и побоялся выйти из помещения. Через месяц, и именно в дежурство Журавского, случился пожар. Спасательная служба была вызвана вовремя, пожар ликвидирован, замок спасли, а значит, уберегли пристанище Черной Дамы. Это один из самых достоверных, но необъяснимых с научной точки зрения случай.

Во время Великой Отечественной войны в замке размещался санаторий для немецких офицеров. Существует множество и их свидетельств о существовании призрака. Многие видели в аллеях парка черную женскую фигуру. Сначала это пытались объяснить игрой воображения, но видение при встрече с ним вызывало страх и необоснованную панику. Множество пуль было выпущено в сторону Черной Дамы, но результат всегда был один: никаких следов, никакого тела.

Черная Панна не приносит несчастья обитателям замка, а лишь предупреждает об опасности и предоставляет время, чтобы к нему подготовиться. Предупреждала Черная Дама и непрошенных гостей замка, предвещала их о близком конце и скором возмездии.

Ну а что же сами Радзивиллы думают по этому поводу?

Радзивиллы верят в существование призрака и считают его добрым. В 1996 году родовой замок посетила последняя из живших в нем княгиня Изабелла Радзивилл. Ее встречала и сопровождала во время поездки местный краевед и автор нескольких книг о Радзивиллах и замке Клавдия Яковлевна Шишигина. Этой женщине принадлежит право первенства в деле возрождения не только Несвижского края, но и восстановления величия рода Радзивиллов и его значимости в истории страны. Она собирала легенды, записывала воспоминаниями людей, помнивших членов родовитой семьи, занималась изысканиями в архивах и по крупицам восстанавливала утраченное наследие и историю.

В беседе с княгиней Изабеллой о жизни в Несвиже до 1939 года речь зашла и о сверхъестественных вещах, о призраке Черной Панно. Ответ был однозначным: Черная Панна существует. В семье ее видели в 1935 году, когда Черная Панна предсказала смерть брата мужа княгини, который в то время находился и жил в Варшаве. Однако ответ на вопрос, кто же она, был неожиданным. Черная Панна рода Радзивилл – княгиня Анна Катажина Сангушко.

Легенду о Барбаре Радзивилл рассказывают всем посещающим несвижский замок. Это романтично и увлекательно. Дыхание Черной Дамы можно ощутить в темных коридорах и пустых комнатах замка, услышать звук ее шагов и шелест одеяний, а прогуливаясь по парку, можно очутиться перед скульптурой женщины в черном. Всему можно найти объяснения или просто поверить свидетельствам, но как же воспринимать слова самих Радзивиллов о прообразе призрака?

Значит, снова надо разбираться. Правда, это будет позже, не в это раз.

А пока мы познакомились с этой былью или легендой из уст экскурсовода и дополнили ее своими изысканиями, прогулка по замку закончилась. Помещения опустели – ни скрипа полов, ни разговоров, ни шагов. Осталось несколько смотрительниц в залах, приглядывающих за экспонатами, и несколько посетителей.

Серый день не прибавил света в залах, и только позолота да зеркала продолжают сверкать роскошью. Теперь все можно рассмотреть не спеша. Никто не торопит, не акцентирует внимание на тех или иных предметах, не подгоняет перейти в следующий зал. Начинается самое интересное «послеэкскурсие». В витринах предметы ушедшей эпохи: тонкая, изящная посуда, статуэтки, украшения, письма, книги, охотничьи трофеи и все то, что окружало обитателей дворца. Всего касалась их рука, и вещи помнят эти прикосновения. На стенах портреты владельцев замка, гордых и неприступных, величественных и красивых людей. Широкие лестницы ведут в новые залы, открываются новые двери и страницы их жизни. Ходить можно бесконечно долго – красоте, изысканности и фантазии сотворившего это чудо нет предела. Хотя замок – это фортификационное сооружение, где каждая деталь неслучайна, но все здесь предназначено для жизни в нем, а не для войны.

Вволю налюбовавшись красотой апартаментов замка и сделав бесчисленное количество снимков его интерьеров, идем в город.

Ратушная площадь Несвижа

IX. Несвиж – маленький, компактный и аккуратный городок

Первое упоминание о нем относится к 1446 году. Центр города – бывшая рыночная площадь с ратушей – символом Магдебургского права, полученного в 1583 году. Площадь маленькая. На ней стоит дом богатого ремесленника, единственный сохранившийся до наших дней образец городской застройки. Впоследствии все пространство вокруг площади было застроено типовыми домами.

Сохранилась Слуцкая брама – ворота в валу земляной крепости, они же служили местом таможенного сбора для всех входящих в город. Земляного вала нет, как нет и еще четырех городских ворот.

Уцелела башня – брама монастыря бенедиктинок со строениями. Сейчас в зданиях располагается педагогический колледж, а до революции в них была учительская семинария. Из среды семинаристов вышло много будущих белорусских поэтов и писателей, в их числе Адам Богданович и Константин Мицкевич, избравший себе литературный псевдоним Якуб Колас.

Кстати, Несвиж – колыбель театрального искусства, первый театр Белоруссии «Комедихауз» открыт именно здесь Радзивиллами.

В Несвиже часовщиком Евно Якобсом был изобретен прообраз счетной машины. Этот прибор, предшественник арифмометра, хранится сейчас в Музее Ломоносова в Санкт-Петербурге.

К сожалению, все это в прошлом. Несвиж – «маленький Париж», «настоящая Италия в середине Сарматии», хоть и назван сейчас культурной столицей Белоруссии, известен только замком Радзивиллов и костелом Божьего Тела с криптой.

К чему ни прикоснешься в этом городе, какое имя ни тронь – и перед тобой бездна непознаваемая. Все переплетается, события цепляется друг за друга и извлекают из небытия

новые факты и истории. Прикоснувшись лишь к малой части материалов о Радзивиллах, начинаешь понимать, сколько утрачено, забыто и стерто из нашей памяти. Все хотелось узнать, прочитать, найти, но наша цель другая и идти надо только к ней.

Прогулка по городу закончена. От былой роскоши столицы Радзивиллов остался только дворцово-замковый ансамбль, пруды и парки. Нас ждет замок и еще одна ночь в нем.

Х. Ночь вторая. Отъезд

Все, что могло работать при свете дня, закрыто. Дворцовые окна темны, подсвечены только стены и шпили башен. Замковая площадь пуста, тяжелая дверь беззвучно закрывается; ленивый взгляд дежурной на единственных постояльцев, несколько лестничных пролетов, длинный полутемный коридор, комната с кроватью и темнота парка за окном.

Тихо. На улице снова непонятно что. Еще календарная зима, а сверху, из черноты летят капли воды. На фоне грязного, размытого дождем снега застыли чуть различимые стволы деревьев, где-то внизу по брусчатке шумит вода из водосточных труб, поет ветер – то ли в каминной трубе, то ли в щели неплотно прикрытой рамы.

Ночь. И снова непонятная сила разбудила и заставила вслушиваться в пустоту. Может, и прошел кто-то, прошуршал, пробежал, пролетел. Может, нет. Предрассудки, игра воображения? Неизвестно, непонятно.

Наступило утро последнего дня в замке. Прощальная прогулка по парку. Расчищены только центральные аллеи, остальные ждут тепла и заботливых рук служителей. Ко всем памятникам и скульптурам можно подойти, и они предстают в полудреме с застывшими, как слезы, каплями воды на высеченных из камня лицах и одеждах. Никого. Жизнь здесь только в теплые деньки, по большим праздникам и торжествам. Будний день скучный и безлюдный. Можно ходить часами и никого не встретить. Можно выйти и к Черной Даме, застывшей в скорбной позе на постаменте, и к бюсту Николая Радзивилла Сиротки.

Темнеет. День угас, так и не успев разгореться. Очередной ночи в замке не будет. Впереди дорога по темноте и слякоти. И хотя я уже перестал менять время на деньги и пытаюсь наслаждаться своим возрастом, но дела и обязательства еще остались.

Сколько часов понадобится, чтобы преодолеть 840 километров, покажет только дорога. Это время остаться наедине с самим собой, что-то обдумать, принять решение, вспомнить, увидеть и оставить в памяти то, что может выхватить взгляд из темноты при свете фар.

Х. Дорога

Свет зажигает дождевые капли и, пробиваясь сквозь них, освещает дорогу. Дождь сменяется снегом, и тогда видно только несколько рядов белых хлопьев. Скорость падает, машина идет тихо, на ощупь. Если бы не обстоятельства, то и ехать в такую погоду не стоило бы.

Прошел час. Снег и дождь прекратились. Стало легче и виднее. Машина радостно набирает скорость, выплескивая воду и грязь на обочину. Но все переменчиво, особенно в дороге, пришла новая напасть – температура поползла вниз. Запикал бортовой компьютер и зажег предупреждение на табло. Дорога заблестела, теперь не от воды, а ото льда. Самое главное теперь – не переложить всю ответственность на машину, полный привод и шипованную резину. Здравый смысл, любовь к себе и машине перевешивает, скорость падает. Мотор чуть слышно

урчит и убаюкивает. Лишь бы не задремать, но от этого есть проверенное средство. Подушечка «Орбит» во рту и беспрестанные движения челюстей не дают уснуть.

Когда дорога несложная, да еще и пустая, можно о многом вспомнить и есть о чем подумать. Течение мысли нарушают только указатели, на которых отмечено расстояние, оставшееся до цели, все остальное глаза фиксируют автоматически.

Мне по душе пасмурная и прохладная погода. Нравится идти в туманной дымке по лесу и вздрагивать от холодных капель, падающих на щеки с задетых веток. Приятно ощущать мокрую ткань на спине и чувствовать ступнями сухие стельки в обуви. Или замереть перед сосновой веткой и бесконечно долго ждать, когда капелька воды упадет с хвоинки. Сырой воздух поглощает все звуки, размывает очертания предметов и делает их необычными и сказочно-пугающими. Влажная дымка перемешивает все запахи, удерживает их, не дает исчезнуть и растечься. И как приятно вдыхать этот аромат и чувствовать его неповторимый вкус! Тяжелые облака красиво плывут по небу. Скоро начнется дождь, и совсем это не страшно. Тебя ждет дом, в котором тепло и тихо, горячий чай на столе и не остывшая еще печь. Все осталось где-то там за стеной, а здесь хорошо и уютно.

Километры летят. Дороге нет конца, есть только начало, появишься на ней – и никуда уже с нее не денешься, а время... Время – иллюзия вечности.

Так и легенды – живут себе, обрастают подробностями, приукрашиваются или тускнеют в устах каждого последующего пересказчика. Для кого-то это истории о любви, о скорби или утрате, для кого-то – красивые сказки со счастливым и печальным концом, а для кого-то – реальность или факт еще недоступный нашему сознанию.

Дорога посветлела. Впереди большой город. Огоньков в окнах домов все больше и больше. Скоро и мое окошко не будет темным и грустным.

Б. Кустодиев. Весна. 1921 г.

СМЕХОТЕКА

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ПЕРДИМОНОКЛЬ, или БАЙКИ У ПОДЪЕЗДА

ГЛАВА 1

Московский домовый

В нашем небольшом, по-московски уютном дворике все давно знают друг друга. Основная часть жильцов совсем уже пожилые люди. Молодежь тоже имеется, и они, как говорится, со всем уважением к старожилам, само собой. Среди обитателей нашей девятиэтажки есть один особо известный гражданин, Егор Семенович. Правда, зовут-то его все по-свойски – Семеныч. Так что не удивлюсь, ежели кто и совсем запамятовал, что Семеныч еще и Егор. Про того Семеныча ходят разные байки. Никто отродясь его молодым и не видывал, так что сколько годков стукнуло соседушке, остается только додумывать. Старым он не выглядит, да и молодым не назовешь. Шевелюра еще колосится, хоть и седая, но аккурат на макушке кружочек лысый поблескивает. Есть куда благодати свалиться. Лицо у Егора Семеновича доброе, морщинки лучиками от глаз разбегаются, а в зрачках искорки хитрые мелькают. Бородка есть небольшая, опрятная, и усы так в нее плавно втекают, словно и родился Семеныч уже усатым и бородатым. Одет он всегда скромно, но чистенько и ладненько, а ходит вечно с одним и тем же коричневым портфелем. Портфель этот, видать, у него очень давно, на вид потертый, конечно, но вполне себе еще годный. И что Семеныч в нем таскает, никому не ведомо, а только понятно – нужное что-то.

По характеру наш Семеныч душевный, общительный, любит разные истории рассказывать, с соседями непременно здороваются, и в парадном, и на улице. Помогает тоже охотно, если требуется, при переезде поднести там чего или с ремонтом кому повозиться. В общем, отзывчивый и вежливый дедок. А еще есть у него словцо любимое, приговорочка. Как что стряется, так дед и причитает: «Поди ж ты, какой пердимонюкль получился!» И не важно, плохое ли, хорошее случилось, пердимонюкль – и все тут! Потому второе прозвище нашего Семеныча – Пердимонюкль – само как-то и прилипло к нему.

Давеча, помню, бабки на лавочке сидят, кости соседям перетряхивают, да как увидели, что Семеныч приближается, так и давай пихать в бок друг дружку: «Глянь, Пердимонюкль-то наш шагает! Ну чисто жаних!» А Семеныч и правда, в белой рубашке, причипуренный весь. Идет довольный, улыбается.

– Откуда такой гладкий, Семеныч? – спрашивает толстая бабка, самая активная сплетница двора.

– Я-то? Я, Варвара Михайловна, в парикмахерскую ходил, стрижку вот обновил. Блюсти надо благодать наружную, тогда и внутреннее благо не вывалится, – улыбнулся загадочно Семеныч.

– Все-то ты умничаешь больно, загадками мозги нам засоряешь! Никогда в простоте слова не скажешь, все с подвыподвертом! – огрызнулась Варвара и обиженно заправила за ухо седую, с остатками былой рыжины прядь волос.

Семеныч снова ласково ухмыльнулся и, поклонившись слегка, вроде как прощаясь, удалился в темноту подъезда.

Егор Семенович и вправду любит кудряво выражать свои мысли, за что соседи считают его слегка не в себе. Но этот факт совершенно не мешает тому, что Семеныча любят и даже порой зовут «на чай». За чашкой ароматного байхового можно послушать занятные байки, наемдни приключившиеся с соседом. Рассказывает Семеныч не спеша, обстоятельно, образно. Хоть записывай за ним. Голос звучит мягко, ласково, таким в деревнях на завалинке по вечерам переговариваются. Оттого и зовут соседи Семеныча, что от голоса его на душе тихо и покойно становится, а истории всегда забавные и настроение поднимают. Хотя философские рассуждения дедка порой такие мудреные, что понятны, наверное, только ему самому.

Вообще, мне думается, что Егор Семенович и правда не простой мужичок. Вот Москву-то всю позастроили, понатыкали башен стеклянных да отелей страшных, старых дворов нетронутых почти и не осталось. А наш дворик и улица стоят, глаз радуют старой московской архитектурой. Дома невысокие, уютные, надежные. Небушко видно, деревья только кружевом слегка синеву разбавляют. Синицы во дворе во множестве собираются, скворечники сажают. Да в садике голуби воркуют-мурлычут, бабки им из окон старых хлеб да крупу сыплют. Воробьи между ними снуют, из-под клюва свое выхватывают. Малышня в садике как в прежние времена играет, носятся в казаки-разбойники, выстраиваются в очередь на качели, словно и нет всяких, прости господи, гаджетов, компьютеров и телевизоров. Зимой по утрам дворник скребет деревянной лопатой снег, а летом шуршит метелкой, и под звук этот так благостно просыпаться!

Ходят слухи, что пока живет в нашем доме Пердимонюкль, так и будет у нас все спокойно и благостно. А я думаю, что Семеныч наш – московский домовый! В каком дворе живет – тот двор и под охраной! Вроде как оберегает дед нашу улицу от ужасов новостроек, от безликих стеклянных офисов, из которых выбегают-вбегают такие же безликие клерки. Хранит наш домовый от жестоких перемен весь двор и жильцов, согревает большой своей душой островок детства и юности. Может, так оно и есть, кто знает... Будем надеяться, что продлится это еще много лет. А пока вот такой на нашей улице Пердимонюкль!

ГЛАВА 2 Друид

Нынче странный выдался сентябрь. Сперва тепло по-летнему было, а потом холода накиннулись, хоть шубу надевай. Отопление-то вроде дали в конце месяца, но натерпелись мы, пострадались вдоволь. По ночам так студено в доме, что ко сну не раздеваемся, а одеваемся потеплей. Добрая половина жильцов разболелась, только и слышно за стенами «апчхи» да «апчхи»! Вот и Егор Семенович наш не сдюжил, взял да простыл. Раньше-то его никто никогда хворым и не видел, словно и не болел вовсе. А если и простужался, то тихо и незаметно. А тут ходит, бедолага, и интеллигентно так в нос разговаривает, с французским прононсом. Да все в

платок наглаженный сморкается и извиняется всякий раз, пардон, мол, неловко мне. А что неловкого? Это ж природа! Ну и затыркали его бабки соседские, что, дескать, давно у врача не был, надобно сходить. Анализы там всякие сдать, сердечко послушать, давление померить. Не мальчик чай! А Семеныч слушает их, кивает, но в поликлинику не торопится. Ну и докивался, слег с температурой. Всем подъездом к нему таблетки да молоко таскали, лечили как родного. Да что уж тут, любим же нашего Пердимонюкля! Ну и вылечили вроде, заулыбался дедок, кашляет только маленько да носом все пошмыгивает.

По правде сказать, здоровье-то у соседюшки всегда было ровное, да и образ жизни правильный. Сам здоровье поддерживал – народными методами. А что, не пьет ведь мужичок, не курит, питается кашкой да овощами. Когда-никогда куриный бульон сварганит, ничего жареного и жирного не употребляет. А какие соки наш Пердимонюкль закатывает – весь дом к нему угощаться заходит! По осени и яблоки жмет, и апельсины, а недавно даже гранатов надавил да с морковным соком смешал – нектар! Умеет Семеныч и капусту заквасить, и огурчики засолить. Ну а что? Один живет, поди время есть. Травки заваривает, шиповник запаривает, водичку лимонную натошак регулярно пьет, так что болеть Семенычу не с чего вроде. А давеча вот сподобился, не справился с заразой-то. Ну и призадумался Егор Семенович, решил все ж таки в поликлинику сходить. А что, сколько лет он туда ни ногой, так пора бы уже.

Ну так вот, собрался, значит, Пердимонюкль в поликлинику, сел к аппарату и стал звонить в регистратуру, слышит – короткие гудки. Тыкал-тыкал Семеныч кнопки на своем стареньком телефоне раз за разом – занято, и все тут! Но наш домовый упрямый: решил – сделал. И вот, когда палец уже начал побаливать, на том конце ответили. Нелюбезная дама буркнула вредным голосом «Поликлиника!» и, мучительно преодолевая желание нахамить, выслушала Семеныча и записала-таки его на прием к участковому доктору.

На следующее утро Семеныч встал пораньше, достал баночки, старательно наполнил их анализами да прибрал в холодильник – не приведи господь испортятся пока суть да дело. Завтракать не стал, кровь натошак сдавать надобно. Не спеша привел себя в надлежащий порядок и собрал бумаги всякие: паспорт, пенсионное и даже зачем-то выписку из домовой книги. Пеленочку с собой прихватил, авось понадобится. Перед самым выходом не забыл Семеныч и ценные банки с анализами достать, в портфель, как водится, пристроил, пакетиками все обернул и пошел.

Поликлиника-то не за тридевять земель, недалеко, десять минут ходу. Но пока шел Пердимонюкль, начал волноваться. А вдруг анализы плохие? А что, ежели доктор опасное что отыщет? Но доктор долго разговаривать не стал, а сразу направил кровь сдавать, ну и все остальные необходимые анализы тоже. Ладно, дедок наш не сопротивлялся, очередь занял и культурно в уголочке пристроился, наблюдает. Бабки у кабинета – что голуби на проводах, сидят рядком, воркуют, болезни свои со смаком обсуждают, опытом обмениваются. Под это воркование расслабился Семеныч, опять о своем задумался да прикорнул маленько, так очередь незаметно и прошла, настал его черед кровопийцам сдаваться. Мягким шагом тихонько в кабинет проскользнул, на стульчике компактно угнездился, рукав закатал.

– Качаем кулачком! – командует грудастая и румяная тетенька, крепкая, как гренадер. Качает Семеныч, а сам жмурится, смотреть страшно, но интересно. Уверенным движением не по-женски сильной руки, медработница ввела иглу в вену и подставила пробирку. Пурпурно-вишневая струйка резво потекла в склянку. «Вампиры! – подумалось Семенычу. – Ну зачем им столько моей кровушки-то?»

– Вот и все! – Вытащив из вены иглу, лаборант ловко перебинтовала сгиб локтя. Потом глянула на бледного дедка, на баночки в его руках и улыбнулась: – Можете идти. Результаты анализов заберете у участкового. Мочу и кал на втором этаже оставьте! Нам этого добра не надо.

Пошлепал наш Семеныч на второй этаж, баночки свои в окошечко поставил и со спокойной совестью удалился из поликлиники прочь. Ждать анализов пришлось долго, и так-то неделю, как водится, тянут, а тут вовсе заждался наш пациент. Звонит, значит, в поликлинику, а ему говорят: «Не готово еще, ждите!» На пятнадцатый день притомился Семеныч ждать и решил кабинет врача на абордаж взять. Марафет навел – костюм, галстук, все как полагается, одеколоном облик приправил и двинулся допрашивать доктора. За эти пятнадцать дней бедный Пердимонюкль нашел у себя симптомы всех болезней, какие только мог вспомнить. Так что в кабинет врача вошел с некоторой ноткой трагичности во взгляде. Участковый врач принял Семеныча приветливо, хотя несколько настороженно. «Присаживайтесь, – говорит, – уважаемый Егор Семенович. Давайте ваши анализы обсудим». Наш Пердимонюкль еще сильнее заволновался, но присел, как предлагали, и портфель свой зачем-то обнял, к животу прижал. Вроде как инстинктивно, для защиты.

– Что же мне с вами делать Егор Семенович? – вопрошает доктор. – Анализы у вас такие необычные, каких я в жизни не видывал!

– Я что, смертельно болен? – побледнел Семеныч.

– Не могу вам сказать ничего определенного. Я вообще не могу понять, что с вами. – Доктор усмехнулся уголком губ и одновременно строго нахмурился – гримаса получилась чудная, вроде как сердится и смеется одновременно, – и продолжил: – В ваших анализах вообще нет никакой логики. Кровь приличная, даже холестерин в норме, гемоглобин низковат, но это поправимо. Кал тоже абсолютно в порядке. А вот моча...

– А что моча? – перебил Пердимонюкль. – Я умираю?

– Да что вы заладили! Умираю-умираю... – еще больше нахмурился участковый, – на вид вы очень крепкий пенсионер, но моча патологическая. Не нормальная. Там нет солей, удельного веса, эпителия, в общем там ничего нет, одна глюкоза, пектин и витамин С в избытке...

В этот момент дверь кабинета приоткрылась и в щели возникла недовольная физиономия бабки в больших роговых очках.

– Доктор, я на десять двадцать к вам записана, а сейчас уже десять сорок! А у меня давление!

– Закройте дверь! Всех приму! – рявкнул эскулап и мотнул головой. – Ох уж эти бабки! Не дадут работать спокойно. Егор Семенович, у вас очень интересный случай, прямо-таки загадка природы. Понимаете, по анализу крови вы вполне здоровый мужчина, и вроде волноваться не о чем, а вот по моче вы получаете... как бы объяснить, дерево!

– Как дерево? – опешил пациент. – В каком смысле дерево?

– В прямом, – огорошил выводом врач, – натуральное дерево, я бы даже сказал, яблоня, исходя из количества пектина.

В кабинете повисла тишина. Прижав к себе портфель еще сильнее, Пердимонюкль замер, словно в обмороке. Он тщетно старался как-то среагировать, но заявление участкового врача так его напугало, что он буквально окаменел. Лицо его не выражало абсолютно ничего, что невольно наводило на мысль об отсутствии каких бы то ни было мыслей в голове. Доктор выжидающе смотрел на пациента и снова хитро улыбался краешком губ, пациент смотрел сквозь доктора и как бы внутрь себя, натужно пытаясь вернуть способность хоть как-то соображать. Дверь в кабинет снова приоткрылась.

– Нет, ну сколько можно? – возмутилась очкастая бабка. – Очередь уже волнуется! Никаких сил же не осталось сидеть тут, все соки из нас выдавили этими очередями, ироды!

И сердитая бабка захлопнула дверь, не дожидаясь окрика доктора. Неожиданно в голове Семеныча все зашевелилось, мысли ожили, завертелись, и он крикнул так громко, что врач вздрогнул:

– Ну конечно! Как же я так опарафинился?!

Брови доктора удивленно поползли вверх, затем снова спустились к переносице, и он уставился на деда, теперь уже явно подозревая пациента в умственном отклонении и ожидая, чем завершится сцена внезапного прозрения. Семеныч виновато и вымученно заулыбался, ослабил хватку, с которой прижимал портфель, и немного покраснел.

– Доктор, вы меня уж простите, я, окаянный, сам виноват, все перепутал.

– И что же вы перепутали, позвольте узнать? – скрестил руки на груди терпеливый врач.

– У меня, понимаете, сок...

– Желудочный? Панкреатит?

– Да нет! Доктор, у меня сок в холодильнике, яблочный! Полезно очень, особенно зимой. Витамины там и...

– Подождите! – перебил его врач, похоже было, что терпение доктора закончилось. – Вы что хотите сказать, вы яблочный сок на анализ сдали? Совсем уже с ума сошли?

Он демонстративно вскочил из-за стола, с грохотом отбросив стул, и, засунув руки в карманы халата, нервно зашагал по кабинету. Дверь начала было снова приоткрываться, но, не оставив ей никаких шансов, доктор резко ее захлопнул, не беспокоясь о том, кто был по другую сторону. Пердимонкль, блаженно и заискивающе улыбаясь, следил за беготней врача, поворачивая голову вправо и влево. Наконец доктор взял себя в руки, сел и предельно вежливым голосом попросил.

– Так что же у вас все-таки произошло, уважаемый Егор Семенович? Объясните по-человечески!

– Видите ли, доктор, я ведь уже и не припомню, когда в поликлинике бывал-то, – заулыбался опять Пердимонкль, – здоровье вроде в порядке. А все почему? Потому что я справно каждый год баночки с соками и травными отварами изготавливаю. Банок то у меня целый уповод! И большие, и махонькие, мало ли какая понадобится. Соки выжмешь, постарайся – и витаминам всю зиму радуешься. Что-то в холодильнике храню, а что-то в шкафу на балконе. Вот разолью по баночкам – и на балкон, а остатки – в маленькие, из-под детского питания, в холодильнике-то и пристрою. На завтрак одну такую баночку выпьешь, и целый день настроение благостное. Видать, перепутал, когда сдавать носил, вместо анализа сок яблочный прихватил. На цвет-то они схожие. Ну вот, анализы и показали, что я яблоня. Бывает же такое! Вот ведь какой пердимонкль приключился. Вы уж не сердчайте, доктор.

Врач вдруг хихикнул, хрюкнул и захохотал в голос. Смеялся он долго и с удовольствием, закрыв лицо руками и всхлипывая.

– Я уж подумал, что с ума съехал, когда мне результат вашего анализа мочи пришел, – с трудом выдыхая, проговорил он, вытирая слезу, – по нему получается, что друиды и в самом деле существуют. И один из них ко мне на прием пожаловал. Ох, не могу больше смеяться! Идите, идите уже! – махнул рукой доктор.

Егор Семенович еще больше засмутился, поблагодарил за прием и, пятась, ретировался в коридор.

По дороге домой Семеныч кумекал, вспоминал, как давеча, собираясь сдавать анализы, доставал баночку из холодильника. Он старался припомнить все до деталей. «То, что произошел такой пердимонкль, – думал он, – не страшно, даже забавно вышло. Разобрались же, никто не пострадал». Семеныча печалил другой вопрос: почему за прошедшие пятнадцать дней ему ни разу не попала баночка с мочой, и куда же она подевалась?

Глава 3 Чемпион

Ноябрь зарядил погодной кардиограммой. То дожди ледяные с ветром, то в минус погода сваливается. На улицу не то что собаку, врага не выгонишь. Наш Семеныч чего-то затосковал вдруг. Всегда вроде ровный был дядечка, настроения и сам не терял, и другим поднимал. Бывало, расскажет какую историю забавную, а людям и веселее, и на душе теплее. Сразу силы для жизни прибавляются. А Семеныч так слегка сощурится, вроде как улыбается одними глазами, и довольный дальше по делам пойдет. А тут сидит дома, скучает, телевизор не смотрит, только в окно все поглядывает – когда, мол, эта ненастная канитель закончится. Можно подумать, погода виновата! А что погода? Она каждый год такая, не в ноябре холод, так в июле жара несусветная накроет. И опять много недовольных найдется на погоду попенять. Ну вот, значит, налил себе наш страдалец шестую кружку чая, сидит, цедит, ждет весны. Вдруг звонок телефонный, Пердимонюкль аж чуть чаем не облился. Трубку снимает:

– Алло, слушаю...

– Здравствуйте, Егор Семенович! – По голосу сразу ясно: молодая и, похоже, даже красивая. – Вам звонят из центра «Долголетие». Вам удобно сейчас разговаривать?

– Здравствуйте, милая барышня! – расплылся Семеныч. – Да, мне очень удобно! А как ваше имя, я не расслышал? У вас такой ладный голос...

– Замечательно, – невпопад отвечает девушка, – сейчас я соединю вас с оператором, а пока послушайте музыку...

Громко заиграл Моцарт. Семеныч уставился на трубку: «Это с кем же я разговаривал? Неужто робот?» Он огорченно вздохнул и принялся ждать. Музыка играла по кругу, небольшой фрагмент, пауза и опять сначала. Время тянулось, нечаянная радость вновь сменилась унынием, и Пердимонюкль уже собрался было повесить трубку, как вдруг...

– Але? Егор Семенович, спасибо вам за ожидание! – Голос девушки был не менее приятным, чем у робота.

– Да и вам спасибо! – снова растаял дед. – А вы не робот?

Девушка на другом конце рассмеялась:

– Ну что вы, Егор Семенович, я вполне живая, из плоти крови, как говорится. Я Вера, администратор районного центра «Долголетие». Егор Семенович, мы приглашаем вас в наш центр, у нас много интересных мероприятий, занятий, лекций. Есть гимнастика, курсы английского языка и игры на гитаре, да много чего еще. Желаете, чтобы я выслала вам информацию на ватсап или емейл?

Семеныч растерялся. Девушка говорила так быстро и произносила такие слова, что он не все понял.

– Что вы сказали? Куда выслали?

– Я говорю... что могу выслать вам... информацию о наших мероприятиях... и расписание. Вы согласны? – медленно и почти по слогам повторила Вера.

Егор Семенович недолюбливал современные гаджеты. «И слово-то какое поганое: ГАДжеты! Тьфу!» – ворчал он. В квартире Семеныча чудом сохранился городской аппарат, по которому ему сейчас и позвонили. Пердимонюкль сопротивлялся покупке мобильного телефона и принципиально не пользовался интернетом, утверждая, что это «ослабляет мозги». Он предпочитал много ходить и пользоваться принципом «язык до Киева доведет». Вот и сейчас

дед прекрасно понял, чего, собственно, добивается его собеседница, но из упрямства решил сделать все по-своему.

– А какой у вас адрес? К вам можно доехать или дойти?

– Да, разумеется, – заулыбалась Вера, – конечно, приходите! Мы вам все покажем и расскажем. Ждем вас! Записывайте...

И девушка продиктовала Семенычу адрес.

На следующее утро Пердимонюкль побрился, причесал усы и бороду и надел выходной костюм. Надобно принарядиться, раз в этом «Долголетии» такие приятные администраторы.

В районе нашем всё друг к дружке близко, немного пройдешь – вот и нашел, что искал. Протопал Семеныч пару переулков и в вывеску «Долголетие» уткнулся. На первом этаже жилого дома обнаружилось уютное и светлое помещение с множеством комнат и залов для танцев и занятий спортом. Имелись шахматная секция, теннисный стол и огромный телевизор, какие Семеныч видел только в магазине. Чуть дальше, в светлом помещении, обставленном под кафе, компания пенсионеров с удовольствием попивала чай с печеньем и конфетами. Они о чем-то болтали и смеялись. «Однако неплохо тут все устроено», – отметил Семеныч. Повесив пальто в гардеробной, он отправился исследовать пространство. За прозрачной дверью с весьма неплохой звукоизоляцией дружно и почти беззвучно открывали рты шесть бабулечек. Напротив них с важным видом пристроилась на стуле седьмая, нарядно укутанная павловопосадским платком пенсионерка с гитарой наперевес. Она с энтузиазмом щипала струны и радостно что-то пела. «Хор», – улыбнулся Семеныч.

Внезапно кто-то схватил его за локоть.

– Вы у нас новенький?

Пердимонюкль повернулся в направлении голоса. Оный кстати был весьма звонким и обладал приятным эротическим тембром. Обладательница голоса, увы, не соответствовала его звучанию. За локоток Семеныча держала очень корпулентная, ужасно кудрявая и абсолютно близорукая женщина в очках с толстенными стеклами. Она счастливо улыбалась редкими зубами и ждала ответа. Пердимонюкль зажмурился. Он надеялся, что каким-то чудом это видение само развеется. Для этого набрал побольше воздуха, задержал дыхание и шумно выдохнул, но, открыв глаза, вздрогнул. Его по-прежнему сверлили два крошечных глаза сквозь толстые линзы очков.

– Ой, какой вы застенчивый! А я Га-аля! – пропела ангельским голосом чудовищная незнакомка, еще сильнее сжимая Семенычев локоть.

– Простите... здравствуйте... да... я только посмотреть, – вежливо промямлил Пердимонюкль.

Ему почему-то стало очень страшно, показалось что Галя хочет его съесть! Он неловко вырвал локоть из цепкой Галиной лапки, затем, кланяясь и криво улыбаясь, отступил к гардеробной, схватил пальто и припустил прочь в сторону дома. «И зачем я только туда пошел?» – сокрушался Пердимонюкль, оказавшись в безопасности у себя в квартире. К вечеру ему стало маленько стыдно за такое паническое бегство. Ну, в конце концов, говорил он себе, что плохого сделала тебе эта женщина? Просто хотела приободрить новенького, ну, может, еще немного пококлетничала. Так что в том дурного? Ложась спать, Семеныч твердо пообещал себе вернуться и извиниться перед Галей, если, конечно, ее встретит. Ну а коли не встретит, еще и лучше.

Наутро Пердимонюкль заявился в «Долголетие» сразу после открытия. Гали не было видно, и он записался в шахматный кружок. Шахматы Семеныч любил и играл давно. Дождаясь других игроков, он выпил чаю в импровизированном кафе и отметил, что чай-таки у них дрянной. Не

чета отварам из смородины и мяты, что Пердимонюкль заваривал сам. «Эх, надо было прихватить с собой термос», – запоздало сокрушался дедок.

Долго ли, коротко ли, а шахматная секция наполнилась наконец игроками. Все расселись за досками, и три столика начали партии почти одновременно. Через час в небольшом помещении стало не продохнуть, народу набежало уйма! Пердимонюкль выиграл четыре партии подряд. Партнеры все менялись, а Егор Семенович неизменно ставил мат каждому сопернику. Удивленные пенсионеры давно не видывали такой знатной игры. Они восхищенно качали головами и пожимали руку Семенычу, шепотом приговаривая «Чемпион!». Увлечшись, Пердимонюкль уже было собрался начать пятую партию, когда увидел за стеклом двери объемную фигуру и грустные глаза за толстыми линзами очков. «Галя», – тяжело вздохнул Семеныч и решил, что надо все же извиниться за вчерашнее. Он поблагодарил шахматистов за игру и, собравшись с духом, вышел за дверь. Галя переминалась с ноги на ногу и теребила в руках ярко-зеленый шифоновый платок.

– Здравствуйте, Галина! – решительно перешел к действию Семеныч. – Я покорнейше прошу простить меня за вчерашнее. Сбежал совершенно неприлично! Стыдно признаваться, но я растерялся, такой вот пердимонюкль.

И он протянул руку,

– Егор Семенович, будем знакомы!

Галя не улыбалась, она нервно наматывала платок на палец и, кусая нижнюю губу, громко сопела, глядя на свои туфли.

– Я что, так сильно вас обидел? – расстроился Пердимонюкль.

– Да нет... ничего, все в порядке, я понимаю, – криво улыбнулась женщина и, подняв глаза на Семеныча, нежным голосом продолжила: – Понимаете, у нас вчера объявили танцевальный конкурс среди местных пенсионеров, а всех мужчин расхватили. Ну вот... я вас увидела и сразу решила пригласить. Пожалуйста, не отказывайте мне, я так люблю танцевать, я очень хочу участвовать! Ничего сложного, просто вальс, – поспешно добавила Галя, заискивающе заглядывая в глаза собеседника.

Семеныч украдкой пробежался по Галиному силуэту, и у него возникли серьезные сомнения по поводу танцевальных возможностей новой знакомой. Но отказать в такой отчаянной просьбе даме он не смог. Все-таки наш Пердимонюкль был воспитанным и галантным.

– Стало быть, вальс? – повторил он за Галей. – Ага, ну, вальс – это хорошо. Только танцор из меня никудышный. Уж не помню, когда и танцевал.

– Это ничего! – обрадовалась Галя. – Я вас выведу!

– Куда? – испугался Пердимонюкль.

– В танце выведу, – рассмеялась Галина и начала кокетливо обмахиваться платком, – я в прошлом профессиональная танцовщица. Что, не похоже?

«Совсем не похоже», – пронеслось в голове Семеныча. Откровенно говоря, Галя больше походила на борца сумо, чем на танцовщицу, но спорить Семеныч не стал. На том и порешили. Репетировали каждую неделю по два раза. Пердимонюкль уже жалел, что дал согласие на эту авантюру, он оттоптал Гале все ноги и совершенно не способен был слышать счет. Ценить музыку он мог прекрасно, слушать с удовольствием, но вот танцевать – увольте! Однако Галина была на удивление пластичной и хорошо танцующей партнершей. К тому же она оказалась терпеливым педагогом. К последней репетиции Семеныч запомнил все па и даже научился считать про себя ритм.

Неумолимо приближался день конкурса. Поднявшись чуть свет, Пердимонюкль отгладил костюм, надушился самым любимым одеколоном, расчесал бороду и даже сподобился надеть выходную шляпу! Под воротник пальто Семеныч элегантно повязал кашне, хранившееся для

важного случая. Разумеется, не забыл свой заветный портфель. Одним словом, причепурился Семеныч как никогда прежде. Бабки у подъезда, сидящие там в любую погоду, сразу заметили, что соседка навел лоск!

– Ой, Семё-о-оныч, никак невесту нашел! Куда-та такой красивый шагаишь? – запричитала ехидная бабка Варвара.

– И правда, Егор Семенович, давно таким нарядным вас не видели. Наверное, в театр или в консерваторию идете? – подхватила интеллигентная Клавдия Матвеевна.

– Доброе утро, Варвара Михайловна, Клавдия Матвеевна! – приподнял шляпу Пердимонюкль. – Уж не знаю, огорчу вас али порадую, но я отправляюсь на танцевальный конкурс. Хорошего дня!

И Семеныч снова приподнял шляпу, прощаясь.

– Ишь ты поди ж ты! – всплеснула руками Варвара. – На танцы! Совсем, видать, кукухой поехал старый!

– Ну зачем же вы так, Варвара Михайловна, – поджала губы Клавдия Матвеевна, – нехорошо. Что в танцах предосудительного?

И она осуждающе покачала головой.

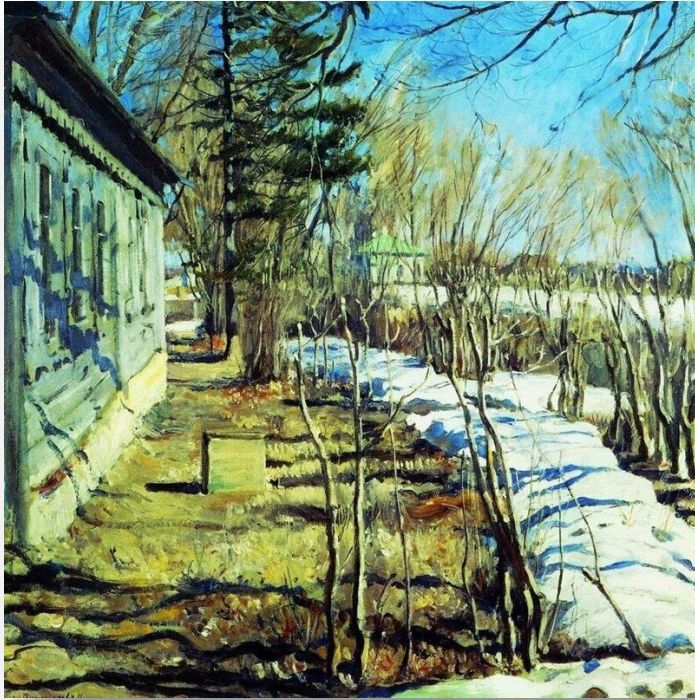
Долгожданный конкурс пролетел так быстро и радостно, что даже гипертоники и сердечники выглядели и чувствовали себя вполне бодро. Подготовка заняла гораздо больше времени, чем само выступление, но это уж как водится. Не успела Галя довести до видимого только ей совершенства макияж, как объявили их пару. Они танцевали вторыми в списке, так что особенно переволноваться вроде бы и не успели. Но все же, стоя в центре зала, Семеныч с огорчением обнаружил у себя какие-то ватные ноги, слипшийся с небом сухой язык и легкое головокружение. Но тут Галя решительно вложила свою пухлую ладонь в его руку. От этой ладони по телу растеклось такое спокойствие и материнское тепло, что Пердимонюкль расслабился и, вспомнив долгие репетиции, снова нормально задышал. Свободной и уверенной рукой Галя скорректировала объятия партнера на нужной точке в районе своей талии и одними губами произнесла: «Р-раз, два, три!» Музыку Семеныч не слышал, он двигался, покорно следуя невидимой силе, направляющей его в танце. Сила исходила от Гали, удивительно легко и плавно скользящей по паркету, несмотря на свои габариты. Она откидывала свою пуделиную голову в попытке изогнуться, и лицо ее принимало выражение скромной барышни, впервые увидевшей мужчину. Изгиба, разумеется, не получалось, но впечатление на публику Гале удалось произвести. Артистичность и пластика женщины были настолько естественны и комплементарны партнеру, что Семеныч выглядел бравым гусаром, мастерски ведущим даму в вальсе.

Жюри подвело итоги, и первое место в конкурсе присудили паре Егора Семеныча и Галины. Она краснела и звонко хохотала, пока председатель жюри вручал ей грамоту. От хохота кудряшки тряслись и колыхались выдающаяся грудь. Галя была невероятно счастлива! Семеныч же, не успев до конца ни испугаться, ни насладиться, машинально пожимал руки членам жюри под общие аплодисменты и выкрики «Браво чемпионам!». Он внезапно страшно устал и очень хотел домой. Но домой их никто не отпускал, после всех церемоний намечалось торжественное чаепитие. Так что наш чемпион собрал последние силы и остатки хороших манер, чтобы не ударить, как говорится, в грязь лицом.

Позже, дома, стоя на кухне и заваривая травы в термосе для завтрака, Пердимонюкль вздыхал, вспоминая конкурс, Галю, комплименты жюри и свои переживания за весь этот долгий день. Ему было приятно, что они справились и очень прилично танцевали, неловко от множества комплиментов и невероятно легко от того, что все закончилось. «Нет, как-то все это слишком для меня, – размышлял Пердимонюкль, – ну какой из меня танцор? Это все Галя, она ведь хотела танцевать, вот пусть и танцует. Мало, что ли, там желающих! А вообще-то она ничего... справная...

Московский BAZAR № 1 (47) 2024

молодец женщина!» Семеныч вдруг смутился от собственных мыслей и, словно решительно избавляясь от них, потряс седой головой. Он крепко закрутил крышку термоса, дав себе твердое обещание больше не возвращаться в «Долголетие».

С. Виноградов. Весеннее солнце. 1910 г.

С. Виноградов. Весна идет. 1911 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

ВДОЛЬ БЕРЕГА БАЛТИКИ

Краткий путеводитель по Калининградской области

До конца большого августовского отпуска оставалась неделя. Было решено встретить сентябрь на берегу Балтики...

Аэропорт, машина, дорога под смыкающимися кронами дубов, дом на первой линии в Зеленоградске. Жить в городе-курорте и слушать каждый день море оказалось лучшим решением. Красивая морская набережная, городской променад с протяженным пляжем и 150-метровый пирс... Ресторан «Телеграф» как отдельная достопримечательность этого места заслуживает отдельного внимания! В небольших городах Калининградской области, расположенных на побережье, прекрасный и заманчивый частный сектор, очень красивые дома с ухоженной территорией и дорога из брусчатки, что создает в таких районах особую атмосферу.

Светлогорск. Популярность этого города как курорта существенно возросла с 1900 года, когда проложили железную дорогу от Кенигсберга до станции Раушен-Орт (Светлогорск-1). Город разделился на две части: нижнюю – около озера, и верхнюю – у моря. Верхний поселок располагался на высоте около 60 метров над уровнем моря, поэтому приятным событием явилось открытие в начале XX века фуникулера, который в 60-х годах сменила канатная дорога.

Светлогорск

Один из символов – водонапорная башня, построенная в XX веке и примыкающий к ней ротондальный корпус водогрязелечебницы, в настоящее время относящиеся к Светлогорскому центральному военному санаторию и имеющие статус объекта культурного наследия регионального значения.

Янтарный. Приморский карьер

Самый западный город России, Балтийск. До 2009 года этот город с базой военно-морского флота был закрытым. Самая яркая достопримечательность, звезда (в прямом смысле этого слова) – крепость Пиллау. Само название происходит от древнепрусского корня «пилс» – замок, крепость. Цитадель представляет собой пятиугольник, длина каждой стороны которого составляет 80 м. За все своего существования Пиллау выполняла только военные функции. Не изменена концепция и сегодня – крепость является одной из военных частей, на территории которой был открыт филиал Музея Балтийского флота.

Янтарный. Считается, что именно тут находится лучший пляж Калининградской области. Стоит посетить не так давно открытый музей добычи янтаря на берегу Синявинского озера, а пообедать в «Янтарной легенде» на окраине парка имени Марица Беккера. Парк появился на месте бывшей усадьбы промышленного магната и владельца янтарных карьеров. В нескольких километрах от моря, в глубине Янтарного, находится единственное в мире предприятие, где добывают янтарь открытым способом – Приморский карьер, содержащий около 85 % мирового янтаря.

Куршская коса. Длина самой протяженной песчаной пересыпи в мире достигает 98 км, из них 48 км принадлежат России, а 50 км – Литве. В середине XVIII века случилась песчаная катастрофа. Из-за вырубki лесов дюны стали перемещаться. Песок засыпал целые деревни. Немцы спохватились и начали высаживать сосны, чтобы укрепить дюны. Некоторые места до сих пор носят имена своих спасителей – инспектора Франца Эфа (высота Эфа), лесничего Людвиг Мюллера (высота Мюллера). Сегодня большая часть российской части косы – национальный парк.

Калининград. Один вечер было решено провести в столице области. Речная прогулка, кофе в кофейне с видом на Кафедральный собор и органнйй концерт с «Карминой Бураной»... Так и завершилось небольшое путешествие по Калининградской области.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Вячеслав Чачин

(Москва)

МУЗЕИ И УСАДЬБЫ РОССИИ³

Часть 2

Фото автора

Новоспасское

Село Новоспасское – родовое имение семьи Глинки. Здесь в 1804 году родился русский композитор Михаил Иванович Глинка. Композитор говорил: «Новоспасское – рай земной». Нельзя с ним не согласиться, побывав здесь.

Усадьба расположена в 22 километрах от города Ельни, районного центра Смоленской области, и в 400 километрах от Москвы. Добираться до музея-усадьбы лучше всего на машине. В пути от Москвы около 4,5 часов. При желании можно обернуться за один день, и это совсем не утомительно.

Селение перешло во владение к Глинкам в 1750 году, в 1786 году была построена каменная Спасо-Преображенская церковь и деревянный дом, в котором родился М. И. Глинка. По названию церкви и усадьба была названа Новоспасское.

Усадебный дом был построен отцом композитора, Иваном Николаевичем Глинкой. Из официальной описи известно, что дом был деревянным, двухэтажным, на каменном фундаменте, с семнадцатью комнатами на первом этаже, сорока окнами с двойными рамами и шестнадцатью голландскими печами из простых изразцов.

Усадьба не раз подвергалась разорению: в 1812 году, после 1917 года и полностью уничтожена оккупантами в Великую Отечественную войну. Сейчас она восстановлена, и все здесь как в прежние времена. Главное, сохранены дух и атмосфера того времени. В господском доме открыт музей М. И. Глинки, где находится много подлинных вещей семьи Глинки и самого композитора.

Входя на территорию усадьбы, попадаешь в атмосферу жизни «по старинному обычаю». Дорожка, ведущая к дому, зеленая и скользкая от мха, растущего между камнями, женщины убирают скошенную траву, мужчины ставят крохотный деревянный сруб, где-то в отдалении звучит музыка, очень приятная и знакомая, но увидеть, откуда она, пока не удастся – все скрыто листьями кустов и деревьев. Наконец появляется господский дом, в котором находится единственный в России музей великого русского композитора М. И. Глинки. Перед домом бюст М. И. Глинки с надписью: «Музыка – душа моя».

³ Продолжение. Начало см. МВ № 4 (47) 2023.

Экспозиция музея очень большая. Начинается она с комнаты матери композитора, Евгении Андреевны. Она родила 12 детей: двух мальчиков и десять девочек. Далее идут комнаты, иллюстрирующие новоспасский быт, жизнь композитора и учебу в пансионе Санкт-Петербурга, этапы написания оперы «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила». Во всех залах голландские печи и множество цветов. Цветы, и особенно розы, были предметом любви и забот хозяина имения. По воспоминаниям современников, обочины дороги, ведущей к Новоспасскому, на протяжении 12 верст были украшены цветниками и розами.

Во многих комнатах подлинная мебель семьи Глинок, переданная музеем их потомками. Сохранился столовый сервиз и другая посуда, которая украшает сейчас большой обеденный стол. Анфилада комнат первого этажа завершается бильярдной и очень скромной комнатой отца М. И. Глинки.

Второй этаж начинается «птичьей комнатой». В специальном вольере в ней живут певчие птицы. Композитор заводил такие комнаты везде, где только не приходилось ему жить. Последняя комната экспозиции – спальня композитора, в которой стоит рояль фирмы «Вирт».

Во время нашего посещения в музее была выставлена маленькая коллекция работ потомка М. И. Глинки – Гризо Нинель Петровны. Это вышивка по шелку, причем выполнена так, что работу можно смотреть как с лица, так и с изнанки. Это очень интересно и необычно.

Экскурсия заняла около двух часов и закончилась импровизированным концертом юного пианиста из числа экскурсантов. Нельзя не отметить профессионализм экскурсовода и его глубокое знание темы.

В господском парке устроен каскад прудов с фонтаном, мостиками и беседками на берегу. Под крышей одной из беседок дубовый сруб Святого колодца. Вода не замерзает в нем даже в самые лютые морозы. Сохранились дубы, которые помнят Михаила Ивановича, а под кроной одного из них, по преданию, он писал музыку к опере «Руслан и Людмила». За оградой усадьбы Спасская церковь, действующая. Рядом река Десна. У стен храма усыпальница Глинок.

Главный дом усадьбы Глинок в с. Новоспасском

Миниатюра на табакерке.

Е. А. Глинка с сыном Михаилом и дочерью Пелагеей

Сейчас в Новоспасском проживает тринадцать человек, из которых девять встретились нам в усадьбе – вероятно, в ней трудоустроены все жители села. Люди там удивительные, отзывчивые и добрые, а главное, делают свое дело с любовью и душой.

Покидая Новоспасское, хочется сюда еще не раз вернуться.

Гаврилов Посад

Проехав всего 24 километра от Суздаля по неплохой дороге и прекрасной местности, расположенной на территориях Владимирской и Ивановской областей, называемой Ополем, попадаешь в Гаврилов Посад.

Дворцовая слобода, основанная Иваном IV Грозным в XVI веке, в 1789 году была преобразована в город *Гавриловский Посад* Владимирской губернии. По данным на конец XIX века в нем проживало 1180 человек и было две хлопчатобумажных фабрики и одна ситцевая, 12 лавок, 3 церкви. Гавриловский Посад имел торговое и промышленное значение только во времена, когда тракт из Москвы на Владимир и Шую проходил по московской Стромынке. С устройством более прямого шоссе и железной дороги значение города упало.

Теперь Гаврилов Посад – районный центр Ивановской области. По статистическим данным население города 5500 человек, хотя местные жители оценивают количество проживающих в нем в 4000. Чем зарабатывают жители на жизнь, можно только догадываться. Вероятнее всего, это торговля, работа в сфере услуг и на конном заводе, что находится при въезде в город. Основное население города составляют пенсионеры.

Одним из самых интересных мест и центром притяжения гостей города является «Дворцовый завод» – музейно-дегустационный центр. Музей частный. Основан Игорем Кехтером, в прошлом мэром Суздаля. И. Кехтер – основатель Музея национальных русских напитков, коллекционер посуды для домашнего виноделия, ресторатор и большой знаток истории.

Музей «Дворцовый завод» открыт в 2020 году на площади 1200 квадратных метров и насчитывает около 10000 экспонатов. Музей и гостиничный комплекс разместились в корпусах бывшего конного двора, который был построен в 1776–1787 годах подрядчиком В. В. Кураевым по проекту архитектора А. Н. Вершинского.

Гаврилов Посад – родина владимирского тяжеловоза. На гербе города: лошадь – символ того, что город своим основанием обязан конному заводу; челноки – символ ткачества (признаки которого отсутствуют в городе); факел – символ принадлежности к Ивановскому краю, богатому революционными традициями.

Сувенирной продукцией город не балует. Лучший из них – владимирский тяжеловоз, изображенный на магнитах, фарфоровых тарелках и кружках, а также алкогольные и безалкогольные напитки, изготовленные по старорусским рецептам.

Теперь о музее. Его пространство разделено на несколько залов, где размещены экспозиции, посвященные коневодству, производству хмельных и безалкогольных напитков, выставлены коллекции винных бутылок, пивных кружек и самоваров.

Тематика музея интересна тем, что в ней можно увидеть вещи, ранее никогда не выставлявшиеся на публичное обозрение. Многие экспонаты можно трогать и брать в руки. Билеты, правда, для такого музея дороговаты.

Какой конезавод без гусаров? Поэтому первый зал посвящен расквартированному в городе 10-му гусарскому Ингерманландскому полку. «Гавриловская конюшня», где разместился музей, была рассчитана на 500 лошадей и считалась старейшим конезаводом Российской империи. Она была открыта по указу Екатерины II и работала до конца 1820-х годов. Затем был перерыв в его работе на пятьдесят лет. В годы Великой Отечественной войны завод работал и поставлял в действующую армию гужевой транспорт.

**Памятник владимирскому тяжеловозу
в Гавриловом Посаде**

Часть экспозиции посвящена фронтовому труженику – владимирскому тяжеловозу. Он вывез на себе все тяготы войны и восстановления народного хозяйства в послевоенные годы. Эта лошадь была выведена в конце XIX века, но оформлена как порода только в 1946 году.

Гаврилов Посад славится не только конным заводом, но и богатыми питейными традициями. Отсюда происходит род Синеврюховых, в честь которых названа известная марка пива, производимого в Финляндии. В музее широко представлена история культуры потребления двадцати одного национального российского напитка, как безалкогольного, так и алкогольных, показаны и некоторые «технические устройства» для производства этого продукта. В музейном баре «49 Коней» можно продегустировать 49 напитков, в том числе и на каждую букву русского алфавита. Их можно не только испробовать, но и приобрести как сувенир.

Самая впечатляющая и заметная часть экспозиции посвящена «чайной машине», или попросту самовару. Здесь их невероятно много. Первые самовары появились в России на заводе Демидова в Пермском крае в 1725 году, и только через полвека их стали изготавливать в Туле. Существовало более ста форм самоваров, выполненных в виде рюмки, шара, вазы, петуха, тюльпана и пр. Они были многоведерными и крошечными, медными и серебряными, фарфоровыми, украшенными эмалью и драгоценными камнями, расписными и с утонченным растительным декором. В экспозиции таких самоваров немало, но предпочтение отдано традиционным жаровым и угольным.

Вот, наверное, и все об экспозиции музейно-дегустационного центра. Есть надежда, что благодаря этому комплексу Гаврилов Посад станет местом притяжения для любителей гастрономического туризма.

Немного о городе

В 2018 году Гаврилов Посад выиграл конкурс по благоустройству малых городов России, что дало ему возможность реконструировать старую площадь и благоустроить набережную речки Воймига.

Центром города является торговая площадь, увенчанная торговыми рядами и до сих пор называемая Советской. Дома постройки до 1917 года, окружающие площадь, отреставрированы и выкрашены. Здесь расположены все основные административные учреждения города. Здесь

же выстроена необычная и оригинальная детская площадка с сухим фонтаном, памятник владимирскому тяжеловозу и церковь Архангела Михаила.

Люди в городе приветливые, доброжелательные и отзывчивые. Всё расскажут, покажут и непременно посоветуют, что посмотреть, куда направиться. К тому же город очень чистенький и аккуратный.

Порадовал Дом народного творчества, живой, говорящий и смеющийся. В нем много детей, приходящих на занятия и в кружки. Здесь же можно приобрести сувениры.

Рассматривается вопрос о вхождении Гаврилова Посада в состав городов Золотого кольца России. Надеюсь, решение будет положительным.

И интересный факт: Екатерина II пользовалась только пудрой, сделанной в Гавриловом Посаде на крахмально-пудренной фабрике.

Музей Петуха

Вы спросите:

– Может ли в Петушках быть что-нибудь путное?

– Может! – говорю я вам, и говорю так громко, что в Москве не может быть, а в Петушках- может!

Венедикт Ерофеев. Москва-Петушки

Может ли быть в Москве Музей Петуха? А вот в Петушках может! Музей оправдывает название города. Он и разместился в самом его центре. Его двери распахнулись перед посетителями в 1997 году. Основал музей художник и меценат Н. И. Корнилов. Это единственный в мире Музей Петуха.

Не сразу музей обосновался в Петушках. В канун 1993 года – года Петуха по восточному календарю – Н. И. Корнилов попросил знакомых художников нарисовать петуха. Друзья откликнулись на его просьбу, и скоро была собрана внушительная коллекция картин, которая составила основу выставки «Мои Петухи» в Банном переулке Москвы. В дальнейшем коллекция была подарена городу для создания музея.

Музей выполнен в виде миниатюрного сказочного городка, обителями которого стали птицы. Как в каждом городе, здесь имеются улицы и площадь, можно присесть за стол к радушному петуху-хозяину или посидеть в кресле городского головы, на улице Вечных Истин задуматься над вопросом: «Что было раньше – курица или яйцо?» А вот на вопросы: «Как красят яйца?», «Что значит пустить красного петуха?», «Как кукарекают петухи в разных странах?», «Где проходят петушиные бои?» – ответит только всезнающая хозяйка музея, директор и экскурсовод в одном лице. В курятнике, на одной из улиц, можно и самому прокукарекать и загадать при этом желание, которое непременно сбудется.

Из чего только не сделан главный герой музея: из стекла, хрусталя, дерева, металла, глины, ткани, разноцветных ниток и лоскутков, бисера и ракушек. Пернатые драчуны разного размера и расцветки, с разными характерами, разного предназначения. Есть петухи хохломские, гжельские, городецкие и дымковские, петухи – свистульки, кувшины, вазы. В небольшие залы музея слетелись петушки не только из России, но и из разных стран мира. Десятки коллекций переданы в музей частными коллекционерами.

В музее проводятся мастер-классы по росписи фигурок петуха и изготовлению открыток.

Немного о городе

Существуют три версии происхождения названия города: от местной игрушки-свистульки; от дымников в виде петуха; от разбойников Кудеяра, предупреждавших о своем появлении при нападении на обоз или какого-нибудь богатея петушиным криком.

Город находится в 120 километрах от Москвы и в 67 километрах от Владимира. Проживает в нем чуть более 13000 человек. Кроме Музея Петуха в городе есть краеведческий музей, картинная галерея, Музей Венечки Ерофеева и Дом-музей Святителю Афанасия. Все расположено достаточно компактно, и без большого труда можно посетить все музеи за один день.

Экспозиция музея будет интересна не только детям, но и взрослым. Любой желающий может пополнить коллекцию музея новыми экспонатами.

Часть экспозиции Музея Петуха

Часть экспозиции Музея Петуха